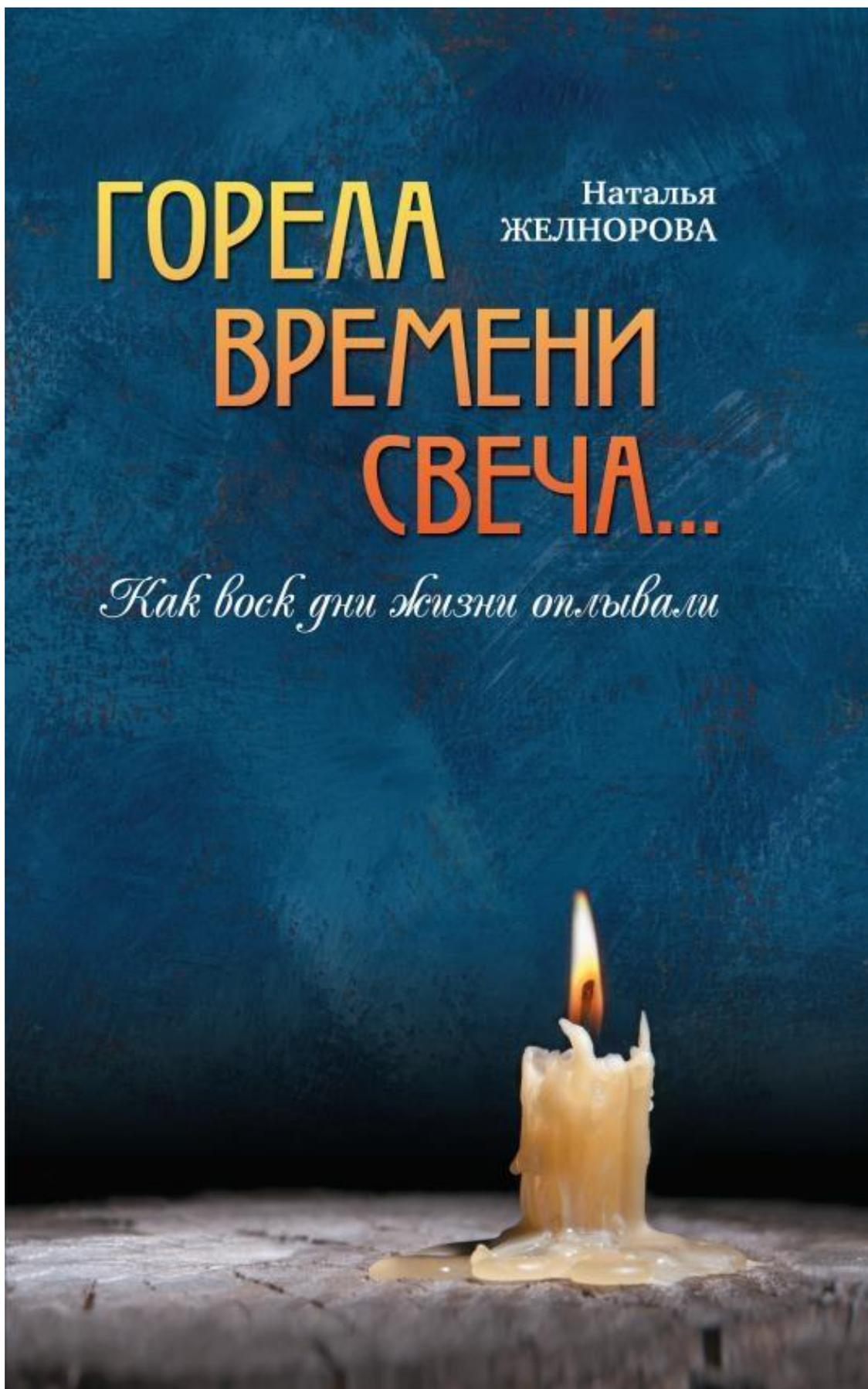

ГОРЕЛА
Наталья
ЖЕЛНОРОВА
ВРЕМЕНИ
СВЕЧА...

Как воск дни жизни отливали

Продолжение...

ИНДИЯ

Это была правительственная делегация. Все новые министры и несколько журналистов из крупных СМИ. Встретили их в аэропорту Дели посольские работники — высокие, крепкие, красивые. А правительственная группа из Москвы представляла плачевную картину — маленькие, но уже пузатые, какие-то кургузые, лица некрасивые. Когда они сели за стол переговоров, можно было предположить, что это просто собутыльники, неудачники-выпускники, но никак не представители России. «Убожество, прости меня, Господи! Кого вы сюда привезли?» — шепнул Наталье сидевший рядом с ней посольский работник.

На переговоры один из министров шел в расстегнутом до пояса спортивном костюме, с голой грудью. Наташа увидела и вовремя на него цыкнула. Тогда он... подтянул повыше молнию спортивной трикотажной куртки и в таком виде — после подпития — пошел на деловую встречу.

Ни этики, ни этикета — сердце разрывалось от вида этих картин. Ведущая журналистка с ОРТ с микрофоном в руках бежала вслед за министром, чтобы получить ответ на свой вопрос, а он, не останавливаясь, шел вперед, как надутый индюк, и что-то бросал ей через плечо.

Раньше ругали советских чиновников, но разве позволили бы они вести себя так по отношению к журналистам? Они все-таки понимали, что у каждого из них своя работа, свой статус. И журналистам тоже необходимо отчитаться перед своим СМИ.

Индия впечатляла дикими контрастами. Вот супершикарный отель в Бомбее, а рядом — жутчайшая нищета! Грязные, голодные детки, мусор, и тут же — как издевательство над здравым смыслом, над своим народом — бешенство денег!

На обратном пути в самолете (перелет был долгим) журналисты тепло общались с охранниками новых министров. Секьюрити спросили: «Хотите, мы вам что-то особенное покажем?» Естественно, что никто из журналистов не отказался. Потихоньку приносят шикарные кожаные папки, раскрывают их, а там... бесподобные бриллиантовые украшения — кольцо, браслеты, серьги... Это добро индусы подарили нашим министрам за какие-то выгодные им сделки, то есть подкупили их, а охранникам пришлось их проверять на безопасность. Вот они и «похвастались», при этом страшно возмущаясь продажностью правительственных негодяев.

В этот период начались Натальины самые нелегкие будни. Видеть весь маразм, предательство — и молчать — она не могла, но ее острые статьи так и оседали в редакционной папке. Шеф, опасаясь гнева «правлящей элиты» (либо сам уже «переориентировался»), не допускал их до читателей. На самом деле получалось так, что лучшие материалы (у других журналистов тоже была аналогичная ситуация) прочитываются только главным редактором, а средние и худшие выдаются читателям. Вроде как они недостойны глубоких и честных публикаций.

Так хотелось «вжарить» острым пером по этим продажным сукам и по другим чинушам. Но не только «АиФ», а и другие органы печати стали лизать

все места новым кукловодам. Наталья чувствовала, что задыхается в этой атмосфере, начинает духовно заболеть.

ИДЕЯ ПОПОВА

Среди известных экономистов того времени был и Гавриил Харитонович Попов. Рыночник, западник. Тогда многие свято верили в то, что если сделать образование, медицину платными, то сразу же резко возрастет качество обслуживания. Ты хоть и заплатишь, но уж ребенка твоего выучат и вылечат на «отлично». Частная собственность тоже станет панацеей. Нет бы подумать, где же взять таких спецов, чтобы могли учить-лечить «на пятерки»? Их же раз-два и обчелся. В итоге на вакантное место придут другие: они-то захотят деньги получить, но обслужить по-настоящему не смогут. Слабаки. Потом эту слабость взяли за моду прикрывать рекламой. Чем она ярче — тем цены выше.

Настал момент, когда Наташе пришлось брать интервью у Гавриила Харитоновича. Во-первых, он, как уже сказано, был экономистом, во-вторых, председателем московского правительства. Ну и главное — он был ярким демократом, заместителем Ельцина по Межрегиональной депутатской группе, считай, «лучом света в темном царстве».

Наташа расспросила его о разном, животрепещущем, в том числе, почему так плохо исполняются их «начальственные» распоряжения. Вроде разумные приказы, а как доходит до дела, то сплошной позор. Попов заявил, что сотрудникам правительства надо давать по 15 процентов «вознаграждения» от каждой сделки, и тогда «дело будет в шляпе»! Потрясенная услышанным, она переспросила, он так шутит или серьезно говорит? «Да, конечно, серьезно, — уверенно ответил Попов, — иначе ничего не получится».

Наташа не поверила своим ушам, она просто обалдела! По мнению председателя московского правительства, надо узаконить коррупцию, только тогда победит демократия! А что или кого она победит? — Она победит народ, который как не видел счастливой жизни, так ее теперь уже и не увидит никогда — ни при какой формации! Не было ее ни при царе-батюшке, ни при Сталине — «отце нации», ни при коммунистах, обещавших «светлое будущее», ни при демократах, мечтающих о капитализме. Кто заберется на государевы службы, тот и окажется таким тучным буржуем-капиталистом, торгующим природным добром и своими подписями. Ай да Попов, вот тебе и демократ во всей своей неприглядной красе! Вот открылся — так открылся!

Наташа сделала этот материал и отдала Попову на визу, в полной уверенности, что он уберет этот пассаж про 15 процентов. Одумается, поймет весь парадокс своих умозаключений. Экономист все-таки. Поймет, как заплывет жиром власть, если будет стричь такие купоны со своего народа...

Ничего подобного! Интервью было подписано, все точки расставлены. Возможно, что Гавриил Харитонович был даже счастлив, что сумеет быстро донести свою революционную мысль до просвещенного братства демократии.

В очередной номер поставили «Поповский» материал на полосы, но уже в

типографии, в полночь, перед самым-самым подписанием номера Старков вдруг на эту тему засомневался, посоветовался со своим заместителем Николаем Ивановичем Зятковым, тот был всегда рассудительным и осторожным, он поддержал сомнения шефа, и они решили выкинуть этот кусок, дискредитирующий известного демократа-ельциниста.

Наташа была решительно против. Они убеждали ее, что это скандал, что это смерть Попову, что он сам не понял даже, что ляпнул. Но Наталья стояла на своем: «Люди должны знать, кто ими управляет. Если негодяй, законодательно мечтающий ввести коррупцию, значит, пусть у этой «инициативы» будет свое нарицательное имя — «поповщина!».

«Нет, ну пойми, мы же сами демократы, ну не можем мы так подставляться, это же тенью ляжет на нас всех! Давай снимем!»

Сражались так, что задержали подписание номера. Учитывая тираж больше 30 миллионов и часовое ожидание во всех областных типографиях подписанных в свет «аифовских» полос, которые еще надо было доставить туда самолетом (не так, как сейчас — по электронной почте), это грозило большим скандалом и серьезными штрафами за задержку.

«Делайте, что хотите. Но если вы снимете этот кусок, я уйду с работы», — сказала Наташа и уехала домой.

...Утром Наташа взяла в руки свежий номер и не сразу его раскрыла. Там была заключена ее судьба. Она опасалась, что если увидит в материале изъясн, то сдержит слово и уйдет из «АиФа». Потом она глубоко вздохнула, произнесла вслух: «На все Твоя воля, Боже!», развернула газету и на третьей полосе, где печатались ее интервью, увидела, что «15 процентов от Попова» светились там «красным фонарем».

Материал стал сенсацией. Его снова все горячо и яростно обсуждали, ужасаясь, с каким цинизмом демократы пытались узаконить взяточничество.

Позже шеф признался, что не спал всю ночь, боялся, что его после этого демарша снимут с работы. Но, слава Богу, вскоре сняли Гавриила Харитоновича. Десять лет спустя люди вспоминали Наташе про «Гаврюшу-взяточника» и про это откровенное интервью. Вот какая сила у печатного станка!

НОВЫЙ ДРУГ

Владимир Лукьянович, знакомство с которым началось с предложения сделать интервью с супругой премьер-министра, стал часто звонить на работу, интересоваться, как идут дела, чем живет редакция. Наташа ему рассказывала о своих делах, справлялась о его судьбе, так как СССР уже почил в бозе по пьяной прихоти нескольких самонадеянных президентов, и союзное правительство было расформировано. Он отвечал, что переживает трудный период в своей жизни: привык быть у руля конкретного дела, а сейчас такого дела нет, только раздоры да разговоры: страна прет неизвестно куда. Но сдаваться перед трудностями он не собирался...

Наташе было жаль этого внимательного человека, он понравился ей своей скромностью (это нечастое дело в правительстве), а также тактичностью. Ему предлагали работу у Гайдара, но он отверг этот вариант как неприемлемый. Звали в новый кабинет министров, так как знали, ценили его эрудицию и организаторские способности. Однако менталитеты новых чиновников и старых очень различались. Новые шли по головам, им не жалко было населения, не жалко родины. Когда-то Рыжков предложил на очередном заседании всего на три копейки повысить цены на хлеб, чтобы улучшить ситуацию в сельском хозяйстве, демократы просто задохнулись в гневе: как это так? Не сметь! Нельзя обижать народ!

А что потом стало твориться? Вклады народа рухнули, приватизация оказалась страшным обманом. Народ стал восприниматься как «быдло», которое не заслуживает лучшей доли, оно и «создано», чтобы его «использовать». А демократы и рта не раскрыли, чтобы эту правду «обнажить»! Понятное дело, что все это не добавляло оптимизма и бывшим членам правительства. Как не потерять себя? Куда приложить свои силы и свой талант? Такие вопросы вставали перед многими честными людьми нашей страны.

Потом Наташа узнала, что Владимир Лукьянович открыл свой бизнес, дела у него пошли хорошо до тех пор, пока не столкнулись со шкурными интересами разных «братков». Время было какое!

ВЫБОРЫ В КОМИ

Старков захотел защититься от возможных нападков на него со стороны властей. Путь один — депутатство. Вскоре образовалось вакантное место в республике Коми. Кандидатуру Старкова выдвинули местные демократы. Доверенными лицами он выбрал Наталью и Александра Мещерского.

Они должны были вылететь из Москвы в понедельник утром, а в выходные Наташа с коллегами работала в Кишиневе, где проходила встреча с читателями газеты. Старков не советовал ей туда лететь, но она не послушалась...

Вечером айфовцам не удалось вылететь в Москву — не было билетов. Утренний рейс Кишинев—Москва прибывал во Внуково, а ухтинский с шефом и Мещерским отбывал тоже утром, но из Шереметьева. Получалась накладка. Разница во времени была всего один час. Если очень быстро добраться из одного аэропорта в другой — то есть шанс сесть на самолет в сторону Ухты. Но как быстро добраться по плохой и ледяной кольцевой автодороге? Дима Макаров (его на машине встречала сестра) сел за руль и так агрессивно, рискованно вел машину, что они все легко могли разбиться. Но все равно Наташа не успела на самолет.

День ждала, летела уже вечерним рейсом, потом искала коллег по всем гостиницам города. Как же они ей обрадовались, словно полгода не виделись! В городе были серьезные проблемы с едой — ну время было такое! Тогда Наташа договорилась с одной женщиной, она у себя дома приготовила им еду. Принесла

горячее блюдо в старковский номер — неуютный, холодный, как и сам этот северный край — сразу им троим стало теплее и веселее.

В городе шли бурные обсуждения программ демократов с местными активистами и с чиновниками. Они все решали-решали, за кого отдать голоса — за Старкова («АиФ» тогда была почти в каждой семье) или за местного секретаря. Консерваторы не гнушались никакими способами унижения Старкова: им был необходим секретарь-коммунист. Демократам они не верили.

А шеф, как назло, заболел. В самолете сильно простыл. Вечером лежал с температурой под сорок. Номера гостиницы холодные, наверное, и пятнадцать градусов по Цельсию не набиралось. «И чего они сюда приперлись?» — думала Наташа. А Старков бледный, весь в поту. Она стала менять ему полотенца на лбу, чтобы как-то облегчить страдания. Давала лекарства, которые нашла в вечернем городе, укрывала всеми одеялами, что были в его номере. Когда Старков открывал глаза, видела в них надежду, что болезнь скоро минует.

Тем временем шла свирепая политическая битва. В ней надо принимать участие, а журналисты прикованы к кровати больного. Мещерский ищет более сильные лекарства и отбивается от прессы, а Наташа в роли сиделки и матери-кормилицы. Смотрела на бледное лицо Старкова, и неожиданно ей подумалось: «А вдруг он умрет? Что делать?» И тут же ее перебила другая мысль, как спасение: «Пока я здесь — он будет жить!» Откуда была такая самонадеянность? Самой не понятно...

Наутро их ждала решающая схватка в самом большом городском зале: Старков и местная шишка. Едва придя в себя, сбив лекарствами температуру, шеф решил идти. Это было неразумно, но объяснимо — ради этого они и прилетели. Он был уверен, что пресса расценит его неявку как трусость. С температурой 38,5 он поднялся на трибуну — бледный, потный. Начал говорить, но вскоре схватился за сердце, извинился и ушел с трибуны. Консерваторы были счастливы.

Горячее питье больному Наташа грела кипятильником в туалете (только там была розетка), как-то зазевалась, стакан лопнул, расплавил пластмассу (из нее была сделана крышка унитаза), на которую был поставлен стакан, и возник локальный пожар. Его они тут же загасили. Но чиновники были рады и из этого сделать сенсацию: «АиФ» поджег гостиницу!»

Возвращались они в Москву на поезде, в очень холодном вагоне. Старков без всякого интимного намека звал Наташу на свою полку: «Давай сюда, двумя одеялами укроемся, теплей будет!» Но она отказалась — обходилась собственным теплом.

Так бесславно закончился их вояж к северянам. Старков, конечно, стал депутатом Верховного Совета РФ — уже от другого округа.

Вместе с ним выдвинулись в депутаты и еще четыре журналиста из «АиФа».

РАБЫ И ТИРАНЫ

Много пришлось передумать Наталье об отношениях начальников и подчиненных, о властях и простом люде, об интеллигенции и грозной верхушке. И пришла она к такому печальному выводу, что все мы либо тираны, либо рабы. Только на этой шкале и происходят наши взаимоотношения. Если раб вдруг возвысится, он сразу становится тираном. Если тиран «упадет» со своей ступеньки — он сразу же (и безропотно!) превращается в раба. И никто не ропщет? Да нет, ропщут. Деспоты ропщут, что рабы — ленивы, тупы и вороваты. Рабы ропщут, что деспоты — тупы, жестоки и сплошь ворье.

Где же нормальный народ — не раб и не тиран?

Испокон веков считалось, что лучше всего эту роль исполняет интеллигенция. У нее есть возможность учиться и есть время для раздумий.

Но и это становится мифом. Уже сколько веков подряд интеллигенция «проседает» перед жестокой властью. (Перед «мягкой» редко, но такое тоже случается — она с саблей наперевес! — могучая и бесстрашная! А чуть грозно взглянули — и все! Биологическое выживание, панический страх за себя и близких берет верх, особенно когда «давиловка» идет по одиночке, по индивидуальному, так сказать, графику).

А вот если бы они противостояли власти вместе... Но у наших «вместе» не бывает. Немедленно всплывут любые дрязги, по которым невозможен большой альянс. Господин Икс не может быть вместе с господином Игрек, а господин Зет тоже не желает объединяться ни с тем, ни с другим. Группы распадаются на подгруппы, и все за что-то или против кого-то воюют...

Вот еще одна российская беда: все дружат «против» кого-то, а не «за». Поэтому и настоящей — позитивной, могучей — интеллигенции у нас нет. Так, групповщина.

Только рабы и тираны не хотят иметь, а уж тем более растить, высвечивать героев. Они им и лично не нужны, и они не верят, что в народе есть искренние подвижники, самородки, гении... Эти яркие личности только раздражают рабов: они чувствуют свою ущербность и поэтому ненавидят их. А тиранов наличие героев еще и возмущает: «Как посмели?»

Столетиями Россия вытравила их, как рачительная хозяйка выводит сорняки. «Не смей расти! Не смей претендовать ни на что!» И хотя эти, извините, сорняки все же проявлялись в лице известных ученых, писателей, актеров, поэтов, художников, но после того, как стала доступна информация об их жизни, все поняли: это было вопреки всему! Они так трудно пробивались, проходили столь суровые испытания — нищету, забвение, аресты, изгнания, что очевидно: истинный талант в России обречен быть изгоем.

Страна не умеет ценить высокие способности, «не высовываться» — это ее настоящее переходящее из поколения в поколение вековое кредо. Оторопь берет, когда читаешь исторические дневники наших подвижников. Только одними соками родной земли и поддерживался их дух, не хирели благородные помыслы.

...Зря говорят о нас, что в России народ — богоносец. Куда он несет

своего Бога? Почему так легко жег иконы, которым поклонялись отцы и деды, сбрасывал колокола, взрывал храмы, в которых его крестили, и которые чаще всего создавались на народные деньги?

Кто срывал кресты с тонких шеек детишек? Кто делал костры из священных книг? Только ли одни лубянские комиссары? Хватило ли бы их на всю Россию? А почему молчали соседи, когда ночами приезжали за другими черные воронки? Да нет, не молчали, а, напротив — доносили на соседей. А потом глубже прятались в одеяла, надеясь, что если свою роль выполнил — донес на друга, коллегу, сделал свой «иудин поцелуй», то теперь будет пощажен...

Почему не протестовали, не кричали, не звали других, чтобы отстоять горемыку? Потому что думали только о своей шкуре! Впрочем, почему о шкуре? Даже звери в момент опасности сбиваются в стаи, а здесь самыми опасными оказывались сами люди.

Мы не привыкли действовать вместе. Это слово вообще не из нашего лексикона. Чаще других мы говорим о податливости прутьев и твердости веника, но сами в веник никак не складываемся. Случись (не дай Бог, конечно!) какая «заварушка», снова рассыпемся, как песок сквозь пальцы. Если, конечно, сзади не поставят роту и не погонят штыками на передовую. Тогда мы вроде вместе. Вместе мы можем только лежать в одной большой братской могиле.

Богоносец... Чего Бога носить, когда он там, где носить Его не надо. Он в душе! «Прости мя, Господи!» — скажет душа, а руки в пьяном угаре потянутся к топору, чтобы порубить своего же приятеля. Это так мы носим Бога в душе, а нож за пазухой? Разве этому учат нас Божьи заповеди? Не убий, не укради, не сотвори кумира, не завидуй, не желай зла ближнему, чти родителей своих, не лжесвидетельствуй... Что ни возьми — все нарушено, попорчено, прямо апофеоз какой-то случился с народом-богоносцем.

Не столько мы сами того стоим, сколько милость Его на нас изливается, что не прихлопнул Он пока этот народ, на который никому нельзя положиться. И с врагами мы дружим, и с друзьями воюем, и поучаем других, когда у самих из-под носа все тянут кому не лень...

НОЧЬЮ НА РУБЛЕВСКОМ

Настолько полярные идеи витали над страной, что захотелось услышать кого-то рассудительного, кто заведомо печется об интересах народа, а не о своей славе или кошельке.

Так выбор пал на Рыжкова. Наташа встретила с бывшим главой правительства Николаем Ивановичем — и сделала с ним интервью. Речь шла о том, правильный ли курс выбрали новые реформаторы, что нам даст приватизация и вообще куда мы нацелились и чем нам поможет граница? Вечером они сидели у него в загородном доме и беседовали о судьбе страны — как нам выкарабкаться из зол и несчастий, которые обрушились на бедный народ. Начитанный, трезво и глубоко думающий человек, Николай Иванович

видел все скрытые подводные течения и понимал ментальность народа.

Вышли из дома, машина Наташи стояла, занесенная снегом. Снег бодряще хрустел под ногами. Николай Иванович достал щетку и стал сметать пушистые снежинки с машины. Наташа отстраненно смотрела на движения этого высокого красивого умного человека и думала о том, что судьба страны изменится в лучшую сторону только тогда, когда люди поймут ценность каждого талантливого собрата, перестанут гнобить его, завидовать ему, выпихивать из своего сообщества. Пока до этого далековато. Откуда-то из нас прет это «хабальство», и первый враг для многих — это неординарный, яркий, отмеченный каким-то даром человек. Почему не использовать эти способности на благое дело — вот в чем загадка русской природы.

Материал получился очень острый. Такой, который захотели бы прочитать все. Ну а как насчет напечатать? Нет уверенности, что нашлось бы много смелых главредов, все-таки осторожность СМИ — это спутник их выживания.

Итак, материал готов. Но до публикации нужна была виза автора, а он жил за городом, в том доме, который Наташа уже посещала, когда встречалась с супругой премьер-министра и когда была большая беседа, превратившаяся в это интервью. Сдавать материал надо завтра утром, а сегодня она была дежурной по номеру. Отложить визирование нельзя — газета должна выйти вовремя. На дворе вечер, по ТВ начинаются девятичасовые вести. Но ехать «по любому» придется. Грустно вздохнув, Наташа села за руль. Подбежал коллега, попросил его заодно подвезти — это было по дороге. В Крылатском высадила его, утомленным взором окинула свой дом, мимо которого проезжала и где жили почти без мамы ее самостоятельные детки. «Москвич-4112» покатыл в одиночестве по Рублево-Успенскому шоссе, приобретшему бешеную популярность лет пять спустя. Сюда стали «ломиться» богатые люди Москвы. А пока на дороге Наташа была одна.

Но нет! Вскоре в зеркале заднего вида она увидела синие огоньки сопровождающей кого-то машины. Они быстро нагоняли ее. Наталья взяла правее, давая простор их скорости и натиску. «Но почему они вдруг сбавили скорость и пристроились за мной? — Удивленно подумала она. — Их синий маячок отражается в моих зеркалах, а я теряюсь в догадках: почему бы им не обогнать меня? Ведь дорога пуста».

Словно прочитав ее мысли, первая машина быстро обходит «Москвича» и удаляется вперед. Вторая едет за ней... Но нет, поравнявшись с «Москвичом», она пошла вровень с машиной, и это — на узкой дороге! С удивлением Наташа посмотрела на нее и увидела четырех здоровых «лбов» и их лица, повернутые к ней.

И вот этакой «дружной парочкой» они подъезжают к месту, где с правой стороны дороги серьезный обрыв... И надо быть начеку. В этот момент чужая машина начинает оттирать «Москвича» в обрыв. Сначала Наташа даже не поняла: «что они, очумели? Потом пришло осознание: «Да, очумели, потому что они толкают меня в обрыв!»

Она крепко вцепилась в руль. Тут же последовала еще одна подрезка,

дескать, давай с дороги, ведь каждый водитель старается избежать столкновения с помощью поворота руля, это и есть давление испугом,

«Бейте, — думает,— но с дороги не съеду! А бить мою машину — значит бить и свою. Вряд ли им этого захочется!» Наташа просто впиалась руками в руль, а глазами в дорогу, чтобы случайно не дрогнуть и не уйти в сторону, а значит — в глубокий кювет. Три «подрезки» они сделали, чтобы спихнуть ее, но опасная часть дороги закончилась, смысла пихать «Москвича» на обочину уже не было, и вражеская «автомобилина» резко рванула вперед.

В это мгновение Наталья услышала страшный взрыв в своей машине. «Что такое? Почему я еду? Разве я жива?» Она затормозила, машина послушалась. С ужасом женщина вышла из кабины и обошла свою «ласточку». Она ожидала увидеть руины, но машина была невредима. «Но откуда же был этот взрыв? И куда делась его разрушающая сила?» — Наталью затрясло, как в лихорадке, слезы потоком полились из глаз, в изнеможении она села за руль, бессильно опустила руки и дала волю своим слезам и чувствам... Она ничего из произошедшего не понимала, но надо было ехать на встречу с Рыжковым.

С Рублево-Успенского шоссе дорога к загородному дому бывшего премьер-министра уходила вправо, с километр петляя по лесу, и упиралась в два больших забора. Один из них — нужный Наталье. Позвонила по домофону. Было уже больше половины одиннадцатого вечера. «Я иду», — ответил премьер. Он был предупрежден по телефону еще из редакции.

Минут пятнадцать они побеседовали у ворот (местность им освещали включенные фары Наташиной машины). Рыжков пригласил на чай, но было уже до неприличия поздно. Договорились, что завтра днем прочитанный и подписанный им материал будет в редакции. Распрощались. Ворота за Николаем Ивановичем закрылись.

Наташа начинает заводить свою машину, но та молчит, словно и не знает, что такое езда.

«Что делать? Вернуться, позвонить премьеру — нет смысла. Он сам ей говорил, что живет без машины, а когда нужно — вызывает из Москвы. Мобильной связи, чтобы вызвать спасателей, в те времена еще не знали. Что же делать?» — ломала голову ночная путешественница.

БРАТКИ — НЕ ПОМОЩНИКИ

...Постучала в чужой высокий забор. Жена премьера говорила, что их соседями стал какой-то крупный бизнесмен. Дверь открывает наголо бритый верзила:

— Что надо?! — грозно так спрашивает.

— Надо помочь с машиной. Заглохла, — отвечает Наталья... Верзила позвал кого-то. Оба, в одних свитерах, идут к машине, включают-выключают ее — не заводится.

— Надо ее в наши ворота загнать, а оттуда мы накатом вниз, — сообщают свое решение. Их вариант Наташе не нравится. «Ночь, лес, машины еще в

большом спросе и в цене, документы в ее сумочке, мало ли что взбредет в их бритые головы. Сразу видно, только-только из тюряги», — такие скорбные мысли крутятся в ее головушке. Просит их толкнуть машину. Они толкают в сторону своих ворот. А Наташа крутит руль в сторону общей дороги — на выезд. Они ругаются отборным матом. Требуют, чтобы она рулила в их двор. «Не хочу в их двор!» — Сама не рада, что обратилась к ним. «Кто они такие? Что им надо? Да и сами какие-то подозрительные, типа бандюки. Господи, занесло же меня сюда!»

Спас мороз. Бритоголовые замерзли, сказали, что оденутся и придут снова. Велели, чтобы она ждала их. Только они за ворота, Наташа машину на замок и по ледяной дороге пошла к шоссе. За помощью. Сапожки по льду скользят, она падает, поднимается, снова падает, ноги и руки немеют от холода.

Наконец-то вышла на шоссе. Вскоре вдалеке появились огни автомобиля. Голосует. Машина подъезжает ближе и, увидев женщину в шубке, и водитель шарахается в сторону, прибавляя скорость.

И другие машины пролетают мимо с одинаковым результатом... Уже полночь. Их можно простить. Кому не понятно, что эта женщина — «подстава»? Остановишься — из кустов выскочат такие же бритоголовые братки, как те, что за забором. Тут не только машины, тут и головы легко лишиться. «Ну а мне-то что теперь делать?», — задает себе вопрос замерзающая. И словно ответ свыше: «Как что? Молиться!» Да, конечно же! Читает «Отче наш...» — и едва заканчивает, появляются огни новой машины. Неожиданно автомобиль останавливается. Опускается стекло, и молодой голос спрашивает:

— Что-то случилось?

— Моя машина заглохла, прошу вас ее дернуть.

— Садитесь, — милостиво приглашает он. Наташа садится в шикарное тепло. Новая иномарка, пульт в разноцветных огнях, как в самолете.

— Где ваша машина? — озирается молодой водитель.

— На другой стороне дороги.

Он разворачивается, нарушая, естественно, все правила:

— Где? — с удивлением спрашивает.

— Здесь дорожка в лес, а там недалек

о, — отвечает Наташа.

— В лес? — со смешанными чувствами ужаса, неотвратимости переспрашивает он.

Минутное замешательство, но все же сворачивает на узкую дорожку в лес. Машина идет медленно, симпатичный водитель надеется, что вот-вот увидит заглохшую машину. А ее нет и нет. Наташа боится тех, бритоголовых, наверное, где-то здесь они поджидают ее: «Может, они надумали разок ударить ее по голове — ей и этого хватит, труп найдут только весной, как «подснежник». А моя машина, да и документы к ней, что в сумочке у меня, все останется у них».

Она осторожно вглядывается в тени на обочинах... А сама вдруг чувствует ужас, который буквально разливается в салоне, и исходит он от

молодого человека. Нутром она чувствует его смертельный страх. Думает: «Попался, дурак, на эту дурочку — «подсадную уточку». Причем сам согласился, никто не неволил, заехал в темный зимний лес на новой дорогой машине. И эта сидит, врет, что вот-вот будет машина, а где она? И сама-то как напряжена, видно, перепугана, сейчас подозрительно озирается, высматривает сообщников...»

И Наталье все это понятно, но как оправдаться, про какую редакцию, про какого премьера сказки рассказывать? Если ты такая крутая, что в гости к премьерам по ночам едешь, то почему не на редакционной машине (если и правда из такой крутой газеты!), а если это и в самом деле премьер, хоть и бывший, то какой дурак поверит, что он без машины? Словом, остается только усиленно молиться: «Пресвятая Богородица, спаси нас!»

ЧТО ИХ ЖДЕТ В ЛЕСУ?

Неожиданно свет фар его авто отразился в подфарниках «Москвича». Но что делать, если бритоголовые в кустах? А их, несчастных, тут уже двое. И две машины. Непроизвольно, как бы таясь, Наташа оглядывается по сторонам. Чувствует у парня новый прилив ужаса. Объяснять ему про бритоголовых, значит, совсем уже «добить» доброго человека. Осторожно выходит из теплого чрева машины. Про себя всю молится, призывает на помощь и Ангела-Хранителя, и все Силы Небесные. Вроде рядом никого, к счастью.

— Есть веревка? — надломленным голосом спрашивает водитель.

— Есть, — отвечает Наташа и открывает багажник. А сама всем своим существом сжимается, словно ожидая удара по голове. Вдруг бритоголовые спрятались где-то рядом. Но вот веревка в руках, а удара нет. Пока везет.

Парень берет веревку (напряжен до предела), да у них у обоих нервы натянуты, и он тоже чувствует ее страх, потом наклоняется к «Москвичу», видимо, так же, как и недавно Наташа, отрешенно ожидает последнего удара по голове... Неизвестно только, молился он Богу или нет. Но удара нет. Удивленно поднимается, идет к своей машине, с трудом разворачивает ее на узкой дорожке. «Уедет, — думает Наташа, — и будет прав!» — С сожалением за себя, и с облегчением за него размышляет она. «Может, так бы и я сама на его месте сделала. Пока он за рулем — он еще господин своей судьбы, хоть на это конкретное время. А когда возле нее, да в черном лесу, да в какой-то дурацкой ситуации — то тут еще большой вопрос». Однако парень не уезжает. Подает машину задом, выходит, другой конец веревки пристраивает к своей иномарке (чувствуется, что уже надеется на жизнь), выпрямляется и этак — уже спокойнее — деловито говорит:

— Когда заведется, поморгайте фарами.

Тронулись, каждый в своей коляске. Вскоре Наташина «ласточка» ожила. Она тут же поморгала фарами. Парень радостно выпрыгнул из своей машины, быстро и легко отстегнул веревку с двух крюков. Наташа за это время приготовила деньги. Вышла, стала давать, горячо благодарить...

— Нет. Что вы! Слава Богу, что все обошлось! — неожиданно он поднял

ее руку с деньгами к своим губам, и... поцеловал ее!!!

Вот те на! Не она ему руку целует, а он, избавитель, целует ее!

После этого он элегантно сел в свой роскошный салон и уехал, тоже помигав Наташе на прощание фарами...

Сколько раз она радостно представляла, каким счастливым он вернулся на шоссе и полетел к своему дому, к теплу, к безопасности — подальше от этой опасной игры! И как был благодарен Богу (вот тут уж точно он благодарил именно Его, а не кого-то другого), что остался жив. Жив, жив! А уж как Наташа была благодарна Богу и этому замечательному молодому человеку, как желала ему счастья! Слава Тебе, Боже, преобразившему нашу жизнь делами добра!

Но вот снова беда: она не запомнила номер и марку его автомобиля. Это непростительно, это неблагородно, но... так было!

Однако приключения еще не закончились. Наташа направила свою «таратайку» в сторону Москвы, и уже на подъезде к городу та... снова заглохла! И так и сяк хозяйка стала ее включать-выключать, упрашивать, но машина была в полной «отключке». Ну что же делать? Второй час ночи! «Господи, сколько же Ты будешь меня испытывать?! Спаси, сохрани, помоги!» Тут на дороге появляется запоздавшая машина. Наталья неуверенно голосует. Водитель останавливается, спрашивает, что случилось. Этот уже ее не боится, они на трассе, город в огнях совсем рядом. Копаются под капотом, а потом так решительно говорит: «Все, снимай-ка с себя колготки!» — «О Боже, только не это, не такой же ценой!» — ужаснулась Наталья. Но он продолжает утешительное: «Полетел ремень генератора, иначе никак не заведем». Что делать, залезла в кабину, сняла колготки и вручила ему. Он что-то там обмотал, машина завелась, Наташа снова поблагодарила своего ночного спасателя, а потом поехала. Поехала, м-да... Это вовсе не шутка, но это был явно не ее день: машина снова не дотянула до родного дома, заглохла возле соседнего здания.

Наташа уже с отчаянием бросила ее как есть и сама холодная, голодная пошла домой. Дети не спали, волновались ужасно, им даже некуда было позвонить, кроме как к своему отцу. А что он мог сказать и как утешить?

Вот вам и теория парных случаев. Зачем Наталье нужен был этот вечер-ночь 9 февраля со всеми его испытаниями?! Ответа нет... Ответа нет...

«Почему я не запомнила номер машины своего очередного спасителя?» — волновалась она. — «После первого случая, когда я, семнадцатилетняя, должна была замерзнуть зимой на ночной дороге и когда точно так же не запомнила номер машины доброго таксиста, ну почему?!» А потом она вдруг все поняла. Поняла, что и не должна была их запоминать. Так как они были посланы Ангелом-Хранителем, и только его и Бога она должна благодарить. (Подобное случилось и позже, когда они участвовали в восстановлении Собора. Об этом будет рассказано в свое время.)

...Утром Наташа описала Старкову все свои ночные приключения. Шеф долго сочувствовал ей и все порывался позвонить в органы, чтобы они нашли машину и тех, бросивших в ее «Москвича» взрывпакет.

Но самое обидное в этом инциденте было для нее другое — острый, сильный материал, который удалось получить у премьера, был сокращен втрое!

Вся критика ельцинской политики была вымарана Старковым из текста, так же как и разумные советы, что надо сделать, чтобы не «профукать» страну...

Шеф проигнорировал и то, что благодаря именно Рыжкову редакция находится в прекрасном здании (с мизерной арендной платой), и даже то, что человек в отставке всегда скажет больше правды, нежели когда он находится на высоком государственном посту. Неблагодарность — это путь к одиночеству. Что посеешь, то и пожнешь.

ЭКОНОМИСТЫ ИЩУТ ВЫХОД

«Что должно произойти в стране, чтобы наконец-то ее народ почувствовал облегчение от непосильной предыдущей ноши и достиг благополучия?» — с этим вопросом Наташа обращалась ко всем специалистам в финансовой и производственной сфере. Ясно, что для этого надо побольше работать. Но это же не значит, что надо «копать канаву от забора до обеда»! Работать тоже нужно с умом. Она провела серию бесед с хорошими экономистами. Например, с Павлом Григорьевичем Буничем, он разъяснял дела в промышленности, сельском хозяйстве. Умно выступал, доказательно. Использовал газету как трибуну, и правильно делал. Потом стал депутатом Госдумы и снова со своими мыслями и предложениями обращался к Наталье. Тут она однажды взбунтовалась: «Как же так, у вас такая мощная трибуна — сама Госдума, а вы пользуетесь не ею, а газетой?! Боритесь там, выкручивайте руки депутатам, убеждайте их, требуйте принятия правильных решений, — ради этого вас и выбрали, дали большую дубинку. А я уже буду других экономистов подтягивать, из них выуживать умные и полезные мысли». Бунич на нее рассердился, дескать, «только вы — моя настоящая трибуна» плюс ему нравилось, как журналистка из его разрозненных мыслей не только выстраивает, но и пропагандирует стройную экономическую систему.

Академик Абел Аганбегян, прогрессивный ученый Сибирского отделения Академии наук, рассказывал, как организовать эффективный труд каждого работника, Владимир Александрович Тихонов — тоже академик, блистательно выступал за раздачу земли крестьянам. Писатель—«деревенщик» Юрий Черниченко — его соратник — даже плясал в Верховном Совете после принятия Закона о собственности, разрешающего свободную продажу земли. Олег Тимофеевич Богомолов, академик, предлагал справедливые пути международного сотрудничества, Станислав Сергеевич Шаталин, ученый, которого считали большим «головастиком» в экономической сфере, раскрывал правила взаимодействия производства и финансовой системы. Посчастливилось Наталье познакомиться и сделать ударный материал с лауреатом Нобелевской премии по экономике, гражданином США, но выходцем из России, знаменитым Василием Леонтьевым. Он четко видел наши беды и наши возможности перевести эти беды в разряд «плюсов».

Словом, достаточно было проявиться ученому с какой-то полезной финансово-экономической системой, как Наташа уже звонила ему и

договаривалась о встрече. В голове у нее всегда «жила» мысль: экономика должна быть нравственной! Иначе — это торг, грабеж, пирамиды. Всю жизнь она считала, что нечестно появившиеся деньги не только пахнут, даже воняют. Они не могут принести благополучие стране. И их дурной запах — отравляет нашу жизнь. Да и в ее семье с детства прививалось: «Не зарься на чужое! Не смей его присваивать! Помни: деньги уйдут, а позор останется!»

КОНГРЕСС В ВЕНЕ

Однажды Наташе позвонили из Вены, пригласили на Международный форум нефтепромышленников и попросили сделать содоклад о нынешней экономике России.

Она чрезвычайно удивилась и вместо себя предложила поискать для них толкового министра или академика. Тем более что уже всех знала, так как с каждым из них встречалась, делала материалы. Однако организаторы форума сказали, что на предыдущих подобных мероприятиях наши «шишки» уже выступали и не только ничего не прояснили, но еще больше запутали картину экономической жизни России, которая складывалась в головах мировых «богатеев». А именно ее в Вену зовут не случайно. Организаторы выясняли, какое российское СМИ лучше, доходчивее всех пишет об отечественной экономике, и «тендер» выиграл «АиФ». «А кто в газете заправляет этой тематикой? — Задали риторический вопрос. И сами же ответили — Вы. Поэтому именно вас и зовем с содокладом».

Наташа пошла к Старкову жаловаться на «австрияков», просить «отмазать» ее от их дурацкой затеи.

— Знаешь, они правы. Мне понравился их подход. Кто лучше и доходчивее расскажет им, что у нас тут творится?! Ехать надо. Но от подготовки номеров не освобождаю и валюту дать не могу (ее у нас нет).

Поздним вечером, когда Наташа на пишущей машинке стучала свой доклад, позвонил ее бывший муж. Она ему сказала:

— Давай побыстрее.

— Куда торопишься?

— Пишу доклад, — и коротко рассказала о чем.

— Как же ты его хочешь написать? — удивился он.

— Как, как... Как Артур Хейли, — неожиданно для себя ответила Наташа. И тут же осознала — только так надо построить доклад! Слушатели должны воспринять его как захватывающий рассказ. Должно быть и интересно, и полезно. Многие знают его романы «Отель», «Колеса», «Аэропорт» и т.д. Писать в этом духе было и трудно (экономика все же!), но и увлекательно: экономика тоже живая!

Наташа не стала перегружать доклад большим количеством цифр (все равно не запомнят), но внесла интригу. Что было, что есть и что будет — как цыганки раскладывают пасьянс. И где вы, дорогие господа, будете при этом раскладе.

Приехавшая в редакцию дама забрала у Наташи загранпаспорт, вернула его с визой и билетами перед самым отлетом. В венском аэропорту обещали встретить. Перед поездкой она озадачилась: в чем же выйти к такому необычному народу? Гардероб был не богат, в магазинах пусто, и кое-что она попросила у своей подруги. Из двух гардеробов собрали несколько нарядов.

...И вот ее самолет в темном небе. Летит бедовая головушка, и сама не знает куда: без денег (наши деревянные не в счет), без языка, без точного адреса. А вдруг не встретят, что тогда?

Однако встретили, отвезли в «Интерконтинеталь» — шикарный венский отель. Здесь каждый год в это время богатейшие люди или их топ-менеджеры собирались для обсуждения насущных проблем. В огромном зале на 1,5 тысячи мест проходил первый день форума. Наталья должна была выступить во второй.

«Сегодня вечером — ужин, у вас один час на сборы, я за вами зайду», — сказала Наташе переводчица.

Через час они стояли перед длинным рядом столов — метров в двадцать! Множество необыкновенных и красиво уложенных яств. Чего тут только не было! Аж дух захватывало от такого невиданного изобилия! Глаза ее никогда в жизни не видели подобного количества еды! Его же немислимо съесть целой голодной армии!

На календаре было 1 октября 1990 года. В Москве все магазины почти пустые.

ЯРКИЕ «ЧЕРНЫЕ ДНИ»

— Здесь пока ничего брать не надо, — твердо сказала переводчица, и они прошли мимо всех овощных, мясных блюд (Наташа там бы и осталась) прямо к деликатесам. Там оказались самые изысканные кушанья: фуа-гра, лобстеры, рябчики и оленина, может, даже и языки соловьев, кто их знает, тут все могло быть...

— А сейчас выбирайте себе самое вкусное, — предложила Наташина партнерша.

Затем она привела ее за стол, где сидело руководство Ассоциации. Они познакомились и немного пообщались.

Переводчица сказала, что завтра в 8 утра надо прийти на совместный завтрак в банкетный зал отеля.

Утром Наташа долго соображала, как включается душ, фен, теряла время и боялась опоздать на завтрак. Когда вошла в банкетный зал, все десять мужчин встали, поклонились ей, убрав с колен белоснежные салфетки. Наталья тоже улыбнулась, кому-то — ближайшим — протянула руку и села, где ей указали. Передо ней лежали по три вилки и по три ножа. Рядом сидел человек, говоривший по-русски. В эти дни, он сам того не зная, был ее ангелом-хранителем. Но и она этого еще не знала.

В 10 утра начиналось первое заседание. У дверей конференц-зала собралось много журналистов, но их не пускали в зал. Наташа нашла свое

место, тихо примостилась.

Первый докладчик говорил долго, много шутил, зал часто смеялся... Через наушники она все это слышала, но не вслушивалась. Ее буквально разъедало другое: «зачем здесь я? Я — совсем инородное тело. Да и какое мне дело до этих богатейших людей планеты? Зачем мне все эти чужие и даже чуждые мне люди? Мы же с разных планет! Я здесь никто, ничто и звать меня никак. Случайная бабочка, залетевшая в открытую форточку. Ах, как было бы хорошо, если бы все это оказалось сном и меня бы здесь не было!

Если бы можно было раствориться, исчезнуть, залезть под стул — пропасть, с какой бы радостью я это сделала! Но нет — сиди — слушай — смейся шуткам — и жди своего выхода на сцену. Нет, не на сцену — на эшафот. Завтра будет черный день в моей жизни».

Выступающие хохмили, зал смеялся, все чувствовали себя господами жизни и никак не меньше. Вечером был большой прием по этому случаю в шикарном ресторане. И снова то же самое: великолепный стол, чудесные напитки и чарующая слух музыка. У них — это жизнь, а у нас — сон с перелетом на другую планету.

ДОКЛАД

И вот наступило это завтра. Утром Наташа пламенно, со слезами помолилась Богу с одной просьбой — поскорее «пронести мимо чашу сия» и не дать опозориться.

Снова столпотворение журналистов у входа в конгресс-холл, снова полный зал красивых, богато одетых, уверенных в себе господ. «Что я тут делаю?! Почему Старков подтолкнул меня к этой поездке? Зачем я согласилась? Ну есть же, в конце концов, и моя воля! Это все — безрассудство! Уж лучше умереть, чем вынести такой позор, который сейчас будет!»

На ватных ногах она поднялась на трибуну, с нее вчера легко, остроумно выступали вальяжные персоны. «Господи, благослови! Господи, помоги!» — только и молила она свою главную надежду в жизни.

Первая ее фраза была полной неожиданностью даже для нее самой: она ее не планировала, не обдумывала. Фраза сама выскочила из ее подсознания: «Дорогие леди и джентльмены, я поражаюсь вашему легкомыслию! Давно ли вы смотрели на карту мира, и какие оценки у вас были по географии?

Осознаете ли вы, какая могучая страна выходит на мировой рынок? Страна, переполненная природными богатствами, имеющая огромную территорию, населенную миллионами, в том числе и талантливых людей! Железный занавес разрушен, бывшие подневольными русские, украинцы, казахи рванут искать свое счастье по всему миру! Открывается необъятный по масштабам рынок, который все поменяет в нынешнем раскладе! Сейчас вам надо входить в новую реальность!» А дальше она шла по тексту, написанному дома. Текст был лихо закрученный, не перегруженный цифрами, но наполненный яркими картинками и верой, что мы все сумеем сделать и подвинем не только Старую Европу, но и остальных властителей мира. Ну

точно аферистка.

В зале — резкое оживление. Кто-то вскакивает, что-то вопрошает, другой так же темпераментно отвечает ему. Но Наталья продолжает вбивать в их голову мысли: на сцену выходит крупнейший игрок — Россия. Но, судя по вчерашним докладам, никто это не учитывал. Они упивались объемами производства, прибылями компаний, «балдели» от своей значительности в мировой экономике. Они совершенно не учитывали, что Россия начинает сейчас мощно развиваться и продвигаться на нефтяной рынок.

Зал бурлил. Люди что-то кричали, видно, она их задела за живое. Атмосфера накалялась. Закончив свою 20-минутную речь «по Артуру Хейли», она услышала неожиданные бурные аплодисменты, а вице-президент спросил, сможет ли она сейчас же, немедленно ответить на вопросы присутствующих. Наташа кивнула.

ОТДАНА НА РАСТЕРЗАНИЕ

На подиуме возле сцены появился столик, микрофон и два кресла. Одно — для нее, а во второе кресло сел специалист по советской экономике, профессор Гарвардского университета Мартин Макколли. (Он выступал в первый день заседания и камня на камне не оставил от перспектив развития бывшего СССР. Сейчас, конечно, ясно, что Макколли был прав, но тогда разве можно было с ним согласиться? Все россияне верили, что — наконец-то! — вышли из тупика!) На сей раз он предложил себя в качестве переводчика. Наташе с ним повезло.

В зале — лес рук. Столько людей желали задать свои вопросы. Счастье было в том, что читательские конференции, на которые Наталья часто выезжала с коллегами в разные города, были такими же неожиданными и с такими же невероятными вопросами.

— Почему вы так уверены, что российская нефть может коренным образом изменить устоявшийся в Европе порядок? Разве вы разбираетесь в этом?

Для начала конференции лучшего вопроса нельзя было и придумать. Естественно, перед поездкой Наталья прочитала почти все, что было у нас напечатано «по нефтяной теме». Эти данные были совсем свежи в ее памяти. Мало кто из присутствующих так же, как она, готовился к нынешней встрече.

Мартин — хвала Господу! — быстро переводил. Наташа кратко рассказала о новых российских месторождениях нефти, о более глубокой ее разведке, о совместных с иностранцами предприятиях, о том, что сейчас — с чистого листа — начинается новая история взаимоотношений Запад–Восток. Уже за первый ответ она снова заслужила аплодисменты, похоже, этим людям понравился ее глубокий ответ.

Главное — в зале поверили, что она разбирается в этом вопросе. За ним посыпались и другие на производственную тему. Но потом пошли и такие, с поддевкой:

— Почему вы, подталкивая Европу на активное сотрудничество с Россией, умалчиваете, что у вас там голод?

— Вы видите меня на этом экране (за спиной они с Мартиным проецировались на большой монитор, а там — ее круглолицая, далеко не худенькая физиономия) и, надеюсь, не считаете, что я пухну от голода. (Взрыв хохота.) Да, у нас полно проблем, но у вас, если вы приедете в Россию, такой проблемы — где и что поесть — точно не будет!

— Мартин Макколли — специалист по СССР — вчера говорил, что у вас всегда все будет плохо, а вы утверждаете, что все будет хорошо. Кто прав?

— Оба. Будет плохо, если каждый (Запад–Восток) будет развиваться в одиночку, и будет хорошо, если мы будем действовать заодно — вместе. (Бурно хлопают.)

— Но у вас же нет специалистов по рыночной экономике! Как вы создадите рынок, если все знатоки у нас?

— Часть ваших знатоков — наши люди, советские специалисты. Они покинули страну в период репрессий и помогли вам создать сильные экономические системы. Настал час, когда вам надо поделиться ими. Они будут как дрожжи, а муки у нас и своей хватит. Вот тогда получится отличный пирог.

— Знаете ли вы, что с вашими чиновниками невозможно работать, они неумны, нерешительны, но жадны, корыстолюбивы и всего боятся?

(Знали бы все, что через 5–15 лет наши чиновники не будут бояться ни Бога, ни черта.)

— Мы все были раздавлены гигантской машиной по имени КПСС, и «давилка» эта шла за заслонкой, за железным занавесом. Те, кто уцелел, не сбежал к вам, выползают из-под этого молоха искалеченными. Надо нам время залезть в раны, найти или восстановить свое человеческое достоинство. Мы еще многого боимся, хотя всего хотим.

— Почему вы не говорите по-английски?

— Скажите, а кто-нибудь из вас умеет водить трактор? Вы спросите: зачем мне это надо? Так и я вам отвечу: зачем учить то, что никогда не пригодится? Мое поколение не нуждалось в иностранном языке, так как на нашей огромной территории почти все мы были «невъездными»! Не было книг, журналов, фильмов, нам в школе внушалось, что иностранный язык не нужен! Хотя мама моя говорила по-немецки, а дети мои учат английский язык. (И снова аплодисменты.)

Вопросов было почти два десятка. Благодаря Мартину, пока он переводил одну фразу, у Натальи было время обдумать следующую, несколько раз она даже заслужила бурные аплодисменты. Возможно, благодаря искренности. Ей даже сейчас удивительно, что на вопрос, чему она больше всего поразила на конференции, честно ответила:

— Тому, что я на ней присутствую. Еще десять дней назад мне даже во сне не могло присниться, что я попаду в красавицу Вену, буду — без языка, без большой подготовки выступать перед вами, знатными и богатыми людьми планеты и что вы будете меня слушать и даже аплодировать. (В зале раздались аплодисменты.) Я благодарю вас за прием и смею надеяться, что мы доживем

до того времени, когда весь мир будет рукоплескать России!

СПРЯЧЕМ СВОИ ПУЖАЛКИ!

«Слава Тебе, Боже, за огненные языки вдохновения!»

Это был незаслуженный успех. Люди ринулись с мест и стали говорить что-то теплое, хорошее, давать свои визитки, жать руку... На обед Наташу пригласили за большой круглый стол, где обедали руководители конгресса. Они ласково улыбались ей, а сидящий рядом Мартин продолжал переводить уже их вопросы о России. Мартин переводил, и вдруг Наташа заметила, что эти великие пожилые люди не столько едят чудесные блюда, сколько, приложив руку к уху, слушают его переводы. Им была явно очень интересна Россия. Тогда она вспомнила, что взяла из дома небольшую стопку открыток — красивейших пейзажей природы СССР. Да у нее из дома больше нечего было взять — все были бедными людьми! Она достала открытки из сумочки, они пошли по кругу.

Как реагировали на виды России сотрапезники? Одни, надев очки, другие — наоборот, сняв их, внимательно вглядывались в открытки и с интересом смотрели на Наташу. Они так удивлялись этим картинкам! А она комментировала: это Камчатка, это Байкал, это Сочи, это Иссык-Куль, это Карелия, это Кавказ, это Крым. А как она удивлялась их удивлению: они совсем не знают России! Для них это полное откровение. Мы пугаем их своими «пужалками» — водкой, морозом, необразованными мужичьем, грязными улицами и страшными туалетами, непредсказуемостью властей и необъяснимым «навсенаплевательством» граждан...

Что эти вельможные особы могли подумать: «Как же эта дикость, грязь, страх и военный напор русских возможны на фоне таких драгоценных пейзажей? Откуда эта загадочность русской души? Может, не от слова «загадка», а от слова «загадить»? Что же вы не живете счастливо, если Господь вам все дал? Просторы, недра, население — красоту такую, что аж дух захватывает?! Да разве вы после всего этого не идиоты, вполне достойные любимой «достоевщины»?»

Наталье показалось, что кое-что она поняла тогда о нашем бренном существовании. И первое — не надо «стряпать врагов» из потенциальных друзей, не стоит самим пугать других: надувать щеки и делать страшные глаза. Мерило успешности любой власти только одно: уважение народа. Полюби ближних своих, как самого себя. Полюби их и беленьких, и черненьких, и вальяжных, и сопливых. Потому как все мы — народ. Семья. Одна лодка, одна землянка. И мы все в ней для чего-то нужны. И пока не будет этого честного, уважительного подхода и к своим, и к чужим — ни черта мы в России не сделаем!

...Вечером был грандиозный прием в Королевском дворце. Перед ним музыканты в старинных камзолах на скрипках играли Моцарта, огромный зал был уставлен большими круглыми чудесно сервированными столами. Дамы в шикарных нарядах. Декольте, бархат, шифон, тафта, сверху — бриллианты,

меха, нежнейшие ароматы.

Под каждое блюдо — свой блюз. Люстры гасли, вносили все новые кулинарные изыски, люди были очень довольны собой и своей жизнью. Наташу снова усадили за стол руководителей и даже подняли тост за нее и за Россию. Получилось так, что она неожиданно внесла дополнительную «живинку» в их богатую тусовку.

Наташа мысленно благодарила Бога за удачу, за то, что Он сжалился и не дал ей опозориться. За выступление журналистке выплатили приличный гонорар. Она всем накупила подарки — и детям, и маме, и сотрудникам. В условиях скачков цен она именно в тот месяц могла купить на эти деньги хороший автомобиль. Однако мама сказала: первые в твоей жизни свободные деньги надо отложить на черный день. Не дай Бог нагрянут болезни, потребуются лекарства и т.д.

Черный день пришел через три месяца. Началась шоковая терапия, и деньги почти пропали. Их покупательная стоимость резко упала. Но и этот урок ей пошел впрок. В будущем она никогда не копила, не хранила деньги — все может разом пропасть. Лучше раздать людям, которые в них остро нуждаются. Она знала такую премудрость, что «жадный — беден всегда» и что «только то, что отдал — твое».

ДАША С ТЕМПЕРАТУРОЙ

Однажды вечером приходит Наташа с работы домой, а дочка Даша лежит в постели и еле разговаривает. Проверяют температуру: под 40 градусов. Даша почти без сознания. Вызывают скорую, а она не едет. Полчаса, час — все нет врачей. И мокрое полотенце, и жаропонижающие мама ей дала, но пока с нулевым эффектом. Неожиданно звонит Владимир Лукьянович: «Как вы там поживаете, что новенького?»

Наташа ему все и рассказала. Температура, рвота, слабость. Он говорит, что нужен имодиум. Попросите его у врачей скорой. А тут и они приезжают: «Никакого имодиума у нас нет, вот сделаем укол — может, полегчает. Если что, вызывайте утром участкового». Что же, делайте. Что-то же должно помочь дочери. Они уехали.

Сидит Наташа у кровати своей родной доченьки, и так жалко ее, страдальцу. Мать почти все время на работе, дети сами и стирают, и убирают, и еду покупают. Вспомнилось, как недавно дала она Саше 50 рублей и попросила купить еды. Вечером смотрит — есть нечего. «Саш, в чем дело? Почему ты ничего не купил?» У Сашки вид виноватый: «Мам, я пошел в магазин, а там у входа дяденька сидит без рук, без ног, на колясочке. Так жалко его стало, я ему все деньги и отдал. Знаешь, как он им обрадовался! Мам, не ругайся! Ему же хуже, чем нам!»

Да где же здесь будешь ругаться, если знаешь, что в семье растет добрый человек. Этому надо только радоваться. Милосердие — знак Божий. «Ладно, Саня, каши наварим — тоже полезная пища. А немного меньше нельзя было

дать?» — на всякий случай спросила Наташа. — «Мам, у меня сегодня была такая большая радость — я хорошо выступил на тхэквандо, вот и захотел, чтоб он тоже порадовался...»

Сидит Наташа возле Дашутки, вспоминает все про своих детей, мысленно кается, что растут сами по себе, ждет, когда Даше легче станет. Меряет температуру. 39,5. Много. Снова звонок от Владимира Лукьяновича: «Дочке легче? Имодиум давали? Не было у врачей скорой? Сейчас я вам привезу, диктуйте адрес».

Через полчаса звонок в дверь. Деловито, как врач, заходит и сразу, спросив где, к кровати Даши. Трогает лоб, пульс. Качает головой: «Сейчас дадим лекарство — редкое, сильное — сразу легче станет». Дали Даше таблетки, но он не уходит, говорит, что должен дождаться улучшения. Смотрит на наше жилье. Молчит. Наташа предлагает чай — ничем другим, особенным, угостить не может. Просто нечем. Он отказывается. Минут через тридцать температура у дочки падает. Владимир Лукьянович собирается уходить. Наташа вышла его проводить. Но в лифте они застревают. Ни вверх кабина не идет, ни вниз. Диспетчер отвечает, что придется подождать, наладчик лифтов сейчас в другом доме. Наташа волнуется за дочку, ругает себя, зачем пошла провожать, а с другой стороны, человек сделал добро, но застрял в лифте. Время идет, напряжение растет, и вдруг — сильнейший удар в дверь, она слегка приоткрывается, и друг Владимира Лукьяновича — начальник охраны премьера говорит, что он сам сейчас выручит их из плена. Так и случилось. Наташа была очень впечатлена такой взаимовыручкой. Оказалось, что они вместе приехали, но начальник охраны ожидал В. Л. в машине. После этого случая Владимир Лукьянович стал еще чаще им звонить, а иногда и приезжать, хоть на десять, пятнадцать минут.

3 МАЯ — ОСОБАЯ ДАТА

Эта дачная эпопея — одна из самых тяжелых «нош» в Натальиной жизни. Она взяла на себя груз явно не по силам, надеясь, что все окажется проще, легче, что ее трудолюбие поможет быстрее справиться с новой задачей: быть ближе к свободе, к природе, к земле, к простому физическому труду. Увы... Собрав свое терпение и прочитав эти главы, вы услышите ее стон, словно плач Ярославны, и поймете, что нельзя быть такой упрямой и настырной даже в реализации своей мечты! Но ей так хотелось воли!

...В 91-ом году редакция приобретает три гектара земли у разваливающегося колхоза. Охотников за участками много, записывается в списки дачников и она, как вдохновитель приобретения этой земли. Угнетает одно — место так далеко от ее дома! Но утешает другое — может быть, ей удастся поменять этот участок на другой — поближе к месту проживания. Так люди в те годы обменивали свои квартиры.

Еще до описываемых событий она собрала деньги и отдала маме для покупки сруба. Мама, как специалист по лесному хозяйству, пользовалась льготами, и ей удалось заказать для дочери небольшой сруб. В собранном виде

он хранился у ее знакомых.

Мама часто просила: «Наташа, забирай свой сруб, меня уже достали с просьбами о его продаже». — «Мам, куда я заберу? В квартиру под кровать, что ли?»

Теперь появилась реальная возможность постройки дачи.

3 мая, на весенний праздник, они с подругой Светой поехали смотреть «свою землю». Участки были в поле, окруженном березами, в километре от деревни. Это было «коровье» пастбище.

Зеленая травка выползала из земли, березки выпускали свои первые липкие листочки, ласково пригревало солнышко! Благодать-то какая! А небо! Высокое, чистое, голубое! Тишина, покой, в воздухе кружатся бабочки, поют птицы. А как дышится! Хочется петь в полный голос! Повалиться на траве! Увидеть первые одуванчики! «Боже, слава Тебе за радушие и ласку всей природы!» Как мы устали от Москвы и ее вечного напряжения! Как надоело допоздна быть на работе и читать письма, писать ответы, готовить материалы и вопросы к разным «шишкам»! Как хорошо на природе! Своя земля! Что захочу — то и посажу. И это вырастет! И это ты сам, своей рукой сорвешь — и съешь или угостишь какого-то доброго человека! А потом босыми ногами будешь ходить по теплой земле! Это будет настоящим счастьем!

Они мечтательно посидели со Светой на поваленном дереве с огромными корнями, съели свои бутерброды, выпили чайку из термоса, подышали благословенным воздухом и решили — будь что будет, начнем строиться!

Еще зимой, когда в редакции проходила жеребьевка по выбору конкретных участков, Наташа сказала: «Выбирайте, кто что хочет — я буду менять участок, мне все равно»...Подружкин визит на поляну завершился твердым решением: строимся здесь! Этому поспособствовал и последующий разговор Наташи с ее поклонником — опытным и по жизни умным человеком. Она спросила его: «Ты в случае чего сможешь мне со стройкой?» (Имея в виду моральную поддержку.) — «Конечно», — уверенно ответил он.

Наташа сообщила маме: «Будем строиться!» Но кто возведет домик? Как его привезти? На что поставить? Клава, старшая подруга, знала, как Наташа мечтала о даче, и когда они получили эти участки, все приговаривала:

— Тебе повезло, участок на юге. Собирай банки, скоро будут сливы по кулаку, компоты варить станешь.

— Клава, какие компоты и банки! Там лес и глина, дом еще не построила...

— Все будет, ты ведь на юге.

«Причем тут на юге? Это 70 км от Москвы!» Но она оказалась права, дачи друзей на севере Подмосковья были в более холодной зоне. Они даже удивлялись, что у нас растут некоторые виды цветов, которые у них никогда не зацветают.

ФУНДАМЕНТ

Та женщина, с которой они смотрели дачи под ЛЭПами, дала Наташе двух строителей — для фундаментных работ. Мама тоже обрадовалась, сообщила, что нашла троих мужиков, они специально для этой работы возьмут отпуск с 16 июня. Но к этому дню должен быть готов фундамент. И ни минутой позже!

Вроде все складывалось. На работу к Наташе пришли первые двое, они обсудили, каким должен быть фундамент. Для правильности решения Наташа «допросила» редакционного управляющего хозяйством — о том, какой вариант лучше.

На следующий день эти двое должны были прийти за деньгами. По дороге на работу по авторadio Наташа слушала гороскоп на предстоящий день. По нему выходило, что никакие контракты, договоры сегодня не нужно подписывать. С другой стороны, ребята уже выехали к ней, как им не дать денег? Она проигнорировала гороскоп. А зря. Мужики получили аванс на половину стоимости фундамента, и пообещали к 10 июня все сделать. Впереди у них был целый месяц.

...На участок Наташа приехала в конце мая, но там ничего не было, даже траншея не выкопана! И строителей этих не было. Сделала им большую взбучку — по телефону (еле застала дома). Они снова все пообещали. Приехала на участок через неделю. Все так же, то есть никак!

Мама заволновалась, как же так, люди специально едут возводить дачный домик (она еле-еле их уговорила), а где же фундамент?

Строители говорят Наташе, что нигде не могут найти цемент. В выходной Наташа едет в городок, что рядом с дачами. И правда, нигде ничего строительного! На дворе 1991 год. В магазинах ей советуют: спросите на кирпичном заводе. Заезжает, спрашивает. Нет цемента, не будет, не знаем, чем вам помочь. Если хотите, берите веник, совок, подметайте, может, полведра наберете.

Наташа трясет тех, двоих. «На что надеялись, когда брались за работу?» — «Мы знали, где достать, но сейчас там нет», — отвечают.

Час «X» приближается. Двое заверяют, что к 16 июня фундамент все равно будет.

А в это время мама ищет транспорт, уговаривает водителя, он с большим трудом соглашается привезти сруб вместе с плотниками. Но с условием: вернуться ему надо в тот же день. Это халтура. Начальство узнает — выгонит с работы.

15 июня Наташа забивает свой автомобиль «под завязку». Еда плотникам (крупы, овощи, яйца, масло, пряники и т.д.), им же — постельное белье, аптечка, приемник, газеты.

И тут же — гвозди, скобы и прочее строительное добро, заранее заготовленное. А еще до этого дня она договорилась с местной хозяйкой, что та примет ее плотников на постой — ночевать же им негде! Ну и будет кормить их обедами — за дополнительную плату, конечно. Это было в присутствии тех двоих, нанятых для устройства фундамента.

16-го июня в семь утра она должна встретить груженую машину на Минке, перед МКАДом. Ночью не спится — душа переживает, сумеет ли она справиться со строительством? Поляна большая, но кругом ни души. Нет дороги к ней, коровы с пастухом пробирались через топи навозные, нет электричества, нет воды чистой, нет забора, нет сторожа. Ничего нет, кроме желания обрести жилье на природе. Дышать, глазеть на деревья и облака, физически трудиться, спать под пение птиц...Фантастика! Неужели это возможно?!

Но как страшно одной все это начинать...

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ ДАЧНОЙ МЕЧТАТЕЛЬНИЦЫ

И вот наступил этот необыкновенный, страшный день в ее жизни. Наталья его помнит до мельчайших подробностей — так ярко он впечатался в память. Как она его выдержала? — Не знает, не понимает, но чувствует, что зачем-то он был нужен.

...Машину дождалась, встретила, едут, едут. И часов в десять утра приезжают в деревню, возле которой «их», а уже не «коровье» поле. Есть ли фундамент для дома — она пока не знает. Дорога к полю перегорожена длинным железобетонным блоком.

Пока они вручную все скопом оттягивают его в сторону, выбегают двое деревенских жителей и бранно ругают «понаехавших». Наташа упрашивает их не ругаться, лучше помочь им. Они не соглашаются ни с тем, ни с другим.

Наконец машина преодолевает первые препятствия, идет дальше, а там — низина, топь. Метров триста благодаря мастерству водителя (он прихватил с собой и сына-подростка) машина продвигается, а дальше... увязает в грязи. И никакие попытки выбраться из нее не приносят успеха. Водитель ругается и на себя за то, что согласился на эту халтуру, и на Наталью, зачем она послала его в это бездорожье.

Наташа поехала за трактором. Объехала округу и нашла «Беларусь», трудящийся над навозом. Стала упрашивать водителя выручить их. Он бросает свое малоприбыльное дело и едет за Наташиным «Москвичом». Приезжает, цепляет груженный срубом КамАЗ, силится изо всех своих «беларуских» сил, но тщетно. Камаз даже не чувствует его комариных потуг.

Поехала искать другую подмогу. А искать-то где? Заветные места еще не знает, просто «шурует» по деревням... Нашла «Урал» — серьезную машину. У шофера другие планы, отличные от Натальиных, но она так убедительно его уговаривала, что товарищ соглашается. И вот уже объединили усилия «Урала» и «Беларуси» — хоть бы хны. Шофер ругается уже матом, даже невзирая на присутствие женщины и ребенка — своего сына, которого он вез «показать столицу». Вместо Москвы сидят по обе оси в навозе. Вот тебе, сын, и столица! А к утру надо быть на работе. А сколько времени, чтобы машину привести в божий вид! Ругаются на Наталью и плотники — они уже сходили на поляну и нигде не обнаружили никакого фундамента. Ругаются деревенские, им не

нравится, что здесь появляются дачники. Шум стоит невообразимый, так как в грязи увяз еще и усердный «Беларусь», теперь его оттуда тащит «Урал».

Натальина голова идет кругом. Ее «Москвич» до сих пор не разгружен — просто некогда да и некуда складывать все ею заготовленные припасы. Она не знает этой местности, не понимает, как вытащить машину, как быть с фундаментом, но главное — как избавиться от этой ругани. Сердце сначала медленно начинает болеть, потом сильнее и эта боль усиливается и никак не отпускает ее.

Но пока не до сердца: надо искать более сильный трактор. Только села в свой «Москвич», как появляются хозяева, с которыми она договорилась о приюте для своих плотников. Сквозь сердечную боль до Наташи доходит, что и они сильно ругаются на нее. А эти-то за что? Что плохого она им сделала? Вроде ничего не успела!

КРАСНОМОРДЫЕ

Они кричат, перебивая друг друга, чтобы «срочно убрала от них «своих сук-строителей». Они пьянствуют все дни напролет, прописали (там было другое нелитературное слово) все хозяйские матрацы, простыни, взяли в долг деньги, целую неделю кормились за их счет. Теперь Наталья срочно должна им (хозяевам) возместить все расходы. Срочно. Сейчас же, на этом же месте!»

«Какие «суки-строители», если плотники, для которых приготовлено это жилье, только что приехали вместе со срубом?» — «Нет, не эти, — говорят хозяева, — а те, красномордые!»

Ах, вот оно в чем дело! Каким-то образом те двое «спецов по фундаменту» прознали, что Наташа договорилась о проживании и питании для плотников, и явились туда под видом этих плотников! Можно ли было такое предположить?! То-то днями она не могла найти ни одного из них по домашним телефонам! Их домочадцы отвечали, что искомые лица вкалывают на какой-то даче. А они, голубчики, пропивали здесь ее деньги! «Боже мой, за что мне все это?!»

Чтобы спасти себя и удалиться от ругани, она пошла на свой участок, все-таки очень надеясь на чудо — увидеть там фундамент. Но земля была такой же девственно нетронутой, как и 3 мая. Неожиданно в березняке она увидела двух своих «краснорожих». Их, возможно, привлекла картина появления сруба; их, как преступников, тянуло на место преступления.

Увидев их, Наталья схватила какой-то большой дрын и с громким криком «Убью!» рванула в березняк. Если бы кто-то заснял на видео, как неестественно быстро, прыгая через пни и поваленный лес, бежали врассыпную от нее эти двое и с какой скоростью бежала за ними она, а потом показали это видео, люди сорвали бы свои животы от смеха. Но Наталье было не до него. Она знала точно — догони кого-нибудь из этих сук, на одного пьяницу на свете было бы меньше. Но Бог не попустил такой грех. Она кинула в сердцах свою дубину, а потом (что-то ее заинтересовало) попробовала ее поднять и еле сдвинула с места,

настолько тяжела она была. Теперь понятно, почему с такой скоростью — как кенгуру — бежали от нее красномордые.

Расправа не удалась. Машина по ось в грязи, тракторист «Беларуси» и водитель «Урала» требуют денег за усилия, хотя и тщетные. Плотники клянутся, что как только вытащат «Камаз» и разгрузят сруб, они уедут обратно.

...Сердце стонет все сильнее. Хочется есть, но разве сейчас до еды? Хозяйевам дала денег, обещала привезти новое белье, но попеняла их, зачем пускали пьяниц без ее ведома. Стала бы она посылать кого-то без своего сопровождения?

Сын шофера хнычет, ему хочется есть, спать, как-то развлекаться, не для того он с отцом ехал в Москву, чтобы слушать мат-перемат и сидеть в грязи. Наташа понимала — надо срочно вытащить машину, и это может сделать только она, так как только у нее есть автомобиль.

АВТОБАЗА

Объезжает ближайший городок, находит автобазу. Просит диспетчера помочь ей.

«У нас нет такой техники, чтобы вытащить груженный КамАЗ. Вам надо ехать в другой поселок, на их автобазу, там есть «Кировец». Только он способен помочь вам», — советует диспетчерша.

В машине заканчивается бензин. В тот период проблема была и с ним: заправок мало, очереди большие и не факт, что на всех хватит бензина. «Как же я доберусь до Москвы? Что буду делать с пустым баком? Но разом решить все проблемы все равно не могу: сердце разорвется».

Делать нечего, поехала в соседний поселок, нашла уже там автобазу. Рабочий день закончен, но все равно (надо же что-то делать!) она стала стучать в ворота. Неожиданно они открываются. Во дворе сидит с десяток мужчин, играют в карты. Объяснила им суть дела, попросила помочь.

— Нет, у нас злющая начальница, узнает — выгонит с работы. Тем более придется так далеко ехать. Нет, нет, не поможем.

— А при каких условиях поедете?

— Если она сама даст письменную команду.

— Где она живет? Как зовут?

Они рассказали. Безропотно поехала туда (бензин все убывает), поискала дом, квартиру, позвонила. Никто не открывает. Вышла из подъезда. Сердце ноет все сильнее. Встречает соседку, спрашивает, где может быть Мария Ивановна.

— На огородах.

— Где они?

Она объясняет. Поехал

а туда.

Навстречу идет женщина. Наташа спрашивает, знает ли она, где огород Марии Ивановны?

— Зачем она вам? Вообще-то это я.

Ей все рассказано и про сруб и про «Урал», «КамАЗ», «Беларусь»...

— Прошу помочь. Обещаю заплатить.

— Да бросьте вы о деньгах! Неужели баба бабе не поможет? Давайте бумажку и ручку.

Она пишет записку Михаилу Ивановичу — бригадиру трактористов. Наташа вернулась на автобазу. Мужики по-прежнему режутся в карты. Отдала записку. Читают.

— Много взяла? — спрашивает бригадир.

— Нисколько.

— Не похоже на нее.

— Вы ее не знаете, — защищает Марью Ивановну Наташа.

— Да кто вас, баб, не знает. Поехали. Володь, ты со мной, — позвал он паренька.

Через час прибыли на место погружения «КамАЗа» в грязь. Хобот «Кировца» подцепил где и что надо, и через четверть часа машина со срубом уже двигалась по зеленой тверди в сторону несуществующего фундамента.

Ребята-плотники стали спешно разгружать бревна, а трактористов Наташа уговорила подождать, чтобы на обратном пути с поляны выдернуть уже пустой «КамАЗ».

— Ладно, — сказал Михаил Иванович, доставая сигарету, — а вы пока слетайте, Вовка знает куда.

— Куда? — спрашивает Наташа парня.

— Да по магазинам, — ответил он.

«Ясное дело, за водкой», — подумала она.

ШАМПАНСКОЕ

Они поехали в ближайший городок, он заходил то в один магазин, то в другой, но выходил с пустыми руками.

— Что надо купить? — спрашивает его.

— Шампанское.

— Что такое «шампанское»? — не понимает Наташа.

— Шампанское, оно и есть шампанское, — удивленно отвечает он.

«С ума сойти, ну и денек: трактористам нужно шампанское! Не водка, не пиво, не самогон, не портвейн в лучшем случае, а шампанское! Что они с ним будут делать? Пить, закусывая огурцом?»

Второй час они колесили по всем лавочкам. Ради отвлечения от сердечной боли Наташа все время разговаривала с парнем. Рассказала, что кончается бензин; что сильно болит сердце; что ничего не ела со вчерашнего дня; что не рада предстоящей стройке... А он ей про свое — жену, детей, работу.

«Все! Мы не найдем шампанского», — заключил он.

Поехали обратно, вернулись в деревню, Наташа рассчиталась с шофером, уговорила (нет, умолила!) плотников остаться, заработать деньги на стройке ее дачи. Зря что ли они сюда ехали всю ночь? Они кивают на отсутствующий фундамент, она обещает завтра снова приехать, что-то придумать...

Сердце болит немилосердно...«Кировец» уже уехал, вытащив на сухую землю КамАЗ. Наташа выгрузила все из своего «Москвича», определила плотников на ночлег. Теперь надо отвезти Вовку на автобазу. А бензина-то нет, что делать?!

Вдруг один из плотников протягивает ей канистру бензина: «Это вам мама передал!»

От этих слов у Наташи градом посыпались слезы. «Мама, мамочка, родная душа, какое же ты солнышко! Мало того, что плотникам дала много всякой еды, так ты даже предусмотрела канистру (словно предвидела, как мне будет тяжело) бензина! Когда-то я сама его купила для ее машины — как НЗ. Мама несколько лет хранила канистру, и наконец-то она дождалась своего звездного часа!» Если бы Наташа не боялась показаться такой сентиментальной, она бы сразу же расцеловала эту канистру!

Когда они подъехали к Вовкиной автобазе, было уже совсем темно. Но мужики не расходились.

— Где шампанское? — строго спросили Вовку.

— Нет шампанского, — буркнул он.

— Как нет? — возмутились мужики. — Мы вытащили ее машину, пусть едет туда-то (называют другие городки), но привезет шампанское!

— Она никуда не поедет, — по-мужски твердо сказал Вовка.

— Как это «не поедет»? Ты че, рехнулся? А ну дуй с ней!

— Не поедет! Ясно?!

— Не ясно!

И тут же завязалась потасовка. Кто-то схватил Вовку за грудки, кто-то двигался в Наташину сторону.

— Уходи! Уезжай скорее! — крикнул ей Вовка.

Наташа быстро выхватила из машины две бутылки водки («строительный паек»), пихнула их в пакет, туда же и деньги, оставила все возле ворот и страшным голосом закричала:

— Михаил Иванович, Вовку бьют! Помогите!!!

Хотя чего «помогите!»? Бить что ли? Но кричала именно так. И бежала к своей машине.

Хорошо, что заранее спросила Вовку, как выехать на трассу, и теперь в полных потемках давила на газ.

БЕЗ СВЕТА

Далеко впереди шла машина, «дачница» ориентировалась на ее задние огни и в голос стонала: «А-а-а-а! А-а-а». Так болело сердце. Как раненому зверю ей надо было выкричаться, кому-то пожаловаться на эту неутихающую боль. В тот момент у нее была одна союзница — полная луна. Ей и жаловалась. А сама стрелой неслась по дороге, не понимая, почему так плохо все видно. Проехав два десятка километров, прямо на выезде на большую трассу нечаянно задела что-то и... включился ближний свет! В это трудно поверить, но так было: она ехала без света, даже без габаритных огней! Настолько сильным был

стресс от проблем этого долгого нелепого дня.

...Шел уже первый час ночи. Сердце щемило, ныло. От усталости, голода она еле соображала. Путь к своему жилью, где ее ждали дети двенадцати и десяти лет, пролегал мимо дома бывшего мужа. Она завернула к нему во двор. Нажала на кнопки домофона, едва произнесла: «Открой мне» и упала в обморок.

Очнулась уже в кресле, в его квартире. Он давал нюхать нашатырь, пить что-то сердечное.

— Переночуешь здесь, — сказал он.

— Нет, дома одни дети, они переживают, ничего не знают обо мне, а утром надо на работу, — отвечала Наташа.

— Как знаешь, тогда я тебя сам довезу до дома. Одно плохо, вечером в университете был банкет по поводу защиты диссертации нашего сотрудника, я выпил немного шампанского.

«Снова шампанское! Что оно сегодня преследует меня?» — пронеслось в голове Натальи.

Они спустились вниз, Володя сел за руль. Городские дороги были пусты.

— Мы поедем переулками, где нет гаишников, — сказал бывший муж, — а то почувствуют, что я выпил, права отберут.

ГАИШНИК

Однако Натальины несчастья определенно еще не закончились. На одной темной улочке гаишник их и остановил. Муж продернул машину вперед, подальше от глаз гаишника и сказал:

— Садись на место водителя, будто ты вела машину, а я выйду словно с заднего сиденья.

Он вышел навстречу гаишнику:

— Что-то случилось?

— Ваши документы.

— За рулем моя жена.

Наташа опустила стекло.

— Ваши документы — это уже обращение к ней..

Шарит по сиденью, но сумочки нет. Гаишник терпеливо ждет. Пересмотрели все — нет. Тогда муж вспомнил, что сумочка висела на подлокотнике кресла, там, видимо, и осталась. Гаишник радостно оживился:

— Я сейчас составляю протокол за управление без документов.

Наташа пыталась объяснить ситуацию, но гаишнику все равно. Он пишет протокол. Муж просит его не торопиться, он съездит домой за документами, но вот на чем? Нет ни такси, редкие авто не останавливаются рядом, они боятся гаишников.

Наташа отказывается подписывать протокол. Гаишник останавливает проезжающие машины и просит водителей стать свидетелями ее нарушения. Наташа просит его на полчаса оставить ее в покое.

— У меня целый день болит сердце, — говорит ему.

— С больным сердцем по ночам без документов не ездят. Может, вы угнали эту машину, сейчас мы ее заберем к себе на стоянку.

Муж кое-как уехал домой, а вскоре на самом деле приходит эвакуатор.

— Ваша машина арестована, а вы задержаны, — объявляет гаишник.

«Боже, сколько можно надо мною издеваться? Почему все в один день?»

Эта катавасия длится три часа. К счастью, приезжает с ее сумочкой Володя. Проблема ареста снята. Наташа трогается с места, за поворотом уже муж садится за руль.

Домой она приехала в пять утра. Ровно во столько же, во сколько вчера выехала из дома встречать КамАЗ со срубом. (А если бы она еще знала, что будет с этим срубом ровно через десять лет!)

... Наташе до сих пор непонятно, кому, почему нужен был такой замес событий и все это — в одни сутки? И как она это выдержала? И почему все это РАЗОМ свалилось на нее, совершенно неопытную «строительницу»? Может быть, кто-то этими препонами хотел отвести ее от непосильного дела? Может быть, следовало сказать: «Слава Тебе, Боже, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей!»?

Сейчас она считает, что это был ее «Один день Ивана Денисовича» по Солженицыну. Тогда она еще не знала, что через несколько лет Господь осчастливит ее знакомством с ним, страдальцем ГУЛАГа.

«БАБУ НЕ ПРОВЕДЕШЬ!»

Дача не строилась. Не было фундамента, так как не было цемента. Она не раз объезжала всю округу, но тщетно. Кто-то из местных посоветовал обратиться на кирпичный завод (якобы туда завозили). Пришла. Ничего нет.

Утром одного дня, собираясь на работу, завела своего Москвича, а рядом возле своих машин крутятся мужчины. У одного на багажнике доски. Значит, дачник. Спрашивает его:

— Подскажите, где мне купить цемент — он нужен для фундамента?

Все мужчины разом засмеялись. Что ж такое смешное она у них спросила? А они ей в ответ:

— Зачем купить? Иди на стройку и за бутылку бери — сколько захочешь! А иначе не построишься!

А вот это уже не по ней! Сторонница честного образа жизни, на чужую стройку идти она не готова. Что же делать? Работники ее (потом выяснилось, это были не плотники, а шоферы) на чем свет стоит ругают Наташу, ведь истекает время их отпусков... Да она и сама не рада, что связалась с таким сложным неподъемным делом.

Выходит грустная с кирпичного завода и... Куда идти? Даже не представляет. Села на скамеечку, плачет, а мимо идет деловитый мужчина, увидел ее слезы и спрашивает:

— Что случилось? Чего плачем?

— Надумала дачу строить, а материала нет. Вот сижу и ругаю себя на чем свет стоит. Ведь не справлюсь же! Без мужа, с двумя детьми — как я эту стройку вытяну? — пожаловалась ему.

— Знаете, что я вам скажу?— он присел рядом, достал сигарету, постучал ею по пачке, посмотрел на Наташу оценивающим взглядом, прикурил и продолжил:

— Ты это запомни (почему-то он перешел «на ты»): мы мужиков каждый день пачками вокруг пальца обводим. (Он приподнял палец и другой рукой показал, как это делается.) Но! Но (запомни!) ни одну бабу нам обмануть не удалось! Ни одну! — Помолчал, посмотрел на Наташу и заключил:

— Знаешь что? Ты постройся. Быстрее других. Запомни это...

Ее слезы просохли. Получилось, что он благословил ее на стройку! И она сразу поняла, что надо делать. Вот, балда, почему раньше не сообразила? И не туда ездила!

Наташа отправилась за батюшкой. Поблизости никого не нашла, поехала в дальний город, в Домодедово, в храм. Была воскресная Литургия. Она достояла службу и к батюшке:

— Отец Анатолий! Освятите мою землю! Сруб привезли, но дело никак не движется!

— Ну что ж, поехали. Обрато тоже меня привезете.

И вот на красивой поляне батюшка кропит святой водой землю, бревна, доски, строителей (шоферов на халтуру) и ее, рабу Божию, грешницу. Читает молитву. Помилуй нас, Боже!

Наташа отвезла батюшку обратно, п

оближе познакомилась с ним и его матушкой. Выпили чаю, поговорили, и Наташа поняла, что видит перед собой большого подвижника.

К вечеру возвратилась в Москву. Завтра на работу. Плотники снова без цемента, без песка. Что делать? Прямо беда какая-то! Главное еще — платить-то им все равно придется, а как быть со срубом, не собранным в домик? Разворуют ведь! Материалов нигде нет, трудно будет деревенским удержаться от соблазна.

...К концу рабочего дня в четверг заходит к ней сотрудник, которому поручили оформлять документы на дорогу и поляну, и сообщает, что видел... ее домик.

Какой домик? Что он несет? Там нет даже фундамента!

Инженер смотрит на Наташу честными глазами и повторяет, что полдомика уже стоит! Плотники колотят молотками.

Еле дождалась субботы. Разбудила Сашу в пять утра — и на дачу. Приезжают, в деревне оставляют свой верный транспорт и пешком — на поляну. Глазам не верят, какое-то чудо: среди зеленых деревьев как грибочек появляется их домик. Плотники уже стропила ставят:

— Что за чудо? Откуда фундамент?

Рассказывают, что еще в воскресенье сразу после батюшки пришли два мужика и спрашивают, где здесь молодая баба, которая ищет цемент. Цемент у них нет, но есть железобетонные блоки. Они могут их продать. Наташины

работяги поняли, что упускать этот шанс нельзя. Они сказали: «Давай сюда. Это наша хозяйка. Она здесь повсюду искала цемент».

В понедельник на тракторе привезли блоки (траншея уже была выкопана), трактором их запахнули в эту траншею, и уже в четверг (на самом деле) можно было увидеть полдома.

«Сегодня в обед они придут за деньгами».

Деньги с собой у «хозяйки» были.

Кто теперь скажет, что это — не чудо из чудес! Как можно после этого не верить в великую Божью силу?! «Слава Тебе, Боже, за тайные и явные милости Твои!» — Душа пела от радости, что есть Кто-то, кто отзывается на наш зов о помощи!

Они с Сашкой были счастливы. У них появлялся свой дом.

ГКЧП

Это было неожиданно и страшно. Не поймешь, что происходит и главное — куда это приведет. Верхушка власти объявляет, что с гласностью и перестройкой мы вроде как перебрали, теперь вводится режим «чрезвычайного положения» и все начнут вкалывать. Демократов, орущих на всех углах о свободе, прижмем, Горбачева, как зачинщика этой смуты, мы уже взяли под арест, а сейчас доберемся и до остальных...

Для Натальи, как человека с экономическим мышлением, в этом деле была своя логика. Ведь в стране никто не работал! Одни что-то там реформаторское предлагали, другие их критиковали, третьи — раскапывали новые проступки прежней власти, четвертые — исподтишка подворовывали, пятые устремлялись на чужбину... Словом, хаос и никакой ответственности. Наташа написала статью «Куда идем?» и там была подробная картина этой жизни. Потом авторы сборника афоризмов вставили афоризмы и из этой статьи.

В тот день, когда начался путч, Наташа появилась в редакции позже других. Зашла к шефу — там уже все собрались.

Почему-то все думали, что она имеет информации больше других. Они исходили из того, что она много общается в Верховном Совете, с депутатами и с другими информированными людьми. Одна из коллег, Люда Новикова, спросила Наташу:

— Как думаешь, Горбачев еще жив?

— Господи, конечно же, жив и здоров! Не сомневайтесь. Да он же сам эту кашу и заварил! — уверенно заявила она.

Что тут началось! Вот этого Наталья как раз и не ожидала. Ее коллеги вскакивали с мест, что-то вскрикивали в ее сторону.

Наталья очень удивилась. Неужели у них, опытных газетчиков, в голове могли быть иные сценарии?

— Этого не может быть! Как вы могли такое даже подумать?! — возмущался редсовет.

Странно посмотрела на них, но предпочла на выпады промолчать, не

отвечать.

— Ладно, пора работать. Расходитесь, — сказал шеф. И Наталье:

— Остаься, пожалуйста.

Они остались наедине.

— Почему ты так думаешь? — серьезно спросил он.

— Посудите сами: как сейчас Горбачеву заставить общество работать, если все уже привыкли спорить, кричать, «раскачивать лодку»? Разве в этих условиях потребуешь от кого-то приняться наконец-то за дело? Ему надо любой ценой унять демагогов. Как сделать? Только через страх — многие его не забыли. Возвращается ЧК (чрезвычайная комиссия — имела право на расстрелы). Все помнят, что с этим не шутят. Идем дальше. Мы с вами лично знаем всех «героев путча» — Янаева, Варенникова, Крючкова, Павлова... Разве они похожи на самостоятельных вождей, жаждущих попасть на трон Президента? Конечно, нет. Даже не смешно. Да все они — по духу своему «государевы люди», не претендующие на место вождя. Это «шестерки», но не тузы.

Они взялись подыграть Горбачеву, но никому из них не хватило смелости поступить радикально, арестовать громких демократов. А теперь, когда игра провалилась, Горбачев от них, естественно, откажется. Зачем ему неудачники? Они — марионетки и могут быть только управляемыми каким-то кукловодом. Кем? Ясное дело, кем — самим Горбачевым. Они ему присягали, ему и верны. Какого-то иного кукловода нет: это уже измена, и кто-то на кого-то (вспомните историю) быстро настучал бы. У настоящего ГКЧП был бы серьезный устрашающий акт — арест Ельцина и еще двух десятков людей. И все! Остальные вмиг забудут о гласности и быстро-быстро побегут доносить друг на друга. Этого не произошло, так как кукловод — человек мягкий и осторожный. Он просчитывает, что скажет Марья Петровна, то есть заграница. А теперь угадайте с одного раза — кто это? — Ясно, что Горбачев.

Шеф внимательно ее выслушал, а потом задумчиво сказал:

— Я тебя боюсь. Теперь я знаю, если в редакции начнется путч, то кукловодом будешь ты.

— Спасибо, — сказала Наташа, — за такую лестную оценку.

Вот уж право — дооткровенничалась на свою голову. Но неужели они сами думали, что ГКЧП — это возвращение репрессий, что это переворот? Что они тогда понимают в политике?

ВАЛИН ЮБИЛЕЙ

В сентябре этого же года та упрямая врачиха, которая категорически не хотела лечиться от гепатита овсяным отваром, пригласила Наташу на свой юбилей. До этого юбилея они подружилась и часто общались. Им было интересно друг с другом... Валентина была не права, когда отвергала народное лечение, это они могли сравнить каждая по своему самочувствию.

Было 6 сентября 1991 года. Наташа запаздывала к началу торжества, и

когда приехала, человек тридцать уже сидело за столом. Они произносили тосты. Валя попросила всех раздвинуться, чтобы усадить вновь прибывшую рядом с собою.

— Вот Наташа, моя любимая подруга. Она известная журналистка, — представила гостям, хотя и до этого много им рассказывала, как бы гордилась этой дружбой. Всем говорила: «Читайте ее интервью! Это моя подруга!»

Все приветливо заулыбались, стали говорить Наталье что-то хорошее, потянулись со своими бокалами. Все шло по плану, тепло, доброжелательно, интеллигентно, как и положено в хорошей компании. Неожиданно Валя расчихалась.

— Где это ты простудилась? — осведомилась Наташа.

— Да я три дня стояла у Белого дома, болела за Ельцина, — ответила она.

— О, Господи, — выскочило у Наташи, — нашла за кого болеть! Ну ты дурная, здоровья не пожалела!

И тут началось такое! Люди отодвигались от нее, блокировались группками и оттуда сыпали в ее сторону какие-то гадости и проклятия. Строго смотрели на Валю и гневно вопрошали, кого она сюда пригласила...

Место возле Натальи освободилось, люди — интеллигенция! московская! передовая! демократическая! врачи! — сбились в шипящую стаю и готовы были тут же разорвать ее. Беспощадно. Дружно. Со вкусом!

Наталья была поражена таким развитием ситуации. «Почему они так себя ведут, даже если и не согласны со мной? Разве не интересно им послушать, почему «за Ельцина не стоит болеть»? Послушать человека, который гораздо более информирован, чем ты сам? Будь я на их месте, непременно бы попросила: «А вот здесь поподробнее. Почему? В чем я ошибаюсь? Чего не заметила? Как изложенные вами факты подействуют на мои убеждения?»

Ничего этого не было и в помине! Мы тебя порвем, потому что ты думаешь иначе, чем мы! Это же кошмар, это вечная война — своих со своими!

«Товарищи, вы подумайте, если я так говорю, значит, я знаю больше, чем вы!» — примирительно сказала Наташа. Валя ее поддержала.

Но нет, это никого не вразумило. В стае появилась чужая, «не наша», которую ради «нашей победы» надо просто растоптать, уничтожить.

СВОИ — ЧУЖИЕ

К сожалению, и до этого Наташа встречалась с категорическим неприятием другой точки зрения. Ее отчим — большой поклонник Ельцина, навсегда поругался со своим племянником — образованным и талантливым руководителем госпредприятия. Поссорился из-за Бориса Николаевича. Они сцепились на этой почве (племянник утверждал, что Б. Н. страну до добра не доведет), и дело дошло до рукопашной, положение спасла Наташина мама. В дальнейшем — дружбе, «родству» был положен конец.

Другой эпизод. В утро выборов нового президента отчим позвонил в Питер падчерице Ане:

— Ты за Ельцина будешь голосовать?

— Нет, конечно, — честно ответила она.

— Если за Ельцина не проголосуешь — забудь о нас и сюда никогда не приезжай, — отчеканил отчим. (Словно он мог проверить, за кого она будет голосовать.)

Такие упертые были люди. Конечно, они никуда не делись и остались такими же.

В начале 90-х годов Наташе пришлось выступать перед большим залом слушателей. Были заданы вопросы о Ельцине. Она честно на них отвечала: «Не ждите добра от его руководства. Наступают нелегкие времена. Берегите семьи, каждый должен будет выживать самостоятельно. Государство забудет о вас», — как Кассандра предупреждала она. Конечно, это не лучшее дело расшатывать веру в будущее, которого так долго ждали, но и обманываться тоже не выход.

«Как, откуда ты это заранее знаешь? — допытывался у нее спустя пару лет старинный друг Пожариский. — Я тогда сидел в зале и не понимал, что ты говоришь, я не верил тебе! Ты же сама была демократка, сама так мечтала о переменах в стране! А потом, когда начался этот дикий хаос, дефолты, рост цен, невыплаты, преступность, взятки, каждый раз я вспоминал тебя и все поражался, как ты «не купилась» на их обещания?»

...Валентина тоже помнит тот свой юбилей. Ее друзья, по которым молохом проехался ельцинский режим с его полугодовыми невыплатами зарплат, казнокрадством, бесовщиной, тоже не раз вспоминали при ней Наташины слова: «Ну и дура же ты!». Теперь они сами думали о себе: «Вот мы какие дураки», когда поклонялись не Господу Богу, а кумиру-иуде, и потом маялись от безденежья, их «пачками» сокращали, а детей втягивали в наркоту».

Удивительно другое, и Наташа, к величайшему сожалению, в этом уверена: случись еще раз, в других обстоятельствах, услышать им иное мнение, они так же сбились бы в стаи против «чужака».

АКАЕВ И ЕВРЕИ

Вскоре Наташе выпало счастье сделать интервью с президентом Киргизии Аскарком Акаевым. Милый, интеллигентный человек, ученый. Долго делился впечатлениями о происходящих за окном переменах, честно ответил на все ее вопросы. И многие ответы даже дышали мудростью, смирением. Гордыни в нем не было ни капли!

— Где вы «приобрели» такую умудренность? Как удастся обойтись без боев, мордобитий, междоусобных войн? — спросила она его.

— Скажу вам по секрету. Есть у меня один еврей, который держится в тени, но всегда готов подсказать мне хорошие решения. Я с ним постоянно советуясь.

Наташа очень удивилась тому, как легко люди соглашаются на роль марионеток (даже президенты), на то, чтобы ими руководили кукловоды. И особенно Акаеву нравилось, что тот еврей находится «в тени»: на статусные регалии власти не посягает, не выпячивает себя, одеяло на себя не тянет... М-

да, президенту за кресло спокойно, но ведь ниточки-то в его руках... А что в его душе? В мыслях, в планах? Он (тот, что в тени) за веревочки дергает, а этот — улыбочивый — за все отвечает.

Ради юмора рассказала об этом Старкову. Он вдруг не засмеялся, а задумался, а потом сказал Наташе:

— Я тоже хочу умного еврея. Где же мне его найти?!

«Елки-палки, да что же это такое? Старков, ты же сам умница, с тобой советуются неглупые люди, и ты даешь им дельные советы... Так почему же не веришь себе? Почему не веришь в главное — в Бога? Он все подскажет и все поправит — уповай на Него!»

Ау, евреи! Где же вас столько взять, если почти каждый не хочет жить своим умом или считает себя ущербным (закомплексованным), не верит в свои силы, в правильность принимаемых решений... Или? Или уверены, что все построено на интригах, подковерных играх и уже в этом чувствуют себя слабаками?

Шеф часто говорил ей: «Знаешь, а ведь я люблю интригу. Я и сам большой интриган. Почему другие не интригуют? Даже жалко...»

Это его и сгубило. Интриганом стать у него не очень получилось, и он сурово поплатился за это неблагородное дело.

ТРАКТОРИСТЫ-ОБМАНЩИКИ

Дачные хлопоты продолжались. Чтобы убрать грязь на участке, Наташа лопатой срезала с землей в лесу растения и сажала на эту ужасную жирную глину.

Потом решила выровнять участок для будущих посадок. Нужен был только гусеничный трактор (колесный «не брал» глину).

Нашла в какой-то деревне тракториста, договорилась с ним. «Ладно, в среду, в восемь утра буду у вас». Наташа Бог знает что придумывает на работе, встает ни свет ни заря, но в восемь утра она как штык на даче. Никого нет. Снова едет домой к трактористу. «Почему не приехал, как обещал?» — «Не смог, трактор сломался. Но в субботу утром буду у вас». В субботу Наташа рано утром приезжает, и снова нет его. Запил. Ищет по деревням — уже другого. «Новенький» обещает так искренне, что не сомневаешься — будет на месте! Но та же самая картина. Женщина мчится из Москвы за 85 километров, а они 3–5 километров не хотят преодолеть! Что удивительно: за день работы они получили бы, как за месяц в колхозе. Но и третий, и четвертый трактористы не едут. Четырнадцать вынужденных поездок — и все без результата! Ну хотя бы сразу отказались, нет же, и жены их не понимают, гонят своих мужей к дачнице, чисто по-женски ей сочувствуя, а у тех — словно «красный свет» загорается.

— Саш, в чем дело? Ничего не понимаю, чем дольше живу, тем глупее себя чувствую, что-то я делаю не так. Посмотри, сколько мы мотаемся с этой землей! Шесть трактористов не хотят заработать? Ну не может быть такого! Я еду сюда, они — нет, ну просто как заговоренные, — жалуется мать своему

двенадцатилетнему сыну

— Не переживай, мам. Мы тут ни при чем. Народ такой: сейчас он тебя видит — и все обещает. Ты уехала — и он уже обо всем забыл. Если бы было по-другому, вся страна жила бы иначе.

Это говорил подросток. Она потом часто вспоминала его справедливые слова.

Детей Наташа воспитывала своим примером. Труд и... труд. Отдыха было мало. За неделю она набирала в уме много дел, что предстояло выполнить на новостройке. Дел было очень много. Все это писалось на большом листе, и каждому надо было выбрать работу по интересу и проставить возле выбранного дела букву: «Д» или «С». Остальное доставалось «Н». К перечисленным работам Наташа готовилась всю неделю: вечером закупала краски, кисти, лопаты и тазы. С субботнего утра до воскресного вечера они вкалывали. Когда перед отъездом в Москву Наташа перемывала в тазу посуду, она всерьез опасалась, что «брякнется» в него лицом от усталости. Но так жили все дачники, кроме тех, кто любил ее сугубо как место для отдыха. Но эта семья к ним не относилась. Наташе хотелось порядка и красоты. А это стоило большого труда.

Через год после начала стройки сын спросил Наташу: «А ты хотела бы дом у моря? Мама, давай продадим эту дачу и там купим! Купаться можно — каждый день! Как ты думаешь, нам за нее дадут миллион долларов, а?»

«Бедный Саша, нам за нее не дали бы и трех тысяч долларов», — подумала мать и поняла, как же дорого досталось наше скромное строение — без удобств, в лесу — не только ей (она в нее все деньги и душу вложила), но и детям, если так высоко они ее оценивают...

Вспомнила, как ночевали с ним в холодную, мокрую ночь в машине. Это было в субботу, а в воскресенье утром должен был приехать тракторист ровнять землю, бывшую в сплошных колдобинах. Ничего теплого — курток, пледа — с собой не было, и она прижала собой сына к заднему сиденью, а сама лежала, держась за кресло, чтобы не упасть. И укрывалась газетой, которая оказалась в машине. Их грязная, мокрая обувь была оставлена под машиной. Утром все стекла были в изморози, и они, кажется, даже и не простудились, хотя и очень замерзли. Утром и еды никакой, и ни теплиночки.

Из-за этих паразитов трактористов Наташа даже однажды пошла на должностное преступление. Конечно, это не подделка документов, но все же... Тракторист назначил время, когда он приедет ровнять землю. А Старков на это же время — не зная ее нужд — назначил встречу с одним очень большим начальником и предупредил ее: «Пойдем вместе!» Она попыталась уговорить шефа обойтись без нее, но он ни в какую. Что делать? Наташа наивно посчитала, что на этот-то раз новый тракторист сдержит свое слово — приедет. Мучилась— мучилась и домучилась: Старкову сказала, что та важная персона в это время «не сможет», а тому, позвонив, сказала, что Старков «не сможет». Словом, сволочь порядочная! Так и развела эту «малину». Но самое трагикомичное заключалось в том, что во всей этой истории именно тракторист «не смог прибыть на встречу»! Определенно не знал он, что из-за него тут были

такие страсти! А вот это ей уже досталось как наказание за вранье! «Прости меня, Господи, за эту ложь, если сможешь!»

ЖДУТ МАШИНУ НА ДОРОГЕ

Каким-то чудом маме удалось заказать для дочери машину пиломатериалов, которых было не достать! Это было невероятно! По телефону она сказала Наташе:

— Завтра под вечер машина выедет, встречай ее. Во сколько будет? Этого никто не знает, так же как и водитель не знает, как к тебе туда проехать.

— Мамуль, месяц не было дождя, земля просохла, и машина может добраться до участка. (К этому времени то, что условно считали дорогой, они как-то подкрепляли.) Скажи шоферу, что я буду ждать у поворота за деревней Сидорово.

Машине ехать часов восемь-девять. Наташа рассчитала, что в десять вечера надо быть на месте поворота. Они с Сашей приехали, заняли удобную позицию и стали реагировать на каждую большегрузную машину. Стемнело. Ждут — ждут, пока без толку.

Полночь. Машины нет. Они запаслись фонариком и светили всем грузовикам, чтобы их КамАЗ не проехал мимо поворота. Сидеть надоело, но деваться некуда. В два ночи никого на дороге. Ожидающие стали по очереди дремать. И так дотянули до рассвета. Мобильников нет, о них никто даже не слышал. А как иначе узнать, что с грузовиком? — Никак. Только высидивать его, как курица на яйцах.

В девять утра они, усталые и огорченные, поехали на свой участок. Информации о машине нет. Перекусив, легли поспать... Наташа вдобавок молила Бога, чтобы надвигающиеся тучи прошли мимо, хотя земля стонет, так хочет быть напоенной благодатной влагой. Но у Натальи свои «шкурные» интересы. Надо, чтобы машина, если она на свете существует, все-таки сюда бы прошла самостоятельно — без трактора.

ФОРС-МАЖОР ПО-РУССКИ

Часа в четыре дня смотрят и глазам своим не верят. Грузеный под завязку КамАЗ еле-еле ползет к ним. Даша выскочила из кабины и бежит впереди. Мама (бабушка) важно сидит в машине. Еще бы! Она везет дочке драгоценный пиломатериал. Она теперь — как председатель Госснаба.

Стали выгружать белоснежные доски — прямо на зуб хотелось попробовать вагонку, брус, половую доску. Складывали их аккуратненько, любовно, это же дефицит! Да и само дерево восхищало своим теплом.

Завтра 1 сентября. Но дети в школу не пойдут, пока они не справятся с таким важным делом. К вечеру приехал сторож, которого Наташа наняла пожить в домике, поделывать что-нибудь, постеречь добро.

Счастливые, что столько всего сделали, что уж теперь-то достроят свою дачу, уехали в Москву. Сторож терпит до 11 сентября, отпрашивается на два дня домой, а потом просто не возвращается. Явился к Наташе на работу за деньгами и все.

А 11 сентября весь пиломатериал украли. Наташе сообщил об этом Мещерский, который привозил деньги своим плотникам. Все подумали, что не обошлось без их помощи. Приехали дети с Наташей в субботу на дачу и увидели ужасную картину: любовно уложенной кучи нет! Вот нет и все! Была, а теперь ее не стало... только разорванная проволока, опилки и куски рубероида...

Как Наташа плакала, глядя на пустое место! Дети не знали, чем маму успокоить. Под этот пиломатериал она взяла в кредит целый миллион рублей (тогда были такие деньги), и теперь как ей их отдавать? То есть отдавать придется, но за что?

По соседству, на участке Мещерского работали местные парни, под которыми «ходила вся округа», Наташа спрашивала их: «Видели кого-нибудь? Что-то знаете?»

Отнекиваются, а у женщины сердце не верит им. Только они были в курсе, что тут, в лесу, находится такое добро. А сухое лето помогло не только им, дачным бедолагам, но и ворам. А как мать переживала, а как ругался на неизвестных воругов шофер, доставивший сюда этот материал, а как — даже спустя годы — возмущались люди, помогавшие маме «выбить» эти доски!!!

...Прошло месяца три, и у главного из этих мещерских ребят насмерть разбился сын-подросток, гонял на мотоцикле на дороге без прав, без правил. Что-то отвинчивал у мотоцикла на трассе, машина его и сбила.

Отец его по прозвищу Король два раза подходил к Наташе, печально на нее смотрел, она выражала ему свое сочувствие. А он вроде что-то хотел сказать ей, но так и не сказал.

Наташа еще два года выплачивала свой кредит, а кто-то уже из этого материала построил себе дом.

Машину украли — это раз, полный КамАЗ пиломатериала — на целый дом — украли. Это два. Не многовато ли?

СО СВЕТОЙ НА ДАЧЕ

...Однажды, когда на участке уже стоял маленький деревянный домик, женщины приехали сюда с ночевкой. Света взяла с собой портативный переносной телевизор, пуховик, пишущую машинку и кошку Мотьку — вредное и избалованное существо.

Без телевизора Света не мыслила своего существования, поэтому пришлось загонять на поляну машину, которую до сих пор оставляли в ближайшей деревне (1 км пути), на асфальте, что позволяло в любой момент уехать. Дороги к поляне еще не было, и женщины рисковали не выехать, если погода испортится. Но пока солнце подсушило землю и им удалось через лес

загнать «Москвича» к домику.

Да, да вот наконец-то поднялся домик размером 5 х 6 м с прорезями окон, превышающими сами рамы (впечатляющая картина: рамы держатся не на косяках, а на огромных гвоздях), так что эти прорези приходилось забивать разным строительным плюс бытовым материалом. Полы — не струганы, стены из бревен, потолок темный, но как же хозяйке было дорого все это! Она привезла с собой кусок (красная с белым клетка) ткани, разрешила ее на занавески, скатерть, поставила вместо стола ящик, сделала подобие скамеечек, покрыла все это той же тканью...

В банку с водой поместила ромашки, зажгла свечи, на ящике-столе появилось шампанское, вино, нехитрая еда во главе с печеной картошкой. И позвали они вместе со Светой гостей. Вошедший в дом Наташин коллега по газете Александр Мещерский остановился на пороге и замороженно сказал: «Версаль! Настоящий причем!»

На радостях, что на поляне появилось первое жилище, они немного выпили, попили песни... Мещерский к ночи еле добрался до своего сарая.

Телевизор все равно не принимал сигнал. Но они более-менее нормально прожили два дня. К концу воскресенья к ним пришел Мещерский:

— Накрапывает дождь — вам надо срочно выезжать с поляны. Иначе не выберетесь, — сказал Александр.

— Свет, давай поскорее в машину, — попросила Наташа.

— Кошку не вытащить с чердака. Мотя, Мотя, — она стала звать свою спутницу.

ПОМЕЩИЦА

Время шло, дождь добавлялся, Мотя на совместные призывы не реагировала. Александр с опасением посматривал на их долгие сборы. Он знал, что Наташа выпускающая по номеру и ей никак нельзя отсутствовать на работе.

— Свет, хрен с ней, с Мотькой, давай уезжать.

— Нет, я ее не оставлю, она за пять дней умрет с голоду, — упорствовала подруга.

Наконец, когда уже стемнело и земля покрылась лужами, Мотя смилостивилась над хозяйкой. Машина легко завелась, но почти не двинулась. Колеса безуспешно скользили по мокрой траве и жирной глине.

«Давайте я попробую, — подошел Александр, — только без вас, барышни, и без вашего багажа».

Он сел в машину, и она медленно, но послушно поехала. А путь предстоял кошмарный. Низина, глина и огромные лужи. Наташа как всегда молила Бога, чтобы «Москвич» не застрял, и шла вслед за красными огоньками. Великим чудом (по имени мастерство) Саша вывел этого зверя на асфальт.

А что же женщины? Наташа тащила свои многочисленные тяжести, Света — свои. В рюкзаке за спиной у нее сидела Мотька и орала громким возмущенным воплем. Там же лежала пищащая машинка. В руках были

пуховой спальник и телевизор. Они шли по мокрой глине за машиной, и пока Наташа молилась, Света с орущей кошкой за спиной ругала ее: «Помещица несчастная, нужен тебе этот дом — без света, без воды, без крыльца, без забора и даже без дороги?! Ни еду приготовить, ни чаю попить. Воды полно, а чистой — ни стакана! За километр в деревню на колонку ходить — тоже мне радость! Не могла что ли купить себе палатку, спальный мешок да котелок со столиком?.. Куда хочешь поезжай — всюду тебе дача! Нет, я сюда — ни ногой!»

Стоп! В этом месте они падают! С размаху! На мокрую глину! Света на спину, на орущую Мотьку и на машинку «Оптима». Рядом аккуратно лег телевизор, а сверху него — спальник.

«Картина маслом», — как сказал бы, увидев этот пейзаж, герой Владимира Машкова.

Потрясенная «маслом» на этой картине — все в грязи — Наташа обреченно уже представляла новую серию брани за свой неутомимый характер, от которого страдают достойные люди, кошки, вещи...

Однако... Глубоко ошиблась. Подъем с гостеприимной земли был на удивление молчаливым. Замолчала вдруг орущая кошка. Света с Наташиной помощью медленно поднялась, медленно собрала свои потерханные грязью пожитки и молча прошествовала к машине.

Там, на чудесном спасительном асфальте их ждал Мещерский. Они должны были вручить ему, преодолевшему непролазные просторы Подмосковья, лавры победителя.

Наташа с радостью переключилась на более дружелюбного человека: «Саша, как тебя благодарить?! Ты — профи, мастер по бездорожью. Но разве ты дойдешь по этой грязи в своих мокалинах? Возьми у нас сапоги — они «безразмерные»! Возьми ключи от дома, заberi оттуда керосинку и одеяла!»

Саша только начинал стройку, и кроме малюсенького сарайчика с лопатами у него еще ничего не было. Но Саша от всего отказался и отправился в свой сарайчик в мокрых туфлях по глубоким лужам — он мог позволить себе еще один день побыть на природе.

ЖАЖДА МАЖОРА

...Ясные глаза, г

устые волосы, крепкие бюст, бедра, ноги, сноровистые руки, мягкий голос, красивые глаза — все это создано для великой и преданной любви. Но где она? Где он — объект и субъект любви, где тот, кто все оценит, прижмет и замрет, вдохнув этот нежный запах любимого тела.

Он может появиться. Легко и свободно. Он может попользоваться и теплотой этого уютного дома, и сердечностью, преданностью его хозяйки... М-да. Но случись какая досадная оказия у новой влюбленной (в виде беременности, болезни или безработицы), как этот богатырь, господин жизни быстро улетучится. Он, как трудолюбивая пчелка, тщательно собирает мед у разных цветов. Он никому ничем не обязан. Ни родителям своим, которые

годами (будто они вечны!) ждут весточки от сыночка; ни детям, тоже тщетно ждущим родного папашу; ни тем более любящим его женщинам.

Некуда расти мужчинам. Нет у них конкуренции, нет стимула бороться, как в природе, за самку. Он, самец — всем зверям молодец. И лысинка, и брюшко, и тонкие кривые ножки, и слабые пухлые ручки, и тонкий голосочек. А глазки так и выглядывают, где бы пожить... Куда бы еще сладко нырнуть да быстро вынырнуть.

И без статистики (этой лживой девки-науки) видно: где беда — там одна женщина. Мужчина не выносит печали, скорби, нищеты, нерешенных проблем. Он жаждет мажора.

Почему мужчины так грубы с женщинами? Сами пьют, матерятся и вместо цветов и подарков одаривают своих подруг только матом и оплеухами?

Почему те все это терпят? Сколько Наташа видела семей, где хозяйка осталась без мужа, столько же раз радостно удивлялась порядку в ее доме, во дворе. На кухне блестели начищенные кастрюли, а в прихожей стояли начищенные туфли.

Были ли несчастливы обладательницы этих туфель и кастрюль? Скорее да. Глаза их не светились живым огнем. Отсутствие любви, восторга ею как женщиной, как умелой хозяйкой и хорошей матерью ощущалось в том, что это сдерживало ее рост и ее подвиги. И в нашей стране женщина недооценена, она вполне могла бы поднять силу духа, энергию народа на быстрое преодоление посланных нам испытаний.

СМЕРТЬ НА УКАЗАТЕЛЕ

Наташа вспомнила, как однажды в летний день того сезона ехали они с детьми с дачи в Москву, была хорошая солнечная погода, и вдруг на большом перекрестке, на знакомом указателе вместо названия города «Белгород» на стрелке было теми же белыми буквами на синем фоне, тем же шрифтом написано слово «смерть».

Наташа поморгала глазами («почудилось, наверное»), отвернулась, потом снова посмотрела на указатель и снова увидела это слово. Когда зажглась стрелка светофора, она повернула в привычную сторону руль... В ту сторону, куда указывала стрелка. Но уже за поворотом спохватилась, развернулась и поехала другой дорогой. С тех пор на тот поворот она уже не сворачивала, хотя та дорога была для нее удобнее..

Что это было? Расшифровала это так: ее добрый Ангел-хранитель предупредил о беде столь бесхитростным способом. Там — смерть. Спасибо ему. И огромное. Значит, она еще для чего-то нужна. Может быть, не только для этой мучительной стройки, но и для чего-то более значительного...

Было еще много раз, когда она оказывалась на смертельной кромке.

Ей двадцать пять лет, она шла по тротуару на работу, и с крыши упала большая льдина. Она буквально съехала по ее шубе. Наташа обернулась, увидела глыбу льда и поняла: смерть была здесь секунду назад. Но и Ангел-

хранитель не дремал: кто-то наверху считает, что она еще нужна здесь, на Земле. Зачем? Наверное, не затем, чтобы примитивно есть, спать, дышать и суетиться. Видимо, обязана сделать что-то серьезное и значительное. Но что? Что ей поручено?

В тот же год, зимой какой-то подонок кинул с балкона пустую бутылку из-под шампанского. Она тоже скользнула по ее спине. Наташа не поленилась, стала искать ту скотину, бросившую бутылку, его безнаказанность могла привести к чьей-то гибели. Но, к сожалению, найти не удалось. А может и удалось, да родители покрывали своих чад-хулиганов.

Молоденькая, она угорала в командировке, ее еле-еле спасли. Она смутно помнила, как лежала на холодном воздухе, а внутри все выворачивало от угарного газа, стучало в висках, бешено колотилось сердце. Спасли малые дети — заплакали, родители кое-как очухались, встали, потом вспомнили о ней, а она ближе всех лежала к натопленной печке. Уже без сознания.

Были и дорожные происшествия. От страха — от неожиданности — она часто бросала руль, закрывала глаза, забывала о педалях — и отчаянно, громко молила: «Господи, спаси! Господи, помилуй!»

«Спасибо Тебе, Господи, за все эти спасения. Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости! На все воля Твоя, дай и мне ее исполнить — укажи к ней путь мой» — так думала она.

ИНТЕРВЬЮ С МАМОЙ

Уже было сделано Наташей несколько десятков интервью с разными видными деятелями — с «крутыми» экономистами, писателями, политиками — и в редакции обдумывали, какого бы следующего босса «взять за жабры». Вот тогда Старков неожиданно предложил Наташе сделать интервью с ее мамой: «Она вырастила пятерых детей, по твоим словам, добрая, умная. Разве не интересно, что думает сейчас старшее поколение о нынешней жизни?»

При очередном посещении мамы Наташа так и сяк подступалась к ней, боясь отказа из-за ее скромности. Говорила ей, что пишет на диктофон для себя, для детей. Мама задумчиво, но честно отвечала на ее вопросы и многие признания для дочери были неожиданными. Она приветствовала новый строй, так как надоело жить, ожидая разных репрессий, семья от них пострадала, надоело ощущать себя во всем виноватыми, радоваться всякой необходимости, добытой в очередях. Любой строй хорош, если он ценит человеческое достоинство, дает развиваться человеку, обеспечивает работой и зарплатой... Если он основан на справедливости, а власти не лишены совести.

В «АиФ» напечатали это интервью.

Старков гордился тем, что такая замечательная мысль пришла в его голову и что беседа с матерью — простой россиянкой, получилась сердечной, глубокой и принесла большую почту (правда, в этом недостатка у редакции не было).

Любимейшим делом у Старкова было чтение писем от подписчиков. В

письмах можно было встретить и высокую оценку его редакторского труда, и чудесные вопросы. Такие — захоти на спор! — век не придумаешь, они были с какой-то изюминкой, так что самим хотелось как можно скорее найти на них ответы. Именно отсюда начались редакционные спецвыпуски «Вопросы и ответы». У читателей было такое впечатление: газета знает все и что делается за рубежом, и что в Кремле, и что у них на кухне. Это был особый дар, когда каждая публикация создавалась и умом, и сердцем, и создавалась для любимых и дорогих людей.

В своих письмах люди исповедовались, жаловались, рассказывали смешные или грустные истории. Так что первое, с чего начинал шеф, — читал лучшие, выборочные письма. Он часто делал бесплатную подписку ветеранам, инвалидам, многодетным. Он не жалел для них денег. Действительно, добрым путем Бог правит.

НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

...«Боже мой, лучше бы у меня сломался телефон или я осталась бы ночевать в машине!» — думала потом Наталья. Но она оказалась дома и даже сняла трубку.

— Слушаю.

— К вам едет машина со срубом 6 на 6. Из Костромской области. По заказу Барина — специально для вас.

— Какой сруб?

— Для дачного дома.

— Но он мне не нужен! Я уже построила свой домик!

— Нам Барин сказал, что очень даже нужен. Торопил нас. Так что завтра с 12 до 15 дня ждите машину возле вокзала на вашей станции. Вот номер машины...

— Отбой дать можно?

— Никак нельзя. Машина еще вчера выехала. Сделайте так, чтобы шофер отдохнул хотя бы денечек.

Как недавно Наталья не верила своим глазам, так и сейчас не верила своим ушам.

Зачем ей какой-то другой сруб, если он уже есть и даже стоит? Что за шуточки «от Барина»?

Надо рассказать об этом интересном человеке. Николая Николаевича она перетянула из одной организации в редакцию. Он стал управляющим делами. И почему-то всегда хотел сделать Наталье полезное и приятное.

Например, заходит и говорит:

— Есть хорошие участки на Ярославке. Бросьте вы свои дали дальние и возьмите землю здесь. 23 км от Москвы! А у вас там — 85!

— Сколько соток?

— Шесть.

— Не хочу, не поеду.

— Старков, Зятьков, Угланов, Романенко — все хотят.

— Тогда я тем более не хочу. Здесь все дни вместе, и там на шести сотках прохода от своих не будет.

В другой раз. Приносит на подставке макет хорошенького домика.

— Можем заказать такой же для вас.

— Симпатичный. Из чего он?

— Из фанеры. Но толстой — 12 мм, а внутри утеплитель. Военные делают для Севера.

— Не знаю, кто так издевается над бедными северянами, но дом из фанеры мне не нужен.

— Старков, Зятьков — все берут. Неужели вы не закажете?

— Для дома есть два материала — дерево и кирпич. Другого не признаю. Не хочу жить в посылочном ящике. Даже разукрашенном.

Впоследствии она узнала (рассказали соседи), что сотрудники на шести сотках построили (и не сами, а отдел строительства — специально создали при редакции) это убожество. Торжество идиотизма... «Ящики» набухали от земной влаги, стены ходили ходуном, краска сползала с фанеры. Кто-то пытался обложить все это безобразие кирпичом, но становилось еще страшнее.

ПРЕЗЕНТ ОТ БАРИНОВА

И вот теперь этот «презент» от Баринова. Накануне строительных работ Наташа с ним советовалась, какой фундамент для глины лучше: ленточный или столбчатый? Тогда он толком ничего не ответил, но запомнил, что она будет строить дом. Почему не спросил, есть ли сруб?

Вечер испорчен. Наташа звонит Свете. Света после университета работала в разных печатных СМИ («Воздушный транспорт», «Деловой мир»), летала в командировки в дальние уголки СССР. Потом — неожиданно для всех, выдержала жутчайший отбор в состав отряда космонавтов. Там испытывали свое счастье женщины, но они не выдерживали — ни физически, ни психологически. А Света выдержала — и лютый холод, и жару, и всякие другие «издевательства» — типа центрифуги. Она в качестве журналиста вошла в отряд космонавтов, но не полетела в космос, потому что в тартары полетел СССР. Вся космическая программа была закрыта. Много с ней и Наташей пройдено всяких испытаний, но они остались верны своей дружбе.

Света говорит: «Поедем вместе, может, кому-то сбавим этот сруб. Не отчаивайся».

В полдень они приехали в указанное место и стали ждать ненужный им груз. С раннего утра Наташа уже обзвонила знакомых, но ни у кого не обнаружила желаний приобрести костромские бревна.

Телефон Баринова не отвечал, видимо, он был на своей фанерной даче. Пять руководителей «АиФа» польстились тогда на северный вариант. «Лучше бы этот сруб купили, — думала Наташа. — И чего Баринов себе его не заказал? А если бы они не дозвонились до меня, что делал бы водитель, которого мы

сейчас ждем?»

Появился МАЗ с указанными номерами. Водила юноша счастлив, что его ждут.

— Куда дальше?

— А дальше — бездорожье. Пройдет твой МАЗ через навозные топи?

— Ну вы шутите!

Они сознательно постояли с полчаса на станции (купили парню покушать) в тайной надежде, что кто-то из алчных дачников, увидев бревна, бросится к ним со словами: «Славянский шкаф» не продается?»

Но «шкафом» никто не заинтересовался, и пришлось двигаться в сторону поляны. «Как мы перебросим бревна через низину, где тонул КамАЗ с первым срубом? Куда мне их, солить, что ли?» — думала озадаченная Наталья.

Она опускает все подробности. Нет сил описывать уже раз описанное... В грязи по ось стоит костромской МАЗ, женщины упорно ищут и находят трактор с большим краном, и он сам перевозит бревна на участок. Часа через четыре на Наташиных сотках гора бревен, водитель отдыхает от трудов праведных (у деревенской старушки), и рядом с ее домиком стоит грязный, но пустой МАЗ.

Они возвращаются в столицу. Наташа думает: «Почему именно на меня все это свалилось?! Первый — от мамы — сруб еле вытащили на поляну, и этот — ненужный — от Баринова? Правду говорят, заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет! Почему Баринов меня не предупредил? Как все-таки хорошо, что у меня есть такая добрая подруга! Как тяжело одной разруливать эти дурацкие ситуации!»

«СЮРПРИЗ»

...В понедельник утром Наташа находит Баринова. Он, увидев ее, очень обрадовался и, чувствуется, приготовился принимать ее бурную благодарность.

— Николай Николаевич, признайтесь честно, зачем вы это сделали? — со слезой в голосе спрашивает Наталья.

— Я так хотел вам помочь! Мне как-то неловко, что нам всем (мужикам) строит дачи ОКС, и мы приезжаем туда только наблюдать, у нас «руки в брюки», а вы, трудолюбивая женщина с двумя детьми, крутитесь одна. Я решил сделать вам сюрприз!

После этих слов Наташе совсем не захотелось его бранить.

— Чего же заранее (до выезда сруба из Костромы) не предупредили меня?

— Так сюрприз же!

— А если бы меня дома не было... — она все пыталась отыскать логику в его словах.

— Ну что ж, приехал бы к редакции. А потом уже с вами туда, — гордо отвечал Баринов.

— Но у него же нет пропуска в город.

— Ой, об этом я не подумал!

— Как вы рассчитывались с лесничеством?

— Они скоро счет пришлют, тогда вы заплатите в нашу бухгалтерию. Все продумано!

— Ладно. Спасибо! — (а что еще скажешь этому прекрасному человеку, которого любила вся редакция), — произнесла она и повернулась на выход.

— А как вам крыша?

— Какая крыша?

— Там должны быть листы железного шифера.

«Это была крыша?» — подумала она. Они видели проржавевшие листы и без комментариев поняли, что они просто прикрывали от дождя бревно сруба. Оказывается, сруб был с крышей!

— Кто ее выбирал?

— Наши. (Называет имя снабженца.)

— А он когда-нибудь видел, как выглядят крыши?

— Ну, наверное...

«Вот так страна и живет, как мы строимся. И поделом нам. И мне, авантюристке. Дачной» — думала про себя Наталья..

Через неделю сообщили, сколько стоит ее сруб с крышей. Лучше бы молча вычитали, чтобы не травмировать ее сердце и разум. Тринадцать венцов (это пятьдесят два бревна) стоили столько, сколько ее уже собранный сруб с крышей. По своей всегдашней привычке она разделила эту сумму на 52 (бревна), и получилось, что каждое бревно спокойно могло ехать на отдельном месте в плацкартном вагоне, да еще на чистой постельке и под одеялом!

А крыша стоила как самая современная, модная и новая.

Вот что делается, господа.

ГДЕ СРУБ?

...К концу недели приносит Наташе (она уже зам. главного редактора) на подпись бумаги сотрудник, который занимался дачной дорогой (вернее, пока геодезией).

— Как там мой дом? — спрашивает она его.

— Стоит, хозяйку ждет.

— А бревна, не раскрылись ветром?

— Никаких бревен нет.

— Вы что? Рядом с домом — гора бревен. Неужели не увидели?

— Говорю вам: нет никаких бревен. Я хотел перекусить, присесть. Подошел к вашему дому, а там — ни крылечка, ни пенька. Иначе бы я на бревнышках пообедал!

...В субботу утром с детьми поехала на поляну. «Бревна будут на месте — некуда им деться», — убеждала она себя.

Но они все-таки куда-то делись. Только кора да ржавая крыша. Даже воры на нее не покусились.

Написала заявление в милицию. Приехал наряд. Стали изучать

обстановку. Обнаружили след от бревен — трактор тащил их волоком. Пошли по следу. Дошли до деревенского дома и там в зарослях крапивы обнаружили деревянных страдальцев.

Отца и сына посадили в кутузку, а Наталье сказали: «Забирайте свои бревна».

И вот волоком через лес, между берез на тракторе «Беларусь» тащатся обратно эти бревна, потом укладывают их, «маскируют» еловыми ветками.

Проделав эту работу, стали на керосинке варить картошку. И тут к ним из леса подошли двое — мужчина и женщина.

— Это вы такая-то (называют имярек Наталья)?

— Да.

— Заберите свое заявление в милицию! Это наши родственники. Они украли по пьянке. К тому же бревна свои вы нашли.

— А если бы не нашла? Все, считай, пропало бы? А что по пьянке — ничуть не лучше. И не легче. Лечите своих родственников. Заявление не заберу, — твердо сказала Наталья.

— Дак мы теперь знаем, где ваш дом. Берегитесь!

— Я тоже знаю, где ваш дом. И вы берегитесь. Вдвойне, — жестко ответила она. — Хотя бы стыд поимели приходиться сюда.

...Но ее дачная эпопея только начиналась.

ТРАНШЕЯ ПОД КУХНЮ

Бревна лежали возле домика. Ах, если бы это были доски, как они требовались, чтобы обшить домик, сделать к нему веранду! Но вместо этого — груда бревен... Если украдут хотя бы парочку — сруба не будет... Что делать?

И она решилась. Отчасти это входило в ее планы, но не так скоро. Нужна отдельная летняя кухня. В домике спим — здесь чистота и покой, а в другом помещении готовим еду, гремим кастрюлями и тарелками, весело переговариваемся.

Решено — надо делать! На бумаге Наталья нарисовала план домика, и вместе с сыном сами стали копать траншею под фундамент, предназначенный для этого нового сруба. Пусть здесь будет кухня со столовой, а рядом внутри сруба еще и маленькая банька. Это мечта каждого русского человека. Если уж собственный дом, то как же без бани (мурашки по телу ползут в тот миг, когда ты заходишь в горячую парилку). Считается, что в баню нельзя ходить только тому, кто до нее не в состоянии доползти...

Словом, как могут, так и копают. До этого сделали разметки бечевкой, наточили лопаты. Потом стали собирать бут — камни, кирпичи, металлолом.

В этой кухне-бане все равно придется класть печку. Так и пускай она послужит на всю катушку. Лицом ее станет очаг — плита, а задней частью она будет обогревать баню. Там в будущем сделают полки, душ и т.д.

Пока они все это мудрили, копали и выкопали приехал сосед Саша Мещерский. Увидев бревна, озарился желанием тоже построить дом. Но из

чего? «Отдай мне их», — предложил он Наташе.

Господи, да с большой радостью! Желательно было бы знать об этом раньше, пока не выкопали траншею. Но учитывая, что была она неглубокой, 60 см, а шириной 40 см, не большая проблема. Когда Мещерский увидел наши «канавки» и узнал, что они под фундамент и даже под будущую канализацию, он с большим уважением посмотрел на свою коллегу. А потом на все вокруг. Электричества нет, воды нет, строителей нет, денег нет, а она, видишь ли, замышляет еще и какую-то там канализацию! Более того, она уже и трубы с углами-переходниками купила, чтобы уложить их в землю — под дом. С ума сойти, что за люди рядом! Но Наташа, опасаясь, что бревна снова украдут, с радостью уступила ему этот неожиданный сруб. Саша забрал бревна, нашел местных пьянчуг, которые взялись за дело.

«КРЫША НЕ ТЕЧЕТ»

Шеф Наташе на словах сострадал, но с другой стороны, возможно, и радовался. Он ведь с самого начала говорил ей:

— Дача — это глупо. Крыша всегда течет, печка всегда дымит, а в доме всегда мебель-развалюха и щербатые чашки.

Она ему отвечала:

— Крыша не течет, печка не дымит, симпатичная дачная мебель и красивые чашки.

Когда ей все-таки удалось построить этот «мамин» домик, она его сфотографировала на закате, сквозь березы. Высокая острая крыша, балкончик, крылечко — все смотрелось очень мило. И это фото стало Наташиным «релаксом». Замучившись со своими бесчисленными рукописями и письмами, взглянет на домик — и душа радуется, даже ликует!

Однажды Старков, зайдя в ее кабинет, взглянул на фотографию и сразу отдернулся:

— Лучше бы мне не показывала!

Заревновал, думает. Тем не менее он спрашивал, как идут дела и все время присовокуплял:

— Зря ты с этим делом связалась.

— Нет, не зря, — отвечала Наташа. — Там простор, воля, воздух, терапия...

Удивленно смотрит на ее.

— Вот вы привозите из разных стран свои красивые вазы. Стоят на полке, как солдатики. Никто не поймет, что они красивые. И квартира забита вещами, никакого воздуха, простора... А тут берешь машину песка, машину цемента, смешиваешь их с водой, и у тебя растет дом! Отвоевываешь его, так сказать, у окружающей среды, да что там — у воздуха! Ну и ставишь туда свои... вазы!

Его поэтическая натура плохо воспринимала такие пошлые слова, как цемент, песок, траншея, фундамент...

— Сколько стоит одна ваза? — продолжала она. — Двадцать долларов? Это 300 штук кирпича, уже часть стены. Вторая ваша ваза — еще часть. И так

далее. Представляете, одна полка ваших ваз — это стена дома!

Видимо, ей удалось найти какой-то образный прием, потому что потом он десятки раз повторял другим ее слова: «Берешь машину песка плюс машину цемента», ищешь место на природе и через какое-то время у тебя вырастает дом». Однажды вечером он сказал Наташе: «Поехали ко мне на дачу. Хочу, чтобы ты посмотрела на нее».

Наталья отпиралась, дома дети, ждут, надеются, что мама вот-вот приедет... Но Старков был неумолим: «Поехали и все тут!»

Они приехали. Большая старая его дача «жила» в шикарном Переделкине среди темных елей. Это была дача тестя. Толстенные бревна были привезены из Беловежской Пущи по указанию самого Сталина, который наградил и землей и домом начальника ГПУ страны, а это как раз и был старковский тесть.

Шеф водил Наташу по узким темным коридорам, показывал неудобные комнаты и запущенные санузелы. Она сразу поняла: этот дом был нелюбим хозяевами. Все основательно запущено.

— Ну как? — спросил он, явно ожидая, что Наташа окажется в восторге от огромного строения и такой же территории. Но женщина была лаконична:

— Это просто ужас. Это — не дача.

Он еще раз с интересом посмотрел на нее:

— А ее все хвалят. Андрей Вознесенский к нам приходит, да и другие наши знакомые.

— Лицемерят, говорят то, что вы ожидаете.

Старков был озадачен: вроде «девушка» из провинции, слаще морковки ничего не ела — так говорили в то время о провинциалах, но почему она не в восторге? Разве она видела что-то стоящее?

БЕЛЫЙ ДОМ ПОД РАССТРЕЛОМ

«Занимайтесь политикой, а то политика займется вами» — сказал мудрец, но мы его не услышали. Предоставили все вершить верхам. А те обнаглели. Ельцин, например, из-за того, что ему не нравились решения депутатов и их поведение по отношению к нему, в 1993 году стал расстреливать парламент, заседавший в Белом доме; парламент, законно избранный, имеющий право предлагать, изменять какие-то там законы... Но права в России нет ни у кого, кроме первого человека в списке власти. Какая демократия? Какая Конституция? Феодализм — честное имя этому строю.

Почти все дружно приветствовали это решение о расстреле. Как шоу смотрели они по ТВ все перипетии этого страшного дела и радовались. Чему? Что наши власти колошматят друг друга? Что «ветки» этой власти не могут найти общего языка? Но если не могут сжиться друг с другом, то что хорошего они способны сотворить для народа?

Наташа не могла взять в толк: куда делся разум людей? Во время совместного просмотра ТВ-репортажей она сказала своим коллегам, что это позор. «И мы долго будем «купаться» в нем, если не выступим в газете против

этой нелепой войны. Как президента народ выбирал, так и парламент — так что ж теперь плевать на волю народа? Разве не обязаны мы ее отстоять?»

И снова коллеги набросились на нее: «Этого Хасбулатова ты решила защищать? Или Руцкого? Да расстрелять их мало!»

Почему? Только потому, что этого хочет президент? А если он еще чего захочет, то мы сразу: «Чего изволите? Все сделаем!»

Как сильно рабской психологией мы портим свою жизнь. «Не сотвори себе кумира» — четко сказано в заповедях. Но как же без идола, без хозяина, без плетки? Кому ноги лизать будем, а потом и то, что повыше? Как были крепостными, так и остались. Редко-редко где встретишь самостоятельность мыслей и действий, глубокие суждения, мудрые оценки. И то — вовсе не обязательно, что среди доблестной интеллигенции. Те чаще предпочитают делать вид, что они свободные (рабы) и «все в порядке, все под контролем». Много лицемерия (или лицедейства) у творческой «прослойки», которая «мечется» между бизнесом и властью.

ЗАВИСТЬ КОНКУРЕНТОВ

На рынке СМИ тогда появилось много новых изданий: «Общая газета», «Коммерсантъ», «Новая», «Мир новостей»... Естественно, у них была иная аудитория и иная концепция. Они ориентировались сугубо на интеллигенцию, на предпринимателей или на «белые воротнички». Тиражи там были незначительные: но апломб — хоть отбавляй.

Эти новые редакторы, чтобы поднять свой статус, вдалбливали Старкову: «Сейчас не модно иметь такие тиражи. Посмотрите на мировые СМИ — ни у кого нет миллионов читателей. А уж подписка — вообще рудимент. Все живут на рознице: что захотел утром, то и купил в киоске. А ваша годовая подписка — какая дикость!»

И кто бы подумал, что шеф станет завидовать этим изданиям! Они ближе к столице, к элите, не то, что мы — «все пишем для тетя Мань да для дядь Вань». Он стал немного стыдиться своей простецкой аудитории.

Когда уходили эти столичные мэтры, вкусно пообедав за столом с шефом, Наталья ему говорила:

— Они завидуют! Страшно завидуют! Годовая подписка для СМИ — это удача, стабильность. Мы заранее получаем деньги — на год вперед, мы почти поименно можем знать своих читателей (виртуально, конечно). Большие тиражи — это большое доверие и большое влияние. Гоните в шею тех, кто будет вам пудрить мозги, что все это плохо, плохо!

— Знаешь, я слушаю Чубайса, Гайдара и не понимаю, о чем они говорят. Тебя — понимаю, а их — нет. Такие сложные слова, видно, они на самом деле знают такое, чего мы все не знаем. Это так необычно! Нет, точно, они — гении.

— Сволочи они, а не гении. А их непонятные слова — это цыганщина, чтобы легче обобратить нас, дураков.

— Но тебе же самой лучше, что в магазинах можно купить все, чего душа

пожелает.

— Да, нравится, кто спорит! Но шок-то народу зачем? Разве нельзя было его подучить, как жить по-новому, да продержаться лет пять на двух режимах. Одни люди работают на госпредприятиях, где все гарантировано, на среднем уровне, а другие, активные, неутомимые — на частных предприятиях. Дать поддержку начинающим «частникам». Сделать все «по-людски», со страховкой. Это же наш народ! Он верит всем этим МММ, «хопрам» и «властелинам». Если каждые пять минут из телевизора льются эти призывы-рекламы, как он, народ, может допустить, что это мошенничество? Чему, кому тогда верить? Выходит, для ТВ деньги за рекламу дороже, чем свой народ?! И большим начальникам ради тридцати серебряников легко предать всех граждан нашей страны? Тогда зачем вы — мы — здесь? Кто как не СМИ поставит заслон этим ублюдкам? Достаточно иметь больше одной извилины в мозгу, чтобы понять, к чему это приведет и что за этим последует. Неужели мы все Иуды? Шеф был не согласен с Натальей.

«БЕЗ РЕГУШИ»

Еще до этих событий Наташу стали приглашать на ТВ-передачу «Без регуши». На ней журналисты могли спрашивать гостя о чем угодно. Это был прямой эфир, диалоги никем не редактировались, как и вопросы. Ее приглашали на каждую передачу, чтобы «задать жару» чиновникам. Там было много удачных моментов, когда ее вопросы «поражали цель», как писали в редакцию зрители. Но и этот успех пришелся не по вкусу нашему «депутатскому пулу».

Среди разных приглашенных персон были и Гайдар (главный реформатор), и Александр Николаевич Яковлев (член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по идеологическим вопросам и в то же время «зачинщик» перестройки) и много других известных людей..

Зрители ТВ долго помнили, как на передаче она спросила у Александра Яковлева, когда он был более искренним: когда служил компартии или когда разрушал ее?

Потом он долго пенял Старкову за ее вопрос.

А у Гайдара, ввергшего страну в пучину диких цен, тогда спросили, сколько сейчас стоит упаковка ваты (показали, какая). Он, разумеется, понятия не имел, а ведь это был один из самых потребляемых женщинами товаров! Этот вопрос задал один из журналистов, но все почему-то приписали его Наташе. Вопрос был прекрасный, конечно, немного интимный, поэтому она не стала бы его произносить, чтобы потом люди не шутили, что ей не хватает ваты... А Гайдар в ответ нес чертовщину. Потом и он мстил Наташе за эту вату. В его окружении решили, что это была ее провокация.

Ах, как ей хотелось сделать с ним большое и разгромное интервью! Сколько раз ему предлагала, но он ни в какую! Знал, что правота будет на стороне журналистки, даже шефа просили «утомонить» ее.

Конечно, Наташе везло потому, что она ничего не боялась. Как жена насквозь видит своего мужа и легко может отличить, где он врет, а где говорит правду, так и она своим нутром чувствовала этих людей. Честные, открытые не боялись даже самых острых ее вопросов, тем более они касались не их частной интимной жизни (как это происходит ныне сплошь и рядом), а носили принципиальный для страны характер: если ты у власти, то что доброго и полезного делаешь для народа? А если не делаешь — то почему? Вот краткая суть ее отношений с политиками, экономистами, или писателями.

Редакторы «Ретуши» ее постоянно и настойчиво звали на свои передачи, но она не всегда могла пойти из-за дежурства по номеру или срочного материала в газету. Потом знакомые пеняли ей: «Эх, ты, подвела команду, не «завела» ее как следует! Чего не пошла на передачу?»

Но есть же место, где тебе платят зарплату, от него же не уйдешь!

ГЕНИИ РАЗВАЛА

Раньше — до депутатства — Старков сам был в тени и никто не осмеливался ему звонить, просить опубликовать (или наоборот не публиковать) какой-то политический материал. Находясь в таком «закулисье», он сам (своим, а не чужим) сердцем и умом делал отбор материалов для газеты. Ориентир был на такие «параметры», как совесть, справедливость, народные интересы. После избрания его депутатом эти ориентиры понемногу сдвигались. Он уже был со всеми знаком, обласкан, каждому люб и приятен: за ним стояло многомиллионное издание. Ему звонили, просили поставить то один материал, то другой, которые до сей поры вообще не попали бы на полосы «АиФа». Теперь многое в редакционной идеологии диктовали депутатская тусовка и «политическая целесообразность». «Музыку» в газете стали заказывать циничные, жадные до денег, славы люди власти.

Почему же Старков стал сдавать свои прочные позиции? — Наташа считала, что он подпал под «обаяние момента». «Они вот сейчас строят новую Россию, а при постройке всякое бывает, «щепки летят». Главное — теперь все зависит от нас, мы (депутаты) — элита страны.

Теперь никакие горбачевы, лигачевы, медведевы не будут диктовать нам, что ставить, а что нет. Мы теперь сами с усами!» Но он не заметил, как исподволь другие стали ему дружески советовать, подталкивать, намекать, что поставить в номер, а что — ни в коем случае. Поскольку он уже привык (во времена КПСС) к подобным подчинениям, то и здесь не сразу заметил подмену одних указующих на других.

Может быть, и заметил (это был умный человек!), но решил подыграть им. Во всяком случае, вся шушера, которая роем вилась вокруг полупьяного Ельцина, вылезла на наших страницах. Было горько, временами — противно.

ВСЕ ВКАЛЫВАЕМ НА ЗЕМЛЕ

Когда дети подросли, они стали помогать маме на даче. Она в течение недели записывала перечень необходимых дел. С этим списком знакомила ребят и против каждой работы они ставили свое имя. Например, вывозить мусор будет «С» (Саша), красить забор «Д» (Даша), сажать кустарники «Н» (то есть мама), и далее все повторялось. (Несколько лет назад Наташа увидела стопку этих листков, она была высотой см 30!). Потом каждый из детей бежал к листку и радостно вычеркивал то, что он сделал. Когда для работы требовалась покупка какого-то инструмента, краски, гвоздей и т.д., то это фигурировало в графе «купить». Образцы, размеры, рулетка — все всегда находилось в машине, чтобы не надо было фантазировать, а потом обменивать товар. Такой подход очень сильно продвигал дачные дела и сплачивал домашний коллектив.

Если работа была более серьезная, Наташа обещала детям какую-то оплату для стимуляции и для финансовой поддержки. Например, в одни выходные выпало два дела — покрасить декоративный забор (сумма «х» за работу) и покрыть пол лаком (2«х»). Сказала — выбирайте, если вам это по плечу.

Пока Даша советовалась со своей подружкой, что им выбрать, Саша уже тащил тазик для лака и просил маму контролировать его работу — он перехватил более выгодный заказ.

Дел было много, и они касались и внешнего вида нашего домика, и зеленых насаждений и внутреннего убранства... Наташа старалась, чтобы все эти работы шли параллельно. Ребята, конечно, уставали, но это им было хорошей трудовой прививкой.

В тот период она точно одержимая строила свою дачу. Вспоминала дивную Скарлетт О'Хара из знаменитой книги Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» с ее родовой тягой к земле и понимала, что женщины всегда будут хотеть жить на земле — она ведь их кормилица, как и они сами кормилицы своей семьи.

Наташе так хотелось на волю, на чистый воздух, ближе к земле и к солнцу одновременно. Она уставала на работе, и поменять плохую энергетику на хорошую могла только природа. Не раз замечала, что одни люди свою энергию черпают в искусстве, другие — забирают у окружающих их людей, а она «питалась» от природы. Та была ее спасительницей. Но сколько она на этой стройке всего перетерпела — словами не передать!!!

СЛОМАННЫЙ КЛЮЧ

У Наташи был поклонник, умный и хороший человек. Она верила в это святое чувство — дружбу — и благодарила Господа за то, что даровал ей много друзей на всех путях жизни.

Перед стройкой для подкрепления своей решимости она у него спросила: «Поможешь ли ты мне?» И он твердо ответил: «Да, конечно!», что прибавило отважной женщине моральных сил перед незнакомым делом. Однако очень

скоро он отвернулся от нее. Трижды, как святой Петр. Правда, ей не хочется вспоминать печальное — его отступления от обещания.

В октябре Наташа собралась на выходные на дачу. С детьми. По дороге купила кусты смородины. С ней напросился и этот господин хороший. Наташа обрадовалась, так как надеялась на месте посоветоваться с ним по строительным делам. Хоть он и не одобрял ее, но в этих проблемах все-таки разобрался.

Заехали по дороге и в строительный магазин. Полки пустые, но щенки от сторожевой собаки в изобилии. Продавец предлагает взять одного, еще лучше — парочку. Добрый товарищ с удовольствием выбрал щенка и берет с собою.

Оставили машину в деревне, на поляну — пешком. Быстро стемнело. Решили заночевать в домике, хотя в нем было холодно. Для большего порядка Наташа давай мыть холодной водой из лужи затоптанный глиной пол, топить камин, на керосинке варить макароны с сосисками...

Дом холодный, щенок визжит, молока и свою мамку просит, дети сжались в теплый угол. На улице моросит противный дождик, свету нет, одеяла стали сушить у камина, а от них — густой пар. Конечно, экзотика, особенно если знаешь, что завтра вернешься в уютное тепло московской квартиры.

Спали все во всем верхнем, только обувь сняли. Замерзли — ужас!

Наутро смотрят — вся природа в инее, выпал снег. Недоеденные макароны примерзли к кастрюле, вода превратилась в лед. Щенок жалобно визжит... А кусты смородины так и не посажены. Дети просятся в машину — там от печки теплее. Дает им ключ, они убегают в деревню. Уезжать нельзя — надо посадить растения. Достает лопату, высчитывает, где будет проходить будущий забор, чтобы возле него посадить кусты.

Лопатой — еле-еле удается вскопать замерзшую глину. Ямочки получаются маленькие, как цветочные горшки. Ни чернозема, ни удобрений — ничего нет. Наташа запикивает туда саженцы и сама понимает, что обрекает их на муку. Но куда их деть? Всюду замерзнут. Пока занимается таким ущербным «садоводством», прибегают дети и сообщают, что ключ от дверей машины сломался. Сами, как суслики, дрожат от холода. Что же делать?

Пошла в деревню искать кого-нибудь, кто вскрыет ее машину. Нашла молодого человека, который ковырялся в каких-то железках во дворе своего домика. Повела его к машине, а у самой двойственное чувство. Одна его часть хочет, чтобы он открыл дверь (как же иначе они уедут?), вторая — чтобы дверцы «не поддались», так как оставленная в деревне машина в будущем может быть таким же макаронным вскрыта и угнана. И без того одна ее машина досталась другим людям. На всех не напасешься.

Снег валит хлопьями. Надо уезжать.

Изрядно повозившись, машину «распечатали». Притихшие дети греются. Им сейчас даже не до еды. Наташа просит своего напарника примириться с неизбежностью, но вернуть щенка его маме — в магазин. Товарищ бурно сопротивляется, но они все-таки едут в строймаг. На дороге творится кошмар. Машины у многих на летней резине, сталкиваются, и вдобавок повалил такой обильный снег.

Отдают с извинениями щенка и еле-еле ползут в Москву. Обочины заставлены машинами, там и тут полосы заняты «тюкнувшимися» авто. Видимость нулевая. Четыре часа они добирались до дому!

И после этого товарищ опять сказал Наташе: «Бросай стройку! Забудь о ней, как о страшном сне! Тебе там никогда не построиться, одна мука будет...»

Наташа его понимала, но обратного ходу уже не было. В самом деле, не бросать же все свои труды и деньги на этой поляне! Нет, будет тянуть свою лямку и дальше. Она же не одна: с ней мама, дети и главное — Господь Бог, который никогда не покинет тех, кто на Него уповает! А она только это и делала...

Самое удивительное из этого путешествия: кусты смородины прижились и выросли на славу! До сих пор они радуют их своим урожаем. Ни один куст потом — из других посадок — не был таким сильным и стойким, как эти — экстремальные.

В то время строительство дома или дачи было настоящим подвигом. Его «питал» один сплошной энтузиазм. Почему Наташа была такой фанаткой дачи? — Понять можно: плодородная земля, свежий воздух, простор, красота весны, лета, осени... Какое-то гармоничное слияние с природой.

Мечтой была постройка не палат каменных, а маленького красивого домика на поляне в лесу. Все вроде совпадает — лес есть, поляна есть, но нет времени, сил. Одна с детьми и со своим неумным желанием, питаемым той бесподобной картиной, как рано утром выходит она на деревянное крыльцо, ступает по его утренней прохладе босыми ногами, чувствует его живое тепло; шершавость досок немного щекочет ступни, но дает чувственное удовольствие... Вот так можно встречать восход нежного солнышка, идти по росной траве, влага, настоянная ночью на аромате трав, обмывает усталую кожу ног, охлаждает их и вливает во все человеческое существо свою благодатную живительную силу.

И как она в тот момент благодарит, за все благодарит Бога! Слова сами рвутся из груди и слезы радости и счастья готовы вот-вот легко хлынуть наружу. «Боже, как ты щедр к нам! Как все мудро-разумно-красиво Тобою придумано!!! Спасибо Тебе за Солнце, за Луну, за Звезды, за Небо, за Землю, за Растения, за Воду, за Ветер, за Радугу, за Ливень, за Гром и даже за Ураган. Спасибо Тебе за моря-океаны, реки и озера, за степь и тайгу, за прерии и пустыни, за горы и впадины! Спасибо Тебе за нас — грешных и ленивых, а также за добрых и искренних. Слава Тебе за птиц и за животных, за скорбь и радость. Слава Тебе за все!!!»

ЯЗВА И ЧЕЧНЯ

В декабре 1994 года Наташу скрутила странная боль в области желудка. Еле доползла до городской поликлиники, к которой была прикреплена их редакция. Главврач увидел Наташу в коридоре на стуле, отвел к хирургу. Хирург поизучал больную и объявил, что это язва, надо срочно лечь на

операционный стол. Не допускается никакого промедления, иначе язва станет прободной. А как же дети? А работа?— А вот так! Заболела — в больницу! Раздала подопечным срочные задания и села в машину.

«Давай заедем в храм, Саня», — попросила водителя.

Он уже знал ближайший храм, куда они часто наведывались. Наташа, полусогнутая, постояла у иконы Божьей Матери, Святого Пантелеймона Целителя, попросила их помощи при операции. Просила — взмолившись! — и Господа Бога.

Хирург 1-й Градской больницы, куда ее направили из поликлиники, сказал, что они уже готовы к операции, но нужны анализы. Предложил: сейчас мы все сделаем, а вы пока отдохните. Наташа легла на кровать и провалилась в глубокий сон.

Наутро хирург, посмотрев анализы, сообщил, что пока спешить с операцией они не будут. «Последим за вами, если что не так — сразу на стол. Операция не убежит...» Наташу такое положение очень устроило. Позвонила милая, добрая Томочка, секретарша главного редактора.

— Как ты? Что привезти?

— Ничего не надо, все есть. Какие новости?

— Начинается война в Чечне. Что же это будет?.. — беспокоилась ее ранимая душа.

Как война? Какая? Разве это возможно? Наташа нашла бумагу и стала писать о том, насколько неправильно, опрометчиво открывать военные действия по отношению к Чечне.

Суть статьи такая: «Не может общее (Россия) воевать со своей частью (Чечней). Если мы считаем Чечню Россией, то как можем с ней воевать? Это все равно что открывать боевые действия с... сестрой. Или братом. А если это и не брат и не сестра, а чужие люди, то тем более мы не можем, это уже будет вопрос международной юрисдикции. А если так, то Чечня уже априори не наша (тогда давайте это и признаем).

Если она хочет уйти от России, то самый глупый путь удерживать, избив ее. (Как муж ненавистную жену: «Я тебя ненавижу, не люблю, не уважаю, я буду бить тебя, но на свободу тебя не отпущу. Ты все равно моя!») Происходит нарушение элементарной логики. Россия, ты хочешь, чтобы Чечня осталась? Ну уважай же ее! Сделай, чтобы ей не хотелось уходить от тебя! Докажи свое равноправное отношение!

Так нет же, мы сначала навязываем им своего президента, вооружаем его с головы до пят, а потом с ним же и боремся. Честное слово, более идиотского положения и представить трудно: «Россия — это диагноз». Наташа призывала: «Давайте опомнимся, пока не пролилась первая кровь. После нее — никто не найдет ни правых, ни виноватых. Месть захлестнет обе стороны. Мы все окажемся заложниками друг друга». Вот что было сутью ее материала.

Это было как белый платок в руках матери, когда ссорятся родные люди. Взмах платка означал прекращение ссоры. В кавказских традициях это было спасением от неминуемой резни за любое оскорбление или мщение. Стоп, кадр! Ни шагу вперед! Всем замереть и все осмыслить! Так течет себе жизнь и течет

до тех пор, пока не произойдет что-то роковое. Тогда люди говорят: «Это было до того или после того». Такой рубеж делил их жизнь на две части. Многие мечтали, чтобы не было этой границы, многое дали бы, чтобы вернуть все обратно и «переиграть ситуацию».

...Отдала статью в редакцию. Но там были совершенно иные настроения: «Ох как мы сейчас набьем чеченцам морду! Мы быстро выиграем эту малую "войнушку"!» Никакие голоса, призывающие к мирному решению конфликта, не были услышаны. И материал Наташин — жаркий, разумный (она считает, самый лучший из всех) — не был напечатан. Было горько, что даже демократическое СМИ не дает слова людям с другими умозрениями. А там может быть много «золотых зерен»! Все последующие события показали ее правоту. Хочешь жить в мире — мирно живи с соседом.

...Болезнь лечили терапевтическими методами и, пролежав две недели в больнице, выздоровевшая Наташа вышла на волю. Все удивились, что дело обошлось без операции. А Наташа точно знала — помогли Богородица и Святой Пантелеймон. Слава им, и Тебе, добрый наш Пастырь — Господи!

КАК РАСШИФРОВАТЬ ЭТИ СНЫ?

Точно не известно, что такое вещие сны, но Наташе кажется, несколько таких у нее было.

Наташа видит себя под водой — мутной, зеленоватой, глубина — ужасная, считай бездна. Рядом какая-то заросшая водяным мхом «щевелящаяся» от движения воды лестница, кругом — люди, с десятков, и они как-то движутся — одни вверх, другие — вниз, в черную бесконечную глубину. Наташа двигается, как под действием магнита, вниз, хотя пытается ухватиться за скользкую и противную лестницу.

Еще один сон ей снился часто — не меньше десятка раз, после него она просыпалась в холодном поту. Суть его. Подростком она одна ночует в каком-то загородном небольшом доме, в две комнатки, несколько окон. Спит. Вдруг небо озаряется, и на нем появляется странный светящийся предмет, двигаясь от горизонта и превращаясь из маленькой светящейся точки в объект неизвестного происхождения, названия, цели. Он похож в одном случае на летающий грузовик, в другом — на танк, в третьем — на этажерку (но ни разу — на «нынешний облик НЛО»).

Плывя по черному небу, он приближается к ее дому, а еще с разных сторон к нему двигаются другие такие же диковинные предметы. Прямо над ее домом они вступают в бой. Эти светящиеся объекты то опускаются до самой крыши, даже до окон (которые ничем не занавешены), то устремляются ввысь, чтобы там в ожесточенном бою (участников все прибавляется) кому-то остаться в победителях. С ужасом, присев на пол, девочка наблюдает за этой бойней, понимая, что сражение идет за нее, но не из добрых побуждений, а скорее всего, чтобы ее похитить. Ей очень-очень страшно, некуда спрятаться, так как, отбившись от неприятеля, каждый объект норовит подлететь к окну и

высмотреть ее в освещенной его же огнями комнате. Даже днем она долго не могла отделаться от ночного кошмара.

Этот сон повторялся задолго до киношных «звездных войн». Кто были эти силы? Зачем им нужна была именно она, маленькая девочка?

САШКА ДЕРЗАЕТ!

Стройматериалов нигде нет, это уже стойкая ситуация, но неожиданно директор одного магазина в ответ на подаренные ему газеты «АиФа» со статьями Наташи предлагает ей 0,6 куба шестиметровой вагонки. Это уже великий блат. Она с радостью соглашается их приобрести. Но вагонка мокрая, тяжелая. На чем везти? — Не на чем. С ней был сын Саша. Решают с ним, что откладывать некуда, повезут сами на своем верном друге — «Москвиче». Это было рискованное мероприятие: все-таки легковушка — не грузовик.

Им помогли погрузить вагонку на багажник, кое-как скрепить, но доски с багажника опускалась вниз перед лобовым стеклом, закрывая обзор. Оставалась небольшая щель, как амбразура, и естественно, такое же экстремальное положение было и на заднем окне. Но двое «строителей коммунизма» все же отважно тронулись в путь. Скорость была минимальная, а проехать им предстояло 10 км. Загрузка скрипит, кряхтит, может проломить крышу машины и придавить ее с сыном, чтобы уже больше и не мучились со всякими стройками.

Но крыша пока терпит. Еле перевалили свой транспорт через два переезда и вот они уже вблизи леса, за которым — недостроенная дача. Встал вопрос: либо выгружаться на обочине дороги и потом нести доски через лес, либо... Это либо предложил Саша. «Мам, давай попробуем проехать через эту канаву. Все же гораздо ближе подъедем к участку. Давай, соглашайся».

Канавка была метра полтора глубиной и столько же шириной. Она заросла травой, но глина все же проглядывала... Искушение было велико: или мы будем часа два таскать эту мокрую вагонку, а так можем сократить и труд, и время. Но представить, как эта груженная машина сползает в канаву, как будет действовать ее центр тяжести, насколько хорошо укреплены доски — это все большой вопрос.

«Мам, ты боишься, я же все вижу. Давай я попробуй. Я знаю, как».

Он ее уговорил. Сел за руль и направил этот «танк» по кривой в канаву. Машина сама удивилась их наглости. Наташа просто чувствовала это кожей — они же со своей ласточкой дружили!!!

Остановить эксперимент уже было невозможно. И смотреть на это тоже. Наташа отвернулась, чтобы ее сердце не разорвалось от ее же безрассудства, и стала пламенно читать «Отче наш». Глаза не видят, но уши-то слышат! Машина гудит каким-то новым звуком, вроде как взывает к их разуму, но у Наташи нет сил повернуться и увидеть какую-то невозможную картину... Потом машина стала просто надрываться, жаловаться, напрягаться... А время идет, кажется уже полчаса длится эта глупая затея. Наташа подумала, а вдруг она на подъеме опрокинется? Что будет с сыном? Стала молиться уже в голос, но пока не

оборачивается....

И только когда звук машины стал невыносим, Наташа обернулась и увидела, что «Москвич» находится на середине подъема, но колеса содрали траву и тщетно скользят по мокрой глине. Доски тянут ее вниз, а мотор ну никак не справляется со всеми выпавшими ему трудностями.

«Сашечка, ну давай же, давай!!! Машинка моя, ну продержись еще немного, ну вцепись ты в эту глину, только не съезжай вниз!!! Господи, да помоги же мне, хоть я и невиданная дура! Ты же милостив ко всем! Прости меня за мою настырность, помоги!»

Господь услышал. Сашка как-то по особому вывернул колеса, они нашли клочок травы, ухватились за нее и стали ползти вверх. Еще, еще и еще по дециметру и наконец волей небесной машина с досками поднялась из канавы и медленно, устало поплыла по ржаному полю. Наташа кое-как преодолела канаву и побежала за ней. Боже, как она была счастлива, что Сашка живой, что он такой молодец и все прощает своей неумной матушке!

На поле машина была не видна, лишь доски плыли над колосьями, как по волнам. В лесу Саша ехал как мудрая черепаха. Выходил, пробовал почву, прикидывал расстояние между березами и проезжал малую часть пути. Потом снова вылезал... И все повторялось. До сих пор эту дорогу среди берез, которую никак нельзя назвать дорогой — только лабиринтом, они называют «Сашкина». Наконец-то мать с сыном выгрузили свое добро, грамотно положили его на просушку и уехали домой. Так «Москвич» впервые подъехал к их дачному домику.

Сыну в это время было всего тринадцать лет. А тружеником он был отменным. Утром часов в пять мать будила его: «Сынок, поехали!» Он натягивал джинсы, и через полчаса они уже были в дороге. Он нужен был Наташе как дополнительная сила, как помощник, партнер по стройке и как собеседник.

Много раз она также в пять утра выезжала в сторону стройки, в семь голосовала на дороге возле дачи — срочно нужны были песок, щебенка. Если останавливалась груженная машина и шофер соглашался продать свой груз, Наташа срочно ехала за трактором в соседнюю деревню — иначе машина не прошла бы — ни груженная, ни разгруженная.

Причем это уже был найденный ею другой заезд — с противоположного конца участка. По тому, первому, от деревни, где вязли со срубом, проехать стало совершенно невозможно.

Завершив эти операции, Наташа мчалась на работу — обратно те же два часа дороги. За квартал до редакции переодевалась в машине в служебный костюм и на работу являлась словно только что из дому... В один из вечеров шеф пригласил ее (заранее) в Большой театр на концерт Монсеррат Кабалье. Перед концертом Наташа переделась в нарядное платье, а в театре... уснула! И проснулась только тогда, когда грянули бурные аплодисменты. Тоже стала хлопать. Хорошо, что места были разные: Старков с супругой сидели в другом ряду и не видели ее позора.

Такая же картина была и с фильмом Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Все

его уже посмотрели и бурно обсуждали, а Наталье все нет времени. Наконец и она купила билеты, сказала, что идет все-таки посмотреть этот фильм, все обрадованно вздохнули — будет с кем поспорить о сценарии, игре актеров, но на сеансе Наташа так же благополучно уснула. На следующий день коллеги спрашивают ее мнение, а она молчит, говорит, что фильм не видела. «Ну как же не видела, если и билеты были и в кино пошла?!» Через неделю дала себе слово все-таки посмотреть этот удивительный фильм. И снова уснула. Ну что тут будешь делать? Организм сам защищался от усталости.

АРКАНЗАС, САЛО, ЖУРНАЛИСТ

Вскоре Наталье подвалила нечаянная радость: поездка с группой других специалистов в США, в штат Канзас. Там фонд Джеймса Форда проводил двухнедельный семинар по сельскому хозяйству и по экономике регионов. Информация должна была быть интересной, так как главное в ней заключалось в удачном сочетании планового хозяйствования при поддержке государства и частного — тоже при его же поддержке. Результат получался впечатляющим. А Россию-то чему американцы учили? Бросьте все на самотек, кто выплывет — тот чемпион, а кто потонет — неудачник, лузер. Туда ему и дорога! Их советы разрушали российскую экономику, а свою они лелеяли. Все это было в начале 90-х годов

В группе, направляющейся в Штаты, было человек сорок из разных мест России, и жить они должны были в домах местного населения — для лучшего обогащения американским опытом.

Наташа попала в семью Тамерлана и Каролины. Он — профессор русского языка Арканзасского университета, она — врач-гематолог. Он — маленький, не из красавцев. По национальности осетин, после плена во время войны он не стал возвращаться на родину из-за боязни быть арестованным и «сгинуть» на каторге. Ужас его перед арестом был настолько силен, что он и в демократическое время не допускал для себя возможности навестить родину. Каролина — полная, спокойная, симпатичная. Две их дочери учились в институтах Филадельфии. Сознательно подальше от дома, для приобретения самостоятельности.

Тамерлан и Каролина имели свой двухэтажный домик. На вид он был скромный, как и большинство таких же строений. Считай, что наш барак, обитый темно-коричневым сайдингом. Стоял он на пригорке в ряду таких же домиков. Внизу был гараж на две машины (они оба ездили на «японках»). Там же была прачечная и кладовка. По лесенке поднимались вверх — в коридорчик. Вверху были спальни (одна хозяйская и две — для дочерей), большая кухня и столовая-гостиная. Общая площадь примерно 130 м².

Внутри дом был гораздо привлекательнее и уютнее, чем снаружи.

Спаленка (метров десять), выделенная для Наташи, состояла из красивой кровати, комодика, зеркала и встроенного шкафчика. Как-то раз она обронила сережку, стала ее искать и приподняла край постельного покрывала. Увидела,

что кровать сделана из таких же труб, какие используются на советских раскладушках, но сверху лежит хороший матрац, на нем — красивое покрывало и все выглядит приятно и симпатично. На цементном полу ни доски, ни паркета, на цементной стяжке просто лежит симпатичный ковролин — вот вам и уют.

Здесь они жили с одной женщиной из Грозного — умной, доброй. Обе привезли много подарков: расписной самовар, красивые подносы, платки, янтарь, икру, шампанское, коньяк. Все это богатство было выставлено на комод, но никто к этому не притрагивался.

Первый вечер знакомства происходил в гостиной. На столе была одна пицца, небольшой салат. Каролина спросила, что мы будем пить, и принесла пиво в банках (для России это была редкость). Тамерлан отказался от пива, затем отлил себе из Наташиной банки. Она решила, что это знак дружбы, но потом поняла — скупости.

Основное чувство от своего присутствия в Америке в те две недели — это было чувство голода. Денег у женщин было очень мало, и тратить их на еду было просто нелепо. Экономили все. Но кому-то повезло больше, кому-то меньше. Подружились еще с одной женщиной из группы, и все трое были в голодающем состоянии. Правда, всего лишь до вечера, когда в университете для них организовывали совместный скромный ужин.

НА ФЕРМЕ

Как-то Наташа попросила Тамерлана показать им окрестности Арканзаса. На следующий день он сообщил, что Джон, его студент, сын фермера, согласен показать ферму своего отца. Джон неплохо говорил по-русски, и женщины на его огромном прямоугольном драндулете отправились в приятное путешествие. Приятное — потому что надеялись: их обязательно покормят на ферме. «Может быть, и с собой что-то дадут», — мечтательно рассуждала Наталья и этими мыслями делилась со своими голодными попутчицами. Ради предстоящей еды они взяли с собой оставшиеся сувениры (недодаренные хозяевам) и опрометчиво, прямо еще не выезжая за пределы Арканзаса, вручили их Джону. Он был очень доволен.

Итак, путешественники выехали за город. Территория почти ничем не отличалась от российской, кроме дорог. Здесь они были что надо: ровные, ни трещинки, ни кочки. Слово природа их создала такими и теперь сама же поддерживает их в этом идеальном состоянии.

Вскоре сильный автомобиль Джон
а стал карабкаться по зеленым полям.

— Это наши акры — их у отца больше трехсот, — сообщил Джон. — Вот наши коровки — их тоже не меньше пятисот, — поворачивая к ним веселое, рыже-красное лицо, рассказывал вожак.

— Как здорово, как красиво! Но когда же мы поедем на ферму? Где она? — интересовались иностранки, надеясь на сытный обед.

— Вот там она, видите домики? — Домики аккуратные виднеются вдаль, но почему — то едем не к ним, а в ... обратную сторону! В город!

Безо всяких объяснений Джон высадил их возле тамерлановского жилья. Что им оставалось делать? — Ответ прост: смириться с тем, что мы не можем изменить!

Женщины с неутоленным чувством голода вежливо поблагодарили его за поездку. Но парень, беспечно улыбаясь, сообщил, что Тамерлан обещал ему за эту поездку... ужин в университете! Господи, час от часу не легче! Университет устраивает им этот ужин, считай, как благотворительный, чтобы приглашенные с голоду не подошли. Зная, что у русских валюты нет, на что они в Америке будут кормиться? А этот рыжий гусь с папочкиной фермы стоит и доказывает, что они обязательно должны его пригласить. Господи, да и какой там ужин! В одноразовых коробочках салатик, что-то горячее и пепси-кола. Что им оставалось делать? — Пригласили, хотя понимали, что не имеют права — сами там были приглашенными. Но это еще не все...

Без четверти семь у входа в университет их встречали Джон со своей девушкой (он тут же с ней познакомил) и... собственной персоной Тамерлан! Во время ужина профессор сгрэбал все, до чего дотягивались его руки, и клал это в пластиковые пакетики, которые он предусмотрительно захватил с собой. Наташе с подружками было ужасно неловко. Вдруг кому-то из настоящих участников семинаров не хватит еды?

ХОТИМ В РОССИЮ!

Однажды Наташа пришла «домой» и увидела в коридорчике трех женщин.

— Они хотят с вами познакомиться, — сказал Тамерлан.

— А почему они стоят в коридоре? — непроизвольно удивилась гостя. Хозяин пригласил их в гостиную.

Женщины рассказали, что двое из них лет десять назад туристами побывали в Москве, Ленинграде и Киеве. Они оказались настолько потрясены СССР и русскими, что все последующие годы восхищенно пересказывали другим о своих впечатлениях. И теперь им еще раз выпало счастье — вновь лицезреть «раши вимен». Все они сидели на диванчике перед столом, на котором стояли российские гостинцы, и Наталья про себя удивлялась, почему Тамерлан не угостит их чем-нибудь. Она так долго переживала это непонятное русскому разуму обстоятельство, что в конце концов не утерпела и спросила хозяйку, может ли она чем-нибудь угостить своих же соседок? Каролина принесла на всех две баночки кока-колы.

Американки им рассказывали о своем восхищении древностью архитектуры и экспонатов Эрмитажа, Кремля, Третьяковки! Восторгались русским народом — его радушием. «У нас бедная страна, в Америке — все переполнено. Отчего же американки восторгаются Россией?» — думала Наташа. И находила объяснение: их трогали внимание и душевное тепло. Их

любовно — так в России принято — принимали, угощали, показывали все самое красивое. Плюс к этому — за их деньги выполнялся любой каприз. Иностранцы! Американцы! Для русских тогда они тоже были марсианами.

— Как снова попасть в Россию — в ваше Эльдorado? — интересовались женщины. За этим, собственно, они и пришли. Но, увы, Наташа не могла им гарантировать приглашения. (Возможно, их мечта уже реализовалась и не принесла им разочарования.)

Утром им выдавали по стакану кока-колы со льдом и сэндвич с тонким пластиком безвкусной ветчины. Когда Наташа по наивности предложила испечь пироги, сварить борщ или сделать плов, хозяева были в ужасе. Честное слово! Она поняла: на этой красивой, с шикарной техникой кухне они никогда не готовят! Она для престижа — новая, никелированная, сверкающая. Чистая, как в операционной. А вдруг потом надо будет очищать ее? — Нет, уж лучше мы поедем то готовое, чем завалены супермаркеты!

Потом они с Тамерланом заехали в большой супермаркет. Боже, чего там только не было! Мяса — сортов пятьдесят, птицы, рыбы, овощей, фруктов — изобилие! (На дворе была осень 1990 года. Старшее поколение, вспомните, что было на полках магазинов!!! Хмели-сунели, томатная паста и изредка суповые наборы или мороженая треска.) Наталья не могла взять в толк, куда американцы девают столько продуктов, если их к вечеру не распродают? А купить все — нереально. Это надо запустить голодную армию солдат. Тогда она еще не знала, что все продукты у них обработаны химией и могут храниться... годами! Как муляжи на витринах. Поэтому в магазине ни одного «съестного» запаха. А у нас тогда одна краковская колбаса какой чесночный аромат источала! Ах! Все и устремлялись к ней на запах, да и на вкус она была хороша.

Тамерлан набирал в тележку только копеечные просроченные продукты, гости надеялись, что хоть ими он их угостит утром. Тщетно надеялись.

В Америке всего полно, но как же одиноки здесь люди! Да, они не отделены заборами, но и без этого редко кто друг к другу приходит. Стеклянные входные двери — но ты никому не нужен, не интересен. Никто не звонит в твою дверь. Мир потребления употребил человека. Угробил его нежную душу. Здесь ты — продукт общества, кошелек на ножках. Только в этом виде ты и нужен. К сожалению, у нас тоже сейчас подобное происходит. И случилось это за такой короткий срок!

Наташа зашла в магазин тканей. Денег было мало, но надо же что-то купить в Америке! И сразу же влюбилась в нежнейшую черную вуаль с золотыми «бубочками». Только стала прикидывать, что бы из нее сшила, как увидела другую ткань — темно-синюю с золотыми колечками. Стала о ней размышлять, но дальше увидела бирюзовую органзу с полосочками, шоколадную — со звездочками. Закончилось все банально — она угробила полтора часа, голова ее разболелась от непосильной задачи, и она, материально способная купить сколько-то метров понравившейся ткани, в итоге не купила ни одного! Мозги заклинило от решения — «что лучше». И вышло — лучше ничего!

Это многое объясняло и в обыденной жизни американцев. Они месяцами

ходят в одной и той же одежде. Кинут в стиральную машинку — и опять на себя! Разве можно при таком чудовищном выборе выбрать что-то для себя? Легче с ума сойти. Вот ум так и защищается. Не выбирает.

Срок пребывания в богатой Америке подошел к концу, русские уезжали, и Каролина плакала. Наташу это очень озадачило. Однако, вспомнив все события, пришла к выводу, что они чахнут без общения: не приходят гости, редко появляются родственники. А Наташа при вечерних беседах просила их показать фотографии, когда они были молодыми, рассказать про их свадьбу, про дочек, про их уже покинувших мир родителей. Расспрашивала о жизни, проблемах, мечтах. Оказалось, что они об этом между собой никогда не говорят! И поэтому слезы Каролины сочла искренними, как при расставании с человеком, который интересуется ими как людьми.

ХЛЕБ С САЛОМ

Перелет на родину был очень долгим, утомительным, и в самолете, сзади она вдруг услышала такой диалог:

— Скильки салу ложить тибе?

— Кладай побогаче...

Наташа обернулась и увидела двух мужчин из их «диаспоры», которые на пергаментной бумаге резали сало и «мастили» его на черный хлебушек.

— А тебе побачить или пожевать? — поймав ее удивленный взгляд, спросил один из них.

Наташа просто кивнула головой — понимай как хочешь — и вскоре неожиданно получила свою «пайку». Ела, глядя в иллюминатор на земной глобус, и восхищалась своими: ничем их не возьмешь — не победишь — не соблазнишь! Даже направляясь в богатейшую Америку, они не забывают прихватить с собой и сальце, и черный хлебушек. Так им спокойнее. И сытнее. В этом она сама убедилась.

...По истечении некоего времени к ним в редакцию наведалься один известный американский журналист. Вопрос у него был такой: как все советские люди еще не померли с голоду при пустых магазинах? Его направили к Наташе, как к матери семейства. И тут она получила сатисфакцию.

— Если бы вы попали ко мне в гости, то даже при пустых полках магазинов я накормила бы вас — и рассольником, и голубцами, и салатом, и пирогами.

— Где вы все это берете?

— Конечно, в очередях. Что достанем — из того и готовим. Много ручного труда — чистим, трем, крутим на мясорубке... Но получается вкусно. И полезно. Все свежее. Не знаю, что лучше: полные магазины, но пустые холодильники или — наоборот? У вас же, в вашей богатой Америке, я две недели была голодной. И где лучше?

Коллега, слушая ее, покраснел, но не удивился, не возмутился. И что отрадно — дал на первой полосе в своей газете материал с ее

неприукрашенными оценками.

ВСТРЕЧА С СОЛЖЕНИЦЫНЫМИ

Вернулся на родину из Америки Александр Исаевич Солженицын. Все с интересом следили за тем, с кем он общается и что говорит о текущем моменте. Шеф сразу же попросил Наташу сделать с ним большую беседу. Она с трудом разыскала телефон писательских помощников, попросила записать ее к нему на очередь. Ответили, что желающих много, выбор — за самим писателем...

Прошло какое-то время. Наташа на работе часто задерживалась допоздна. А в дни сдачи номера — вообще за полночь.

Вдруг часов в восемь вечера раздается поздний звонок. Спрашивают ее.

— Я у телефона.

— Это Солженицын. Вы хотели встретиться со мной. О чем будет беседа?

— Наташа никогда раньше не слышала голоса Солженицына и не могла его узнать.

Но тут же «выстрелила» десятком вопросов о важных российских проблемах. Стала говорить, как необходима эта встреча: у газеты миллионы читателей, и «мы стремимся дать им информацию из первых рук. А вопросов много, но главные — о Чечне. Что делать с ней, как не допустить войны? Как остановить распад России? Как обуздать чиновников, преступность и воровство?»

И почувствовала, что это была небольшая проверка: на самом ли деле здесь нужны его мысли, или газета просто хочет похвастаться, что в ней опубликовался великий писатель. «Приходите ко мне завтра утром в девять». Назвал адрес. Сердце журналистки чуть не выскочило из груди от радости: сам Солженицын! Завтра встреча! Позвонила шефу. Он ей: «Это счастье. Всю ночь читай «Теленка»!» — «Да я же его уже читала!» — «Еще!» — только и добавил Старков. Он сам был переполнен чувствами. Заранее Наташиных вопросов шеф уже давно не спрашивал, ему самому интересней было читать их в готовом материале. Это все было по душе.

Еще раньше, в студенчестве, читая его Ивана Денисовича, а потом и перепечатанный с ошибками на тонких листках «Архипелаг ГУЛАГ», она часто думала об их авторе. Как прежде люди представляли себе былинных богатырей Илью Муромца или Добрыню Никитича, таким и ей казался Солженицын. Разумеется, не внешне (она была в разуме), а по его сумасшедшей внутренней энергии. Даже мощи. Конечно, поражала и безжалостная ударная сила самого ГУЛАГа. Казалось, что этот монстр питается людской плотью, жадно поглощая миллионы жертв. Он заряжен на это и не может иначе. Как уголь кидают в печку, так и это чудовище заглатывает свои «корма».

Наташа вспомнила, как читая эти произведения, не имея больше сил на переживания, она на время закрывала книги. Видимо, опасаясь, что сердце плюс образное воображение не выдержат этих страшных картин. Добавлялись сюда и страницы биографии. Репрессированные дед и отчим — тоже

исторически внушали: «Читай тщательно, помни и знай, что редко кто минует чашу сия...» (Господи, спаси нас и сохрани! Пронеси мимо эту чашу!)

Что-то же надо подарить Солженицыным? Решила выбрать из того, что было. Нашли в редакции на складе большой красивый гжелевский кувшин. Засела за вопросы. Это было просто, так как они переполняли ее.

Рано утром разбудила по телефону замечательного фотокорреспондента Борю Кремера: «Хочешь увидеть Солженицына?» В ответ сонный голос: «Спрашиваешь!»

...С Борей встретились без пяти девять у дома Солженицыных. Звонок по домофону, отвечает супруга Александра Исаевича — Наталья Дмитриевна.

— Здравствуйте, это я. Но с фотографом.

— Нет, нет, не надо с ним!

— Но нам все равно потребуется фото! Пустите его всего на пять минут.

Согласилась. Приглашенные увидели большую полупустую квартиру — без штор, картин, ковров, ваз и прочих уютных вещей. Александр Исаевич, взглянув на гжелевский подарок, замахал руками:

— Уберите это отсюда! Никаких подарков! Терпеть не могу лишних вещей!

Наталья слегка растерялась, так как такое отношение к красивым предметам видела впервые. В начале девяностых у людей еще мало их было, и они искренне радовались подаркам...

Наталья Дмитриевна объяснила, что он не выносит ненужных вещей. А на дворе начинался торговый бум, и всем, наоборот, хотелось и того, и другого. Потом Наташа сто раз вспоминала Солженицына, убеждаясь, как разное, даже красивое барахло засоряет нашу жизнь.

Но Наталья Дмитриевна — как мудрая женщина — спасла положение.

— Ладно, ладно, потом разберемся. Спасибо вам.

Борю впустили в дом «на одну минутку». Но для профи и это клад. Он щелк — щелк, попросил Наталью Дмитриевну встать за Александром Исаевичем — еще щелк и ушел. И вот тут Наташа рассмотрела Солженицыных. Его — стройного, достойного, тихого и мудрого. И ее — не просто красавицу, а обаятельную и умную женщину. Атмосфера такая — будто ты у себя дома. Ни напыщенности, ни пафоса, никакого напряжения. От этой семьи веяло надежностью, простотой, искренностью.

Они поговорили о текущих событиях и перешли к записи беседы. Александр Исаевич вытащил листочки, исписанные мелким почерком, и стал, заглядывая в них, говорить о судьбе России, о войне с Чечней. Это были конспекты его ответов на ее вопросы (озвученные накануне по телефону).

Наташа была потрясена ответственностью, серьезностью, даже фундаментальностью, с какой он относится к разговору с читателями. За всю ее предыдущую (и последующую) жизнь это был единственный такой случай. Многие — прямо так сходу, без излишних раздумий, ляпали, что придет на ум. Причем это были люди, которым не грех было обмозговать свои выводы и рекомендации... Слава Богу, если они иногда задумывались. А тут и бережное отношение к слову, к тому, как его поймут, и, конечно, желание вместить в ответ

как можно больше полезного, продуманного. Выходило, что ночью они оба готовились к этой встрече.

СНОВА ВИНОВАТА!

Потом, после записи, Солженицын поинтересовался политической жизнью новой России, много расспрашивал... Наташа с горечью рассказала ему о своей причастности к выбору Ельцина. Она сделала огромный материал, пообещала (как всегда) показать ему до публикации. Правка Александра Исаевича была корректной.

...И вот вышел номер с его интервью под названием «Желтое колесо». В тот же день сама привезла с десятков газет Солженицыным. Но как только Наталья Дмитриевна увидела первую полосу, она тут же разволновалась и стала возмущаться:

— Зачем вы это сделали? Почему не спросили у нас! Это просто возмутительно! Мы вам поверили, а вы...

Наташа ничего не могла понять. «Чем она так недовольна? Что я сделала «не так»?»

Только когда прошел первый выплеск эмоций, ей разъяснили, что давать их фото на всю первую полосу — это неправильно. Но почему же такая буря? Это — наше редакционное решение. Имеем право. Солженицын и должен быть на первой. Где же еще?

— Но почему вы дали фото, где и я вместе с Александром Исаевичем?

На самом деле фото было отличным. Он сидит за письменным столом, а она — верная жена и подруга — стоит сзади за ним. Лица — чудесные, одухотворенные, милые и здорово к себе располагающие...

Но Наташу продолжают ругать:

— Он — великий! А я тут при чем? — Кипятилась Наталья Дмитриевна. А затем наконец-то призналась:

— Я не хочу быть ни Еленой Боннэр, ни Раисой Горбачевой. А потом... в каком я здесь виде? (Вид был супер!) За минуту до вашего прихода я закончила мыть пол. В чем мыла — в том вас и встретила, даже в зеркало не взглянула. А вы меня в таком виде — и на обложку! «АиФ» читает весь мир. И вот такую вынесли меня на обозрение всей страны...

Господи, о чем беспокоятся даже такие неординарные личности, как жена Солженицына! Да будь она в чем хочешь — хоть в драном халате, но она — ЖЕНА! Все это не помешало Наташе подружиться с этой удивительной и трудолюбивой женщиной, и этими отношениями она очень дорожит. А фото вышло замечательное. Зря она ругалась.

Наташа бывает в их уютном и необыкновенном — без ковров и шторок и прочих тряпочек — доме, где полно книг и где редко ступает нога чужого человека. Помнится ей один разговор с Александром Исаевичем, где речь зашла о приватизации российских богатств. Наталья Дмитриевна держалась той точки зрения, что с какого-то конкретного дня надо объявить амнистию приватизации.

Дескать, как там было, что произошло — забудем! Законно ли — незаконно ли — это в прошлом (как было в США). А вот с такого-то (с завтрашнего) дня начнем жить по правилам. И все будем соблюдать закон.

Александр Исаевич бурно спорил со своей женой, не соглашался. Утверждал, что народ, и он в том числе, не примет такого компромисса! Значит, до 10-го числа воровать можно было, а с 11-го уже запрещено?! Это несправедливое решение, неправильное.

— А какое правильное? — спрашивала Наталья Дмитриевна.

— Все пересмотреть. Уважать людей. Не унижать их. Выходит, воры снова окажутся наверху, у них есть деньги, которых нет у тех, кто не воровал...

Что и говорить, Наташа была на стороне Солженицына.

Когда Александру Исаевичу исполнилось 85 лет, она приехала к ним домой поздравить его.

— Дорогая Наталья Николаевна, мы с вами видимся в последний раз. Я так устал жить, видеть все это, страдать и не быть в силах что-то изменить. Я прожил огромную жизнь — Бог даровал мне ее — и никогда не думал, что доживу до 85 лет. А сейчас жить, поверьте, выше моих сил. Не хочу видеть того, что творится в мире, в России. Честные люди еле выживают, а ворье — разбогатевшее на общем народном добре — так бессовестно шикует. Поторопиться, написать задуманное — это единственное, что меня держит. Наверное, я еще не все написал, если Всевышний продляет мои дни...

СОЛЖЕНИЦЫН — СОЛЬ ИСТОРИИ

Почему власти — президенты — не допускали до народа Солженицына? Понимали: они с ним — разных мастей. Все свои права он сам заслужил — своей волей, выдержкой, целеустремленностью. Солженицын останется Солженицыным хоть в робе, хоть в валенках, хоть на бревнышке у любого сарая. Его сокровища — внутри него, их никто не отнимет, если только не отнимет его жизнь. Но даже и отняв ее — его сокровища в народе, они там нашли свой схрон и уже оттуда дают ростки высокой нравственной жизни. Собственно, все что написал Солженицын — это в защиту народа. И народ этого не забудет.

А теперь представим, что останется от наших президентов, премьеров, «глав», если отнять у них лимузины, охрану, шикарные апартаменты и стада низкопоклонников. Кем они будут? — Никем!

И вот это противостояние — соль земли и хрупкая «солоночка» — солоночка не в силах вынести. Особенно в стране, где все поделены на рабов и угнетателей. Ей кажется, что сам Солженицын говорит:

«Ищите чудо-рецепты? Да они в вас самих! А как их обнаружить — читайте мои книги, в них я ничего не таю, наоборот, все объясняю. Ну как я за пять минут в телеэфире могу раскрыть все механизмы нашего спасения? Это как лечение тяжелобольного — дело долгое и кропотливое».

...Когда Солженицына не стало, люди взялись посыпать голову пеплом,

каяться, что не слушали его, не пили из его родника чистую хрустальную воду... Да всегда так в нашей матушке-России. Некоторые люди считают, что не стоило ему возвращаться сюда, хоть и хотелось на родину. «Нет пророков в своем Отечестве». Это еще Христос сказал. А ему можно верить.

С Запада, как из-за кордона, все соблазнительно, «качественно», так и тянет прислушаться, — словно поймал «Голос Америки» и прилип ухом к запретному. Но это — его решение, его желание.

И вот пошли разговоры: «Кто запретил Солженицына? Почему ему рот заткнули? И что он такого нам советовал? А почему сам затворничал, не ломился «во всяку» дверь?» В итоге окажется: да, это мы виноваты, признаемся с тяжелым вздохом, а потом, с облегченным выдохом — нет, это он сам виноват: не просил, не требовал — не ломился.

Малая толика из нас — не рабы и угнетатели. Солженицын в этой избранной среде. Но как же их ненавидят окружающие! С какой злобой и завистью (маскирующейся под принципиальность) осуждают они его! В каких мнимых грехах не уличают!

«Не сотвори себе кумира» — заповедовал нам Господь. Но разве он услышан, разве можем мы прекратить нашу вечную игру — создать кумира, молиться на него, а потом — как пнуть его! Да еще плюнуть сверху. — И создать себе нового идола.

«Не осуждай других» (иначе их грехи к тебе прилипнут), но нет слаще дела, чем покопаться и предъявить миру чье-то грязное белье: «Смотрите, каков он!» Где наше уважение к ближнему, где любовь, как к своему брату? Этих чувств уже нет даже к близким-близким (без метафоры).

...Людмила Сараскина — биограф Солженицына — выпустила замечательную книжку..... Наташе ее подарила Наталья Дмитриевна, и она с удовольствием читала. Вечерами, ночами.

Читала и в ту ночь, когда скончался Александр Исаевич. Сопоставив время его смерти и главу, которую она читала, выходило, что в ней речь как раз шла о его раковом заболевании. И утром, после печального известия, возникла такая мысль: может быть, в этот миг она одна на всем свете читала книгу о нем и сопереживала ему?

Солженицын не хотел гражданской панихиды, не хотел превращать свои похороны в митинг демократов и диссидентов. Ему не нужны были эти речи. Он сам уже все сказал. А вы не ленитесь — читайте и думайте. Думайте.

МАМА НА ДАЧЕ

Сруб стоял уже под крышей. Сделали крыльцо, установили топчаны вместо кроватей, поставили «терпимые» окна. Как могла Наташа старалась облагородить жилье. Она ждала свою любимую мамочку.

Были шторочки на окнах, чистенькое белье, симпатичные покрывала. Скатерть на столике, цветы в вазочке. А на вечер — керосиновая лампа, свечи. Конфеты, бутылочка вина. Все (плюс еда, конечно) для мамочки.

Она приехала под вечер. Наташа встретила ее на вокзале в Москве и сразу — сюда, на свою стройку, начатую с ее благословения. Попросила у шефа отпустить ее с работы на завтра. Объяснила: приезжает мама, хочет хотя бы один день с ней побыть на даче. Надо многое на месте обсудить, поговорить по-человечески.

— Нет, завтра у нас редсовет.

— Может, без меня? Я и так знаю все текущие проблемы. Готова высказаться «в рабочем порядке».

— Нет, нет, тебе обязательно надо быть. Обязательно. Начало в двенадцать.

Вечером на дачу они с мамой приехали поздно, уже стемнело. Уставшая гостя прилегла отдохнуть да и уснула. Так что ни свечи, ни еда, ни вино им негодились. Наташа не стала ее беспокоить...

А утром нежно светило только что проснувшееся солнце. Пели-заливались птицы, стройные березы радовали глаз, зеленая травка с полевыми цветами манила к себе: «Приляг хоть на минуту».

Довольная увиденным, мама обошла дочкино «царство-государство» и тоже радовалась за ее хоть и скромные, но успехи.

Ах, как бы хорошо они посидели с ней за столиком, за чаем на лужайке! Как бы радовалась Наташа ее красивым глазам, родному голосу! Как бы отдохнули они в этой теплой беседе от нахлынувших на Наташу проблем! И мама бы рассказала дочери о своем бытѳе-житѳе, отдохнула бы от вечно сварливого мужа! Ах как бы да кабы!

Да не кабы. Надо ехать — даже лететь. До работы не меньше двух часов езды, а редсовет — в двенадцать.

Что же Старков, такой суровый и жестокий, не отпустил ее на денечек? Знает же, что когда истинное дело, она всегда в первых рядах, хоть на амбразуру, хоть на целину. Знает же, что писанину свою она сотворит в любом месте, только дайте ей присесть хоть на пенечек...

Ну почему, почему так жестоки люди?! Знает же, что не просила помощи от редакции — ни транспортом, ни строителями... Никем! Ничем! Все сама да сама. В список дачников вошли и мужчины. Немало их там было. Наташа тайно надеялась, что они станут первопроходцами, а она — за ними, по их тропиночке. Но не сбылась эта тайная надежда, не удалось пройти за кем-то. Мужчины сами захотели идти по готовому следу.

Наскоро показав маме, где что лежит, погоревав, что не могут провести это райское утро вместе, Наталья помчалась в деревню, вскочила на своего железного коня — и вперед! Ехала с какой-то бешеной (140 км/ч) скоростью. Боковой ветер (тогда она впервые поняла, что это такое) едва не сносил машину с дороги... Иногда казалось, что нет сцепления колес с асфальтом. К Москве подъезжает — пробки. Что она только не творила (а опыта еще было мало), чтобы преодолеть поскорее их. Глянет на часы — и сердце замирает. Они идут, а она стоит.

Просто чудом успела в редакцию к двенадцати. Переоделась из дачного облачения в служебное. И — пулей в кабинет к шефу.

— Ты чего такая раскрасневшаяся? — спрашивает Томочка — его секретарша.

— С дачи еду, боюсь опоздать.

— Куда?

— Тамара, как «куда»? На редсовет.

— Так его же сегодня нет. Шеф остался дома, сказал, что не приедет...

Так что какой тебе «редсовет»?!

Если бы она была мужчиной, точно бы стрелялась с шефом на дуэли. Может быть, и сама бы голову сложила, но чувствам своим дала бы выход.

ГОРБАЧЕВ И «НОВАЯ»

На каком-то политическом мероприятии в числе приглашенных лиц был и Михаил Горбачев. Наташа встретила с ним и попросила дать интервью «АиФу». Он согласился, буря событий стерла все его разногласия с газетой.

Сидели долго, он был почти откровенен, говоря о своей роли в истории России и ее нынешней оценке. О режиме Ельцина говорил, естественно, жестко и справедливо. Во-первых, это был его более удачливый конкурент, во-вторых, ошибок у Ельцина было столько, что только ленивый его бы не пнул. А тут был не ленивый.

Наталья подготовила материал к публикации и, как положено, послала ему на визу. Горбачев кое-что поправил и вернул в редакцию. Первую часть беседы опубликовали, сделали ссылку, что в следующем номере будет продолжение. Но его не было. Видимо, из окружения Б. Н. Ельцина попросили шефа «не афишировать» Михаила Сергеевича и его уже «реакционные» взгляды.

В одном номере продолжения нет, в другом, в третьем. И вдруг оно появляется в «Новой газете»! Коллеги к Наталье: «Ты отдала?» — «Нет, конечно. С какой стати?» Все журналисты еженедельника были связаны по рукам и ногам условием не сотрудничать с другими изданиями. Из-за этого много Наташиных материалов так и не увидело свет. (Сейчас она считает, что ей следовало наплевать на этот пункт.) Но тогда такое поведение было некорректным по отношению к своей газете: «Зарплату получаешь здесь, а вкалываешь на других?!»

Шеф болел, но узнав о «Новой», позвал их к себе. Некоторые коллеги были убеждены, что она сама отдала, и покусывали ее, как могли. Старков прямо спросил: «Отдавала?» — «Нет». — «А тогда кто же еще?» — возбудились сослуживцы. — «Да пошли вы... знаете куда?» — разозлилась Наташа.

Старков всех успокоил: «Нет, она этого не делала. Будем разбираться с «Новой». А там и не скрывали, что текст им прислал сам Горбачев, когда увидел, что в «АиФе» продолжения нет.

К чему все это? Да все к тому же — к старковскому чутью, знанию людей, оценке того, кто что может, от кого чего ожидать...

То время ознаменовалось снижением аифовских тиражей. А еще совсем

недавно был 33-миллионный тираж. Так что потеря читателей стала большим ударом. Хотя сами его и подготовили: отвернулись от народных интересов в пользу «служения» нынешним прохиндеям. Экономiku перестали считать нравственным делом. Влюбились до обморока в рынок, приносящий прибыли лишь единицам. Хвалили, вопреки очевидным фактам, политику Гайдара и Чубайса. Да плюс ко всему подняли цены на подписку.

Читатели писали: «У нас нет таких денег на «АиФ»! Мы столько лет были с вами, а теперь вы отвернулись от нас».

Наташа, как член совета директоров ЗАО «АиФ», была против всех этих решений, но Старков нашел себе других (мягких, покладистых) советчиков. Они на каждое его слово говорили: «Да, да, вы — гений».

И эту историю она вспомнила только для того, чтобы подчеркнуть: шеф прежде был находчив, разумен. Но сейчас на него нашло какое-то затмение от этих чубайсов, бурбулисов, гайдаров... Во время планерок Наташа не раз предлагала сделать разоблачительные беседы с ельцинскими министрами, сторонниками приватизации, большого «хапка» и т.д.

Шеф чувствовал, что она легко справится с этой задачей, и был против, чтобы «не поставить газету в неловкое положение»: мы же — демократы! Мы же — за Новую Россию, мы же — за Рынок! За капитализм! Поняв, что Наташа ни за что не будет «перестраиваться» в сторону большой любви к нынешней российской верхушке, Старков назначил «на экономiku» бывшего музыканта... Все логично. Только музыкант сможет лихо подыгрывать этим «наперсточникам».

В отделе социальной политики работала Вероника Сивкова. Делала хорошие, глубокие материалы, имела большую читательскую почту. Но по характеру была грубоватой. Запросто могла кому угодно сказать любую резкость. Шеф от нее тоже «страдал» и решил не терпеть, а уволить. Назначил заседание редколлегии по этому вопросу.

Наташе было жалко терять Веронику, для газеты та была кладом, и она попросила секретаршу сделать ксерокопии всех ее социальных материалов. С ними и пришла на редсовет. Когда большинство стало высказываться за то, что и их Сивкова «обижала», Наталья положила веером на общий стол все ее материалы и спросила: «А кто из вас будет писать так, как Сивкова? Что будем делать без нее?» Увидев кучу ее хлестких публикаций, вопрос сразу же был снят с повестки дня. Хотя члены редколлегии, покидая кабинет, и бубнили: «Незаменимых нет...»

СУД С КУЛИКОВЫМ

А вот и примеры «незаменимости». В разгар чеченских событий Наташа сделала интервью с генералом Александром Лебедем. Он дал информацию о тогдашнем министре МВД Анатолии Куликове с негативной оценкой. Газета вышла в свет, беседу с Лебедем прочитали и Куликов подал на «АиФ» в суд. За клевету. На суде пришлось «отбояриваться» Наташе, как автору.

Слава Богу, что сохранилась запись на пленке, где один генерал клеймил другого, но все равно журналистов посчитали виноватыми, так как они «размножили» непроверенную информацию. То, что оба генерала были чиновниками и сами должны были нести ответственность за свои слова и действия, в расчет не принималось. Один раскрыл тайны другого, а ведь Наташа не подслушивала их, сидя за шторой или лежа под кроватью. Нет! Один — секретарь Совета безопасности аргументированно обвинял другого — министра МВД (это вам не шуточки) и делал это на пленку (пусть и диктофонную), но виноват оказался стрелочник, то есть журналист.

В суде был один важный момент — у Наташи спросили, что газета выбирает: крупный штраф и делу конец, либо будут биться до последнего. Сама она склонялась к «битве». Но ответ надо было дать сейчас же.

Решила посоветоваться с шефом и позвонила ему. Старкова в редакции не было, помощник все-таки нашел его, но он не захотел подойти к телефону. Наташа помощнику: «Зови его!» Тот в ответ: «Он не идет!» Она снова: «Зови немедленно!» Шеф наконец-то подошел, и первое, что ей сказал: «Я тебя увольняю!» Ну и ну! Но у нее с ответом не задержалось: «А я не у вас лично работаю, поэтому сама буду принимать решение, когда мне увольняться!» И все. Точка, раз и навсегда. Больше никогда он не произносил ей подобных слов, хотя другим не раз и не два угрожал ими...

Если прежде журналисты были ближе к своим читателям, а при миллионных тиражах это, естественно, были простые люди и они ели один и тот же хлеб, то теперь, попав «в верхи», отдалились от них, как бы «заслуженно» почувствовали себя «элитой».

«Не царское это дело» — часто слышалось в редакции: такими словами баловали Бориса Николаевича депутаты, лепя из него очередной «культ личности». И шеф вместе с ними стал больше ценить сотрудников уже не по заслугам, а по услугам. Но не всегда это ему удавалось...

Словом, в редакции происходило много разных «горячих» событий, и в них отражалось — как в зеркале — то, что было во всей стране. «А курс у нас один — правильный», — так бы подытожил все это мудрый Виктор Черномырдин.

ТАРЕЛКА НА СТОЛЕ

Перед очередным Рождеством 1996 года один их семейный друг предложил погадать. И брался сам «организовать» сеанс... спиритизма. Наташа слышала, что на заре XX века в России этим очень увлекались, но чтобы такое занятие было знакомо и сейчас — как-то не верилось. Между тем любопытство взяло свое.

Лист ватмана, круг расчерчен, блюдце помечено. На столе одинокая свеча и лица гадалщиков — очень и очень напряженные — в полутьме. Друг — как знаток дела — стал вызывать духов. Все притихли, замерли, даже не поймут, хотят ли, чтобы духи приходили или нет. А он все взывает: «Дух приди! Дух явись!»

У Наташи сердце сжалось от страха, и вдруг из темноты послышался голос: «Сейчас все брошу и явлюсь!»

Боже, что такое? А это сын Саша незаметно покинул общее заседание и таким образом откликается из своей темной комнаты.

— Задавайте свои вопросы, — предлагает им друг, когда дух наконец-то согласился отвечать.

— Дух, скажи, кто будет следующим президентом страны? — задала свой вопрос Наташа и услышала взрыв смеха.

— Вы что? — напряглась она.

— Чего задаешь такие вопросы? Спросить больше не о чем?! — все присутствующие бурно возмущаются.

— Мне это важно! — оправдывалась Наталья. — Не интересно вам — не слушайте!

Все-таки она настояла на своем. Снова задает тот же вопрос. Дух пишет «юде».

— Кто «юде»? — снова спрашивает духов, раздражая своих близких.

Дух пишет: «Элцин».

Сразу после праздников она рассказала на работе об этом эпизоде. В первой его части все так же захохотали, как и дома. Нашла, дескать, о чем спрашивать. Наташа не стала продолжать.

— Ну скажи же: кто? кто? — отсмеявшись, жарко вопрошали ее коллеги.

— Вам же тоже интересно, да? А чего тогда смеялись?

...В новом году должны были состояться выборы президента, и никто не мог знать, на кого выпадет этот выбор. Рейтинг Ельцина был не выше трех процентов. Никто не верил, что он будет избран, настолько запущенными оказались все государственные дела... Но дух не обманул: у власти снова стал «иуда».

НОЧНОЙ ЭКСТРИМ С МОНБЛАНОМ

Словно в ответ на ее ночные переживания по поводу дачи Наташе на глаза попадает объявление: «Продаем кирпич с доставкой на место». Бальзам на сердце. Звонит в эту фирму, заказывает две тысячи штук кирпича — меньше они не возят... Спрашивают: «Как к вам проехать?» Объясняет, как ехать до самого участка. Как они туда доберутся — молчит. Назначили день доставки. Наташа заранее завезла маму и Сашу: «Ждите». Сама на работе. Часов в пять вечера звонок: «Кирпич вам доставили, но не до места, там проезда нет, выгрузили на краю деревни. До ночи обязательно перевезите на участок, иначе деревенские растащут, они уже хищно поглядывали в эту сторону». Но очередной выпуск газеты не ждет. Быстро дописывает то, что идет в номер, редактирует необходимые материалы и в шесть вечера выезжает на дачу.

В восемь она на месте. Как увидела этот Монблан из кирпичей, пришла в ужас: «Как же мы его перевезем? Перенесем?» Втроем — мама, Саша и Наташа — стоят перед огромной горой и горюют. Тут они услышали в лесу стрекот

какой-то техники. Наташа пошла на этот звук. Пожилой мужчина укладывал на маленькую тележку дрова. Везти их должен «муравей» — типа маленького самодельного мопеда. Стала уговаривать мужика помочь им. «Сейчас отвезу дрова, перекушу и приеду к вам», — ответил дровосек. Увидев количество кирпичей, он сокрушенно почесал затылок. «Ну давайте, вы накладываете и выкладываете, а я отвожу». В тележку влезало всего пятьдесят кирпичей. Они втроем их ровненько укладывали (чтобы побольше вместились) и бежали за тележкой на свой участок. По прямой это было метров четы-реста. Там ровненько их складывали и бежали обратно к Монблану. Началось это действие часов в девять вечера и продлилось до трех ночи. Когда эта ночная эпопея закончилась, дачные рабы не верили глазам своим, но их ноги, руки, мышцы верили — потому как гудели от перенапряжения.

Рассчитавшись с добрым человеком, они выпили чай из термоса, съели по бутерброду и... пошли до своей машины в деревню.

Завтра утром Наташе надо было быть на работе. Сели, тронулись в путь, и тут она почувствовала, что сразу же проваливается в сон. Сашка, когда нет гаишников, всегда просится за руль, и сейчас Наталья, еле ворочая языком, говорит: «Саш, если хочешь — садись». В ответ — молчок. Смотрит, а ее сын, привязанный ремнем безопасности, полностью отключился и даже свесился над ремнем. Ведь он работал наравне с ними. Выносливый пацан, но и он устал.

Глаза слипались неимоверно. Хоть спички вставляй. На красном светофоре она падала лицом на руль и мгновенно засыпала, даже видела сны. Одна мама, сидящая сзади, бдела. «Наташа, зеленый!». С огромным трудом женщина выходила из глубокого сна, ехала, боясь врубиться во что-нибудь и мечтая, чтобы или все время горел красный и она спала бы на руле, или скорей доехать до койки. Как они все не угробились? — Это было еще одно чудо.

Сейчас она сама удивляется: зачем был нужен этот героизм? Надо было плюхнуться на кровать на даче и спать до утра, а на работу в этот день приехать к обеду. Но эта отвратительная ответственность, невозможность предупредить шефа о своем отсутствии, толкали ее на такие риски не только за свою жизнь, но и за близких и дорогих ей людей. Сейчас ей очень стыдно за это. Наталье удалось столько полезного сделать для любимой газеты, что уж, простили бы ей этот грех.

Этот случай стал для Натальи знаменательным. Он показал золотую правду пословицы «Глаза боятся, а руки делают». В дальнейшем она очень часто вспоминала гору кирпича и то, что она сначала напугалась их, а потом поддалась решимости их во что бы то ни стало перетащить!

Если вернуться к «кирпичному феномену», то это был ее зеленый свет по жизни. Страшно за что-то браться, аж мурашки по коже! Не смогу! Не осилю! Но Наталья вспоминала тот кирпич и понимала: «смогу, справлюсь, и если дело правое (а за неправое не бралась), мне сверху помогут».

ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ

«Уроки французского» — это произведение Валентина Распутина она читала, а потом смотрела в кинотеатре. Переживала, восхищалась таким талантом, заочно уже полюбила писателя-сибиряка. И вот новое счастье — она сможет с ним встретиться и сделать интервью! Удача.

Сначала разведка боем со стороны Распутина: строго так, но не грубо. Кого уважает из политиков, каких взглядов сама держится, есть ли понимание своей профессии. А у Наташи на душе ликование. Правильно ведь делает, что не всякому свою душу открывать будет. Хорошо, тепло они с ним поговорили, а потом она спросила:

— А не можете ли вы, добрый господин писатель, объяснить мне такую историю. Вот я строю дачу. Земля — целина, надо удобрять. Вижу, как возле ближайшей к даче деревеньке мужики с тракторной тележки выгружают навоз. Откуда он — я тоже знаю, через дорогу ферма. Это триста метров, до моей дачи один километр. На часах пять вечера. Суббота. Останавливаюсь, спрашиваю, сколько стоит тележка. Отвечают. Недешево. Прошу привезти мне одну тележку, объясняю куда. Они отказываются. Посильнее прошу, давлю на то, что эта сумма — их недельная зарплата в совхозе. А тут полтора часа работы и деньги в кармане. Они: «Не поедem и все тут. Даже не тратьте силы, не просите». Почему не просить? Они что, одурели? Я их не понимаю совершенно. Почему? — допытывается Наталья уже у писателя.

— А я их понимаю. Вот привезли они до того одну или две тележки. Деньги заработали, а больше им на сегодня-завтра и не надо! Сейчас они разведут баньку, купят одну-две беленькой, соберут закуску. И все! У них уже счастье! Посидят, поговорят, глядя на тлеющие поленья, поматерятся вволю, вспомнят старое-былое... И зачем им еще ваша тележка? На кой она им ляд? Лишние деньги только карман тянут. Жене отдать — так той все мало, скажет, продай бабе не одну, а три тележки. И где тогда душевный разговор и баня?

И что вы думаете? Она приняла это как сильный довод. Он ей потом еще не раз пригодился.

ДОМ ИЗ ПЕЧКИ?

Снова свободные от творчества мысли Натальи были скорее терзаниями о даче. Теперь она боялась, как бы ее кирпич не украли. Тем более что халтурщики Мещерского все поглядывают на штабели кирпича, свой труд предлагают. Но она им не верит, так как видит их гораздо чаще, чем Александр — сосед и коллега.

Неожиданно в выходные приезжают на мотоцикле с коляской какие-то молодые парни: «Хозяйка, давайте вам дом из кирпича сложим!» — «Да здесь же только на печку!» — Отвечает она. — «Зачем вам печка, когда у вас уже и под дом траншея есть! А кирпича здесь на домик хватит». — «Откуда вы? Где дом клали?»

Они рассказали. Наташа съездила туда, поговорила с хозяевами. Они похвалили ребят. «Ну что ж, давайте, — отважно решила она. — Если не хватит кирпича — держитесь! Сами пообещали!»

Ребята взялись за работу, а те, местные, стали им... угрожать. «Катитесь вон, мы не дадим вам здесь ничего делать, это все наша территория. Или — платите нам «налог». Парни жаловались хозяйке, Наташа просила Мещерского унять своих плотников. Но он не мог ничего с ними сделать. Они прикидывались «белыми овечками». Своим ребятам она посоветовала вести себя корректно, но твердо: «Пошли сами вон».

Дом, дом, а какой дом? Наташа взяла листок из школьной тетради в клеточку и нарисовала картинку дома, где какие окна, где двери — и процесс пошел. Вышло, что их с сыном усилия не были напрасны, когда они, как бурлаки на Волге, тащили на поляну цемент. Ведь без цемента — никуда!

Как делали в старину, под углы дома в траншею положили ладан (для святости), шерсть (для тепла), мелочь (для финансового благополучия).

И что вы думаете? Вскоре появился симпатичный домик (толщина стен была малая — всего в один кирпич). Из остатков кирпича ребята предложили к дому приплюсовать гараж (низенький) для «Москвича». Наташа согласилась. Пришлось докупить еще кирпича, потом еще. Когда маленькие три стенки были готовы, она сказала решительные слова: «Доводите их до высоты дома».

Что они и сделали. Стенки эти были еще тоньше — в полкирпича, в «гараж» никакой «Москвич» не проходил по ширине (ребята мерили его по своему мотоциклу), но в целом получилось что-то интересное. Потом она выяснила, что никакую арматуру они не устанавливали, да ее же и не было на участке, но, как ни странно, домик удался! Они сами установили стропила, накрыли крышу...

...Пройдет лет десять, и однажды Наташа услышит возле калитки чей-то зов, обращенный к ней. Подходит — ее ребята! Они говорят: «Боялись даже заезжать к вам — вдруг дом треснул, завалился, развалился. Мы же его строили не по технологии. У вас ничего кроме кирпича не было, а нам нужен был заработок — семьи сидели без денег». Наташа их не пожурит, а за все поблагодарила. На самом деле дом вышел не теплым, но уютным.

Потом приехала Наташина мамочка. Она одобрила дочкины строительные «изыски» и предложила отделать вагонкой внутреннее мансардное пространство кирпичного домика — там был такой красивый вид во все стороны света!

Прошло еще пятнадцать лет и этот милый дом не смог перенести большого перепада напряжения из-за сильнейшего ветра, и покоренный этим «инфарктом миокарда» вспыхнул и выгорел дотла. А до этого был не единожды ограблен. Прощай, наше уютное гнездышко! Но надо собрать в кулак свою волю и сказать: «Слава Тебе, Господи, посылающему нам неудачи и скорби, чтобы мы были чутки к страданиям других!»

СТАРКОВСКАЯ КОШКА

Вспомнился такой странный эпизод с шефом. У Старкова дома была кошка. Она принесла приплод. Куда девать котят? Выкидывать жалко. Стал уговаривать Наташу: «Возьми детям котенка». Она категорически отказывалась. Тогда он самовольно поставил в ее машину коробку с котенком, прямо перед отъездом с работы. Ну не драться же с главным, дескать, «гражданин шеф, забери обратно свою коробку! Пусть она будет мяукать у вас, а не у меня! Там и так малых хватает. Воспитывайте сами своих котят!» Ясное дело, что в душе был такой монолог, но она на этот раз смолчала. Смалодушничала.

Едет вечером домой, котенок беспрерывно мяукает, а она злится за свою кротость. При резком торможении коробка вдруг упала с заднего сиденья, крики тут же прекратились. Принесла коробку в квартиру, поставила на пол. Дома эта кроха «выторкнула» свою мордочку из плена и молча с любопытством вертела милой головкой, торчащей из коробки: куда же это ее везли с такими мучениями? Что ее тут ждет? Дети, выбежавшие к маме, встретившись глазами с этим новым малюсеньким существом, в приливе восторга застыли, потом бросились его обнимать и тискать, все не верили своим глазам, были на седьмом небе от счастья. У них уже был щенок, и теперь все, что творили эти два веселых малыша, вызывало дружный смех.

Прошло несколько лет. Котенок вырос, стал большим, важным котом. Все было бы хорошо, но он часто метил свою территорию, приводя Наташу в жуткое негодование. Признайтесь, есть ли тот, кто потерпит свою мокрую постель не от маленького человечка, а от наглого кота? На расспросы Старкова о своем «котенке», Наташа честно рассказывала о его плохом поведении...

В то время события в редакции так быстро развивались, что им всем уже было не до котов и кошек. Наступил тяжелый период «разбрасывания камней» — жестокого противостояния всех в редакции. И вот при очередной словесной баталии Старков неожиданно спросил Наташу: «А как там мой кот?» — и в упор посмотрел на нее. — «Снова облил утром мое одеяло!» — гневно ответила она, давая понять, что и кот его такой же нехороший, каким иногда бывает и он сам. — «Так он у вас по-прежнему и живет?» — вдруг ласково и нежно зазвучал голос шефа. — «А где же ему еще жить?» — Агрессивно ответила она. Старков расцвел: «Я думал, что ты его уже давно выбросила на улицу...» — «Вообще-то, это — идея», — буркнула Наташа и ушла.

Через неделю у нее был день рождения. Старков преподнес в качестве подарка объемный пакет, в котором оказалось... большое теплое шерстяное одеяло! Вот таким непредсказуемым был этот человек! Старкова на свете уже давно нет, а то одеяло Наташа хранит до сих пор и вспоминает своего шефа с большой нежностью.

ДЕТИ ВЗРОСЛЕЮТ

С помощью настоящих друзей она поменяла свою ясеневскую квартиру на большую, и они уже жили в новом районе Москвы — в Крылатском. С мужем она развелась, он получил свою однокомнатную квартиру на юго-западе Москвы. Поддерживали с ним нормальные взаимоотношения, он продолжал заниматься своей наукой, а вот математикой и физикой с детьми для усиления их знаний заниматься не стал: сказал, что у него терпения не хватит. Ребята сами устраивались в свои школы, меняли их, и однажды Наташа попала с этим в полный конфуз.

На работе за обедом рассказала коллегам, что ее дети перешли на интенсивное обучение: за год они проходят двухлетний курс. Те поинтересовались, в какой школе делают такой эксперимент. Назвала номер школы. После обеда поправилась, нет, они в другой школе. Вечером спросила у ребят, они ответили: «Что ты, мам, у нас уже не та, а совсем другая школа!» Вот какая она виноватая перед своими любимыми детками.

Шли лихие девяностые годы. Все кипело, выкипало, бурлило в стране: приватизация, деноминация, криминализация, деморализация... Однажды Дарья выдала такой номер: видимо, наслушавшись речей политиков и всех обиженных, стала говорить, что «В стране все неправильно, зачем все разваливается? Вы не имеете права тратить все свои природные ресурсы на обогащение других стран, если у родителей есть свои дети. Что тогда им останется? Почему все так по-дурачки развивается, почему воюем друг с другом, когда ничего толком в стране не решено — ни с жильем, ни с работой, ни с молодежью?» Она так темпераментно и толково говорила, все складно и связно, что Наташа, к сожалению, всех ее пассажей не запомнила, так как была заморожена самой формой пламенного дочкиного выступления. Сашка, слышавший все это, только восхищался: «Во дает! Во Дашка — депутатка!»

Дарье очень хотелось зарабатывать — или поскорее быть самостоятельной? — и она устраивалась на работу куда только могла. Поскольку она занималась бальными танцами, то стала преподавать танцы в детском саду, но платили так мало, что-то рубля три за урок, что она там долго не выдержала. Преподавала английский язык какому-то маленькому ребятенку, а потом и его мама к ним присоединилась. Работала в пиццерии, хотела быть ночной нянькой у мальчика, родители которого работали в ночных сменах.

Как-то раз взрослые узнали, что они с подружкой, у отца которой есть автомобиль, замыслили заниматься ночным извозом — после закрытия метро развозить запоздавших москвичей по их спальным районам. Спасибо, что взрослые вовремя узнали. Девчонками планировалась, что именно Даша будет за рулем (бабушка научила управлять автомобилем, а потом и она сама легко сдала на права — с первого раза!), поскольку у подружки нет прав. На вопрос, как они будут развозить пассажиров до дома, если они не знают автомобильной карты Москвы, а только подземную, уверенно отвечали, что тот сам будет показывать ей дорогу... Вовремя «отвели» от этой затеи.

Деньгами Наташа их не баловала — это точно. Очень боялась, что они

вовлекутся в какие-нибудь неправильные дурные компании, ночные клубы, пристрастятся к вредным привычкам или наркотикам — а всего этого в страну хлынуло навалом... Коллеги ей жаловались на своих детей, что нет спасения от «прилипал», которые, почувствовав, что у ребят водятся родительские деньжата, пасли их как кроликов, стараясь втащить их в сомнительные дела... Этого Наталья боялась больше всего. Наташа помнила свое детство, ограниченное во всем, и считала, что это лучший вариант, чем «все можно, что вижу и хочу». Пусть перетерпят этот момент взросления, а потом к ним придет разум, и можно будет немного «расслабиться», не так сильно бояться за их судьбу. Она понимала: если ребята начнут зарабатывать сами, они станут по-другому относиться к деньгам, ценить их, а себя — уважать за самостоятельность. Она же в свое время сама «справилась» с учебой, работой, семьей, детьми! Разве они хуже, слабее, дурнее? — Нет, конечно же! Помнила, что когда дети были еще маленькими и она готовила им обед, один заказывал рыбный суп, а второй — с курочкой. Наташа готовила из того, что было, а наливая им в тарелку, говорила: «Вот тебе с курочкой, а тебе — с рыбкой». И ничего страшного не происходило. Зато подростками они съездили с мамой и бабушкой в разные страны мира, были в Болгарии, Чехии, Египте, Турции.

Однажды десяток редакционных ребятишек отправили в Англию на две недели для изучения языка. Их поселили в разные семьи — «погрузили в языковую среду». Дашу там так плохо кормили, что она попросила руководительницу группы перевести ее в другую семью, что и было сделано. А вот Сашка попал в рай. Ему сердобольная английская бабушка только и знала, что предлагала поесть, особенно ударяя на мороженое. Потом, по возвращении, Наташа спросила сына, что же он не выручал голодную сестру, так он удивленно посмотрел на маму и сказал: «Она же не просила...»

Перед отбытием в Соединенное Королевство Наташа дала сыну фотоаппарат и велела привезти побольше фотографий об их заграничном пребывании. Да, потом Саша привез пленки, на которых не было ни одной фотографии с Дашей! «Почему?» — строго спросила мать. — «Да я снимал только красивые дома и виды, а чего ее снимать, она и так здесь рядом!» То, что красивые открытки можно купить, а фото с сестрой уже не купишь, ему в голову не пришло. Даша привезла маме из Лондона красивый, нежный, розового цвета платок, Наташа бережет его и всегда радуется ее вкусу и памяти дочери о ней.

ПАРИЖ, ПАРИЖ, КАК ТЫ ПРЕКРАСЕН!

И вот новое счастье: Наташу пригласили на фестиваль русской культуры «Триумф», проходящий в Париже. В нем участвовали разные знаменитости. Спонсором фестиваля и его «задумщиком» был мастер закулисных дел, большой махинатор Борис Абрамович Березовский. Он верно рассчитал, что его опозоренное разными аферами имя может быть очищено русской культурой.

Вот таким образом Наташе удалось познакомиться там со «злым гением»

реформаторства Борисом Абрамовичем. Она пыталась вывести его на чистую воду с пирамидой «народного автомобиля», с «ЛогоВАЗом», который он создал для спекуляции автомобилями, но Березовский ускользал, прятался за туманными фразами, ссылаясь, что у него так мало времени, но очень старался показаться «белым и пушистым». Наташа уже знала все их заморочки и выкрутасы, с большой иронией смотрела на него, но... ничего хорошего не высмотрела. Ничем глубоким, мыслительным, откровенным он ее не поразил. Впрочем, она особо на это не надеялась. Да и он не простак, чтобы всем выворачивать свою душу нараспашку.

Она написала о нем аналитическую статью «Борис Березовский как зеркало российского капитализма». Статья оказалась пророческой в плане того, что в России породили не новый благодатный для народа строй, а взяли (или нам навязали?) кальку старого, типично буржуйского капитализма, когда кто наглее — тот и в дамках. «Дамки» бурно, как старковская кошка, расплодились, задавили все честное и живое, что еще было в народе. Сейчас российский люд кто как может, барахтается под этими «старателями», и дай Бог, если с помощью силы небесной выберется к своему настоящему пути.

Но вернемся в прекрасный Париж. Да, здесь есть своя необыкновенная, манящая аура. Место его на «глобусе» не случайное, из-под земли идут какие-то токи, рождающие чувство щемящей красоты и грусти. Видно и то, что предки «как карлы» вкалывали на этой земле, и хоть проливали свою кровушку по дури своих же соотечественников (Робеспьер, Наполеон и др.), но любили этот милый и романтический город. Полюбила его и Наталья. Побывала она на блистательном концерте Владимира Спивакова, возглавляющего ансамбль «Виртуозы Москвы». Он дирижировал оркестром, прямо порхая, как птица, на сцене: то замрет на какой-то ноте скрипки, то взвивается ввысь, то весь сожмется, словно в страданиях. И все это выглядело блистательной хореографией, которая очаровывала зрителя. Слушатели долго аплодировали его оркестру, а Наташа подумала, что это виртуозы не Москвы, а мира. После концерта ее познакомили с этим выдающимся музыкантом, дирижером, а он уже — со своей семьей, которая присутствовала на концерте и пришла поздравить счастливого папашу.

Здесь Наташу познакомили и с артистом Олегом Меньшиковым. Они пообщались недолго, поговорили о Париже, о «Триумфе», но все равно она почувствовала его мощнейшую харизму! Такое обаяние, которое поневоле тебя захватывает и обволакивает. Он и на экране безусловно хорош, однако экран и десятой доли не передает заложенной в Олега магии. Наташа не влюблялась в артистов, не фанатка их амплуа, но Бог дал ей способность чувствовать людей, поэтому она так искренне и высоко оценила исходящую от Олега захватывающую энергию большого таланта.

В этом же прекрасном городе жили и великие соотечественники Галина Вишневская и Мстислав Ростропович. Наташа договорилась о встрече. Долго искала на такси цветы (разве придешь к певице без них?) и опоздала. Извинившись, назвала причину опоздания. Кстати, цветы там продаются далеко не на каждом углу, как сейчас в крупных городах России! В Париже вам

обманом покажется знаменитая песенка французского шансонье «Цветочница Анюта».

Это был самый шикарный округ Парижа. 16-й. Дома-дворцы, внутренние великолепные садики, ухоженность, утонченный вкус. Да что говорить: ле-по-та! Галина Павловна статная, красивая. Показала свои шикарные апартаменты, с высоченными потолками, стены сплошь завешаны полотнами знаменитых — преимущественно русских — художников, а в старинных шкафах стиля ар деко — фарфор еще царских времен.

Женщины долго и тепло беседовали, но первое, что поразило Наташу, это вопрос хозяйки: «Неужели такси ожидает вас у дома?!» — «Нет, что вы!» — Галина Павловна облегченно вздохнула. Этот человек помнит свою бедность и не собирается отказываться от воспоминаний своего тяжелого детства, гонений, которые и привели ее с мужем в Париж. Рассказав свои впечатления о перестройке, она и Наташу спросила: «Скажите, разве может быть справедливым то, что моя московская портниха, зарабатывающая за месяц двести долларов, когда шьет мне платье, то хочет получить за работу в десять раз больше? За одно платье больше, чем за месяц работы? Я у этой портнихи спрашиваю: «Ты считаешь это нормальным? А она отвечает: «Да, я же шью для самой Галины Вишневской!» Что у вас там случилось с народом? Кто его так портит?»

«Слушайте, — продолжает она, — вот у меня концерт в «Гарден Опера» — самая известная европейская сцена. Знаете, я еду туда не на автомобиле, потому что мы можем попасть в пробку. Собираю свое концертное платье в сумку, беру косметику и добираюсь до театра... на метро с пересадками! Да, да, я не гордая, для меня главное — хорошо выступить! И потом, когда получаю цветы, комплименты, твердо знаю, что никто не поверит, что три часа назад я толкалась со своими сумками со всеми молодыми и старыми парижанами в переполненном метро!»

Наташа с Галиной Павловной после интервью немножко выпили, и, глядя на ее красивое лицо, журналистка поинтересовалась, какими французскими кремами пользуется певица? «Помилуй Бог, чтобы я покупала эти кремы: они же стоят баснословных денег! Нет, лучше утром сметанкой намажу лицо, оно к обеду и оживет. А до 12 дня стараюсь вообще в зеркало не смотреть, чтобы не расстраиваться». Вот такая замечательная Галина Павловна! Наташа потом еще не раз была в этой квартире Ростроповичей, видела спальню Славы, где кровать стоит не по закону геометрических линий, а как-то зрительно неправильно, но зато строго по законам фэн-шуя. Наташа часто их вспоминает, бывает на Новодевичьем кладбище, где они похоронены вместе, только не определишь, где именно могила Галины, а где — ее одаренного Славы.

ЗОЛОТАЯ РУЧКА

Теперь снова с небес на землю. Именно в прямом смысле. Где-то там в высших сферах Наташа, сама со вкусом одетая, среди разных блистательных

фигур, которые к ней доброжелательны, внимательны. А потом — бац! — и мордой о землю! Плотную и жесткую. Ее надо выравнять. Вся в колдобинах, тяжелая глина. Ни лопатой, ни мотоблоком ее не возьмешь. Надо что-то особенное... Как же ее выровнять? — Эти мысли не давали покоя, потому что никто кроме нее эту работу не выполнит.

Поехала на крупную автобазу просить помощи. Диспетчерша — добрая тетка — сразу Наташу утешила: «Не печальтесь, я вам дам такую машину, которая все-все сделает. Ее здесь нет, но когда вернется — к вам вышлю. К двум часам. Сегодня».

Наташа облегченно вздохнула: неужели ее муки закончатся? Что-то не верилось, сердце подсказывало, не торопись радоваться, но диспетчершу все равно она искренне благодарила...

С нетерпением ждала двух часов. И вот она услышала какой-то гул. Нутром поняла, что он относится к ней. Как замороженная пошла на этот гул и увидела, как в эту «историческую» низину, где уже увязала не одна Наташина груженная машина, попала громадная махина. От одной этой картины сердце несчастной женщины упало, и на глазах появились слезы. Наташа с ужасом представила себе, что именно ей снова — в который раз! — придется организовывать вытаскивание этого чудовища из болота. «Нет, с ним я не справлюсь! Нет на свете такой техники, которая его вытащит! И зачем я так упорствую с этой глиной по имени земля? Нет, я уже кажется, ничего не хочу! Забудьте все обо мне!»

Такие думки были в голове, но она обреченно подходила к месту катастрофы, и рядом с огромным механизмом выглядела просто крохой. Однако парень из кабины весело ей улыбнулся: «Я к вам? По поручению Зинаиды Ивановны».

«Какой леший дернул меня за язык?» — укоризненно подумала Наташа, но кивнула головой. — Что он может сделать, кроме как навечно застрять в этом болоте? И почему он улыбается? Или просто не понял масштабов своего бедствия?»

Вдруг парень ловко перепрыгнул из одной кабины, где придавалось движение этому монстру, в другую. И под его управлением огромная рука этой желтой махины опустилась на землю, уперлась, поднатужилась и, как барон Мюнхаузен, вытащила свой организм из трясины! Это была фантастика!

— «Золотая ручка» называется, новая американская разработка. Может все! — уважительно по отношению к человеческому гению и его творению пояснил парень происходящее изумленной женщине и спросил: — Куда дальше?

— Дальше — никуда! Для вашей техники нет здесь работы.

— Да вы что? Зинаида Ивановна меня послала, и я все равно доберусь до места.

Рядом с этой «золотой ручкой» Наташины домики как-то скукожились, потускнели. Вроде как сиротинушками стали.

— А где же нож, который должен ровнять землю?

— Ножа нет, зато есть ковш. Выкопаю все, что вам надо.

— Да не надо мне ничего копать, все уже выкопано! Равнять землю надо, а вот нечем. Снова все сорвалось, вот невезуха!

— Да не переживайте вы так! Давайте лучше я вам пруд выкопаю, — предложил креативный парень. Наташа снова изумленно посмотрела на него. Парень пояснил:

— Сами поймите, не могу же я без денег вернуться. Меня на базе не поймут, скажут, себе заработанное присвоил.

— Пруд! Бассейн! — заорали пребывающие в экстазе от вида такой громадины на участке дети. Они тоже побаивались, что вот она сейчас неловко развернется и — пиши прощай их аккуратные домики. Значит, надо занять ее чем-то.

— Мама, мамочка, мы хоть купаться здесь будем!

— Да вы что — все обалдели?! Нам надо все выравнять, а не ямы копать!

Но парень мгновенно понял, где ему обеспечена поддержка — дети.

— Ребятишкам надо купаться? — Надо. Грядки поливать? — Надо. Вам белье надо полоскать? — Надо.

Вслух за Наташу все решал этот молодой да бойкий. Дети сразу в него влюбились, и уже все дружно давили на робеющую перед важным решением мать.

— А сколько будет стоить этот пруд? — еще ничего не обдумав спросила Наташа.

Он называет сумму. Хозяйка облегченно вздыхает: таких денег у нее нет. Радостно сообщает об этом. Он понижает тарифы. Снова отказ.

— Ну сколько вы можете дать?! — уже с отчаянием вопрошает парень.

Наташа называет свою сумму. Она раз в десять меньше первоначальной. Наташа уверена, что уж теперь-то машина покинет ее усадьбу несолоно хлебавши. Но парень неожиданно спрашивает:

— Где копать?

Дети радостно запрыгали.

«Боже, где же копать? — Надо быстро сообразить». Парень торопит, Наташа указывает рукой: тут, от сих до сих.

Дети, счастливые, прыгают рядом с ковшом. Пока Наташа туда-сюда повернулась — глядь, уже половина котлована выкопана. Еще несколько взмахов и — гоните ваши бабки, бабка!

Наташа отдала оговоренную сумму, желтая машина выползла с участка, и женщина осталась совершенно удрученная: «Что я наделала?! Вместо выравнивания почвы — разрытая земля и огромнейшая гора жирной глины». Это был ужас и стресс.

В тот день они раньше покинули дачу, чтобы глаза не видели этот кошмар. Ездить на участок ей как-то расхотелось. Все было нацелено на красоту и скорейшее обживание всего нажитого непосильным трудом, а теперь там — исковерканная территория, закрывающий обзор окружающих красот глиняный холм... «А что ты думала своей глупой башкой? Что «золотая ручка» съест эту выкопанную землю? Что после нее будет уже готовый пруд с хрустальной водой

и ромашками по бережку? Эх ты, балда! Не было у бабы горя да купила поросю! Ну куда теперь девать почти 30 кубов глины? Машина туда не пройдет, а вручную... Это будет поистине золотой пруд... Какой бес надоумил ее ехать на автобазу? И Зинаида эта Ивановна тоже хороша! Говорила ж ей: мне надо подровнять землю, а она ковш вместо ножа...»

И всю зиму — каждую ночь Наташа плакала от бессилия и своей невероятной глупости: «Что делать дальше? Почему я такая идиотка? Почему не я управляю процессом, а кто-то мною?»

Ей не с кем было разделить свое отчаяние. Жаловаться маме — ее жалко. Своему товарищу — скажет, я же тебя предупреждал: не справишься. И если раньше ее «заводили» трудности, то сейчас не было ни одного солнечного лучика, чтобы смягчить эту досаду. Некому было ее утешить, сказать, как примириться со случившимся.

...Забегая на много лет вперед, надо отметить, что это было в целом хорошее решение. Сделали симпатичный летний бассейн — прямо на зеленой лужайке! За ним, конечно, надо много ухаживать — падает листва с деревьев, идет борьба за чистоту, но в жаркий день так приятно погрузиться в его прохладную воду, после бани разгоряченному телу такая отрада: звезды на небе, свет в окошках дома и ты, рассекающий водные просторы... Спасибо тебе, «золотая ручка!» Но это можно было сказать только через несколько лет.

Плотники Мещерского уже собрали ему сруб — «сюрприз», который они со Светой встречали на станции, но уходить со стройки не хотели. Предводительствовал там местный авторитет Король. Сколько могли, они тянули из Мещерского деньги, а тот, делая вид, что все нормально, отдавал им. Они видели, что дела у Натальи идут более бурными темпами, она крутится, во все вникает, сама работает, не щадя живота своего. Стали просить Мещерского, чтобы он упросил соседку взять их хоть на разовую работу. Страсть, как Наташе этого не хотелось (и была права). Но в конце концов сдалась. Пусть проложат утеплитель и обошьют стены вагонкой в доме.

Договорились о цене, она уехала. Приезжает через неделю, большая комната готова. Ребята стали просить деньги вперед. Снова не хотела отдавать (и снова была права), но они втроем так упрашивали, что сжалилась, отдала. Результат известен. Сбежали ребята и, как потом выяснилось, утеплитель не проложили. Продали и пропили. До сих пор дом стоит холодный.

Прошло уже много лет, но даже сейчас об этом помнит директор лесопилки, помогавший маме Наташи собрать доски и знавший, сколько это стоит. Встретив ее, вдруг поинтересовался, не нашли ли они тех воров...

ЛЕШКИН ТОСТ И БАЛАЛАЙКА

Были в дачной жизни и курьезные случаи. Вот несколько из них.

Пройдут годы и Наташин участок станет все хорошесть и хорошесть. Вложенный в него труд превратится в уют и красоту. Деревья растут, кусты цветут, лужайки зеленеют...

Есть у них на даче такой хороший сосед — Алексей Дмитриевич. Его восьмилетие отмечали в беседке. Говорили разные тосты, ели шашлык, и среди взрослых, он был один пацаненок. Наташина подруга, увидев, что он стоит у окна и пристально смотрит на участок, спросила Лешку о причине такого интереса:

— Не могу оторваться от такой красоты, — ответил он ей.

Неожиданно Лешка попросил слова и, подняв свой бокал с соком, сказал:

— Давайте выпьем за людей, которые любят землю, уважают и украшают ее. Если бы каждый сделал свой участок таким красивым, то вся наша земля была бы очень красивой.

Все были поражены столь взрослым тостом. Эстет, однако. После дня рождения Алексея его папа и мама принялись наводить порядок на своем участке (чтобы он не заглядывался на чужие) — облагораживать дом, сажать газоны, деревья и цветы.

Когда Алексею было лет семь, он научился играть на балалайке. Задорно звучало «Светит месяц, светит ясный» и все другое — подобное «месяцу». Однажды на перемене он поиграл на балалайке в школе, и ребята в шутку накидали ему в шапку монет. Это неожиданное обстоятельство подтолкнуло его к новым подвигам. Как-то раз пошли они с мамой после школы в универмаг «Москва».

«Ты иди, я тебя здесь, у входа подожду», — предложил сын матери.

Мать ушла. Лешка быстро достал балалайку и давай играть! «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!» Да так проникновенно, что тут же собралась толпа. Перед собой он положил шапку. Покупатели слушают талантливого мальчика, деньги кидают. Прохожие тоже рассматривают чистенького, как ангелок, мальчика с ясными серыми глазами, интеллигентным личиком и подают ему денежки, хвалят его. Лешка всю солирует, увлекся до самозабвения, особенно когда понял: талант его востребован и капитал растет. Через полчаса выходит из магазина его мамочка, увешанная покупками, и видит эту удивительную, душераздирающую картину: родители послали малолетку на заработки, сами прокормить его уже не могут.

Влиться вглубь толпы и забрать своего сына мать не решается — ей стыдно. Такая приличная женщина, красиво одетая, с покупками... Ай-яй-яй!

Мать и так, и этак, вращая глазами, пугая лицом, зазывая мимикой, безмолвно, но очень впечатляюще, «приказывает» сыну немедленно следовать за ней. Лешка делает вид, что вообще не знает эту нервную тетю, и ему совсем невдомек, почему она ему корчит такие странные рожи...

Еле-еле удалось матери выманить сына-балалаечника из толпы «поклонников» его музыкального таланта, да и то, покинув место его триумфа, они двигались на приличном расстоянии друг от друга. Он был горд умением зарабатывать свои первые деньги, а она морально раздавлена неуместной в его возрасте предприимчивостью.

...Эту историю на работе, плотно закрыв дверь в Наташин кабинет, чтобы не подслушала секретарша, шепотом рассказал Лешкин отец, ее коллега. Рассказывал тоже со страшно огорченным лицом как ужаснейшую семейную

драму. Наташа от души посмеялась, представляя каждого в лицах, а потом на вопрос сокрушенного папаши, что теперь делать, честно ответила: «Радоваться надо, потому что голод в старости вам всем явно не грозит!»

ДАВОС

Наташа с Сашей Мещерским летят в Давос — на Международный экономический форум. Там собирается вся мировая элита. И они — тоже, как элита, четвертая власть. Без них ну никак нельзя, нет Давоса. Швейцария встретила всех «элитчиков» сумасшедшим снегопадом. Шикарное авто, взявшее их в аэропорту, никак не могло подняться в гору. Здесь Наташа впервые увидела, как водитель надевает на колеса мощные цепи. Они-то и помогли взобраться на швейцарские Альпы. В Давосе — чудесной горной деревушке — журналисты оказались поздним вечером. Но впереди их ожидало небольшое испытание.

На них оказался забронирован в отеле один номер. Саша в панике: выясняет, в чем дело, что-то требует, куда-то звонит. Наташа спокойна: перебьемся эту ночь одним номером — там кроме кровати есть и диван. А уже утром отыщем еще один номер. Но Саша не смиряется, боится, вдруг узнают в редакции, что они ночевали в одном номере, замучают шутками. Трусит.

Повезло. Около полуночи Наташе нашли место в пансионе. Небольшая гостиница на шесть номеров, но каких же домашних, ухоженных! С каким чудесным шведским столом! Хозяева обходились без дополнительной рабочей силы и были чрезвычайно любезны, добры. Это самый гуманный (по отношению к своему кошельку) способ европейского проживания. Прощаясь, мы даже расцеловались с хозяевами этого «гнездышка».

Наши политики, экономисты, чиновники в Давосе держались «орлами»: в России — перестройка, и они — главные ее «архитекторы». Черномырдин — он был тогда премьером — чувствовал себя просто терминатором. Наташа взяла у него интервью, и если бы у редакции хватило смелости дать его в газете «один в один» — это была бы еще та хохма. Спасибо, что Наташа разбиралась в экономике и сделала все сама: и вопросы «себе» задала, и сама же «ответила». Не на диктофон, конечно, а в газете. Ничего, ЧВС понравилось, он потом сказал ей: «Вот какой я умный!»

«Звездили» там всю и Анатолий Чубайс, и Борис Федоров, и Сергей Шахрай, и Григорий Явлинский. Иностранцы — бизнесмены, политики — роem вились возле них, ища новые рынки сбыта своей продукции и возможности продвижения себя на восток.

Однажды Наташа с Сергеем Шахраем поднялись на подъемнике на вершину горы. Слепило солнце, снег красиво искрился, и яркие фигурки горнолыжников казались сказочными. Наташе так хотелось хоть разок скатиться с этой уютной пологой трассы, но не было ни костюма, ни снаряжения. Тогда она подумала: может быть, когда-нибудь я еще приеду сюда с детьми. Пусть увидят эту дивную, чарующую покоем и величием красоту.

Шахрай что-то много и горячо говорил о политике, но Наташа, хотя и была озабочена перспективами развития страны, не хотела портить свое особое настроение и почти не слушала его.

В Давосе собралось много президентов стран СНГ. Был среди них и Назарбаев. С ним Наташа была давно знакома: приезжала к нему в Казахстан и брала интервью. Это было в первые годы «царствования БН». Назарбаева интересовало, как же «дорогие россияне» относятся к своему недавнему кумиру, кто теперь его окружает и кто «дергает за веревочки». Тогда они пооткровенничали. Интервью с президентом Казахстана «АиФ» печатал в двух номерах (конечно, туда не вошли их единодушно негативные оценки БН), а вопросы — ответы тоже были «выше планки». Как потом Наташа узнала, этот материал тщательно обсуждали в свите БН. Но знали бы они, как эти люди «почесали языки» вне интервью!

Назарбаев, увидев Наташу на форуме, посадил рядом с собою за ужином в ресторане и придирчиво смотрел, чтобы ее никто не обидел. Да кто ее там обидит?! Рядом за этим же столом сидел Аркадий Иванович Вольский, и когда она достала диктофон, чтобы записать застольные речи, Вольский глазами показал: не надо. Не принято. Наташа была ему благодарна.

В какой-то вечер объявили суаре — пафосную вечеринку с танцами и изысканными кушаньями. Борис Федоров (в тот момент министр финансов) пригласил Наташу на танец, а сам уже тогда владел впечатляющим животом. Наташа не утерпела и спросила:

— От чего легче избавиться: от международных долгов или от собственного живота?

Он удивленно посмотрел на нее, на свой живот и ответил:

— От долгов, конечно.

— Почему бы вам скорее не попробовать это сделать! А то есть опасение, что ни первое, ни второе у вас не получится!

Другой яркий политик стал приглашать к себе в номер. Когда Наташа внимательно посмотрела на него, он слегка смутился, а потом «поправился»:

— Понимаю, не сейчас, вам неудобно, вам хочется пообщаться с людьми, а ночью... Очень-очень жду вас. Мой номер такой-то.

Естественно, никто к нему и не собирался. Утром — на заседании — он «пожурил» ее:

— Я вас так ждал! Так ждал!

Наташе было смешно, так как на этом суаре знакомая молоденькая хорошенькая банкирша пожирала его глазами и говорила:

— Чтобы я только ни отдала, чтобы провести с ним ночь! Я влюблена в него!

Она была молода, красива, перспективна. Ее лицо сияло, глаза горели. Наташа подумала: «Не послать ли ее в его номер?» Но решила так не шутить: вдруг он ее выгонит?

КИВЕЛИДИ

В другой вечер в высокогорном ресторане «Бельведер» был устроен ужин, где приглашенные лица могли выбрать любую компанию за любым из столов, которыми «командовали» известные люди.

Наташу звали за разные столы — их хозяйева были с ней хорошо знакомы. Но когда Наташа увидела пустой стол Кивелиди и одиноко сидящего за ним «хозяина», то пошла туда.

Дело в том, что Кивелиди в течение года неоднократно просил ее о встрече и интервью с ним для «АиФа». Это была очень престижная площадка и не было отбоя от желающих разместиться на ней со своими откровениями. Но Наташа должна была встречаться только с теми, кто интересен их читателям, а не с теми, кто сам хочет у них напечататься. Никаких заказных статей, интервью тогда и в помине не было. Разумеется, она могла бы поговорить с Кивелиди, записать его на диктофон, но без особой надежды опубликовать этот текст.

Точно такая же картина была и с Михаилом Ходорковским. Ему тогда очень хотелось дать им интервью, но зачем записывать его впустую? «Менатеп» — тогда меньше всего интересовал газету. (Сейчас Наташа думает, что была не права. Пусть бы полежало интервью в портфеле — до поры до времени...)

И вот теперь, в качестве извинения за свою невежливость, она села за стол Кивелиди, и у них завязался интересный разговор. Вскоре стол стал наполняться новыми гостями, и они внимательно прислушивались к горячему диалогу. А Кивелиди оказался блестящим собеседником! Тонким, умным, нешаблонно мыслящим. Слушая его, Наташа тоже высказывала свои оценки. Этот разговор на пару часов так захватил их, что они не видели ничего вокруг... Он был настроен крайне пессимистично, аргументированно гроша ломаного не давал за будущее России. Наталья, как всегда, была более оптимистична...

За этим разговором живо следил один из иностранцев. После ужина он высказал восхищение Натальиным умом, смелостью. Они познакомились. Потом он прислал в ее номер цветы и дорожные духи со своей визитной карточкой. Так Наташа узнала, что это миллиардер из Гонконга. Приезжая в Москву, он много раз звонил ей, приглашая на встречу. Но как она могла отнять свое время от работы, от детей? Они же труженики «советского тыла», а не куртизанки. Он очень расстраивался, когда она находила любую причину не придти на свидание в ресторан: поздний педсовет, заболевший ребенок, усталость от работы. Кушать праздничную пищу, когда дома дети сами себе варят пельмени или готовят яичницу, это было не по Наташиным материнским правилам.

...Из-за общего стола миллиардера тогда увела группа его соотечественников. После завершения ужина и их разговора Кивелиди тоже ушел, почему-то не предложив довести Наташу до отеля (без машины добраться было очень трудно, а как потом выяснилось, он был уверен, что ее тоже ждет машина). И она осталась одна — перед очень крутым ледяным спуском с горы вниз к своему жилью.

«Ничего себе культурные люди! Даже не спросили, как я доберусь вниз!» — возмущалась она в душе. Но тут кто-то сзади взял ее под руку. Геращенко. Он говорит: «Куда же делись все ваши кавалеры? Ай-яй-яй! Вот мне повезло, сейчас вдвоем на пятой точке спускаться будем!»

Наташа уже представила себе эту красочную перспективу, но подъехал автомобиль, и Геращенко галантно открыл перед нею дверцу.

Они немного погуляли перед сном, деловую Наташу интересовали финансовые дела в стране, были и корыстные мотивы: какую подписную цену установить на «АиФ», чтобы она была корректной — и для редакции, и для читателей? Но Геращенко в своей обычной манере либо ругался на политиков матом, либо рассказывал ей зашифрованные анекдоты, но так и не рассекретился: «Вот вам на память наша юбилейная монета», — сказал он на прощание. Зря с ним гуляла по холоду.

...Вскоре Кивелиди отравили, а у Наташи появилось стойкое ощущение, что отравитель был буквально рядом с ними за столом в Давосе.

Очень жаль, что не стало этого интересного глубокого человека. Наташа искренне сожалела, что не сделала с ним материала, не оставила его потрясающие мысли для обдумывания потомкам.

МОРДОВСКИЕ РЕБЯТА

Однажды возле калитки на даче остановились парни. Четверо. Незнакомые. Спрашивают: «Хозяйка, есть работа?» Наташа оценивающе посмотрела на них. Работы полно, но кто будет доверять им и проверять качество работ?

— Нет, ребята. Мы уже скоро уезжаем.

Ребята понуро ушли с участка, но пройдя метров десять, один из них обернулся и сказал:

— Хозяйка, нам даже поест не на что. Неделю ночуем в машине — и домой не уедешь без денег, и здесь работы нет. Дайте хоть какую-то.

Наташа представила себя на их месте, и их положение ей совсем не понравилось. Она немножко подумала и предложила им прокопать траншею метров пятнадцать от канализационных труб под домом — до цветника. Траншея с уклоном, на дне — щебенка и песок, а в трубах — сделать дырочки. Вода по мере течения будет уходить в почву. Часа за три парни все сделали, Наташа их покормила... Рассчитались, договорились, что они приедут в следующие выходные.

Так она познакомилась и подружилась с прекрасными ребятами из Мордовии. Кучу дел сделали они на ее участке, а потом, когда появились соседи, и им делали все, что те попросят. А та канализация (только для воды!) долгие годы работала отлично!

Эти люди прижились на «аифовском» участке. Наташа их поила-кормила, рассказывала, что надо делать по отношению к хозяевам, чтобы все время иметь работу.

«Ребята, для всех вы станете как родные, если не будете воровать, если будете тщательно выполнять работу, если будете иметь при себе весь качественный инструмент и транспорт, и если сможете сами закупать материалы и отдавать хозяевам квитанции, сдачу», — внушала она им. И оказалась права.

Люди теперь оставляют им ключи от домов, деньги для приобретения стройматериалов. Для них уже на этом участке есть вагончик, и они живут в нем, даже когда строят в других местах (если у соседей нет работы). Они приезжают сюда с марта по ноябрь и очень прилично зарабатывают — построили себе дома, купили машины. Их дети учатся в московских вузах. Они заслужили все это своим самоотверженным трудом.

ГЛАЗУНОВ И КРАСКА

На Наташином участке уже был построен маленький деревянный домик, и пришла пора его красить. С трудом нашла хваленый кем-то из строителей «пенотекс», привезла на дачу несколько банок, но через неделю их уже не было — украли! Спросила у ребят, которые что-то там делали у Саши Мещерского, видели ли, знают ли кто украл — нет, пожимают плечами, не видели, не знаем. А кроме них нет никого на всей большой поляне!

Снова Наталья ищет такую краску, покупает ее и решает сейчас же покрасить дом, понимая, что со стен ее уже не сдерут. Детям ставит задачу покрасить по одной стене, себе — две. Лестницы поставлены, кисти выданы — работа закипела. Заканчивали, когда уже совсем смеркалось. Руки у Наташи были в коричневых пятнах, но пока не до них, пора сматывать удочки, завтра на работу, впереди долгий путь и дорожные пробки.

Наутро она приезжает на работу, а там ее все уже ждут во дворе редакции. Старков говорит, что срочно надо ехать в Академию художественных искусств к Илье Глазунову. Какое ехать, если у Наташи все руки в коричневых подтеках и крапинках? Просит всего пять минут для ликвидации вчерашних художеств, надеясь найти какое-то средство у ребят в гараже. Но ее никто не отпускает, и они едут. Наташа решает прикрыть свои испоганенные руки шарфиком или спрятать их за спиной...

Приезжают к Академии, а там их встречают как важных VIP-персон, все преподаватели-воятели выстроились в ряд и впереди сам народный художник Илья Сергеевич Глазунов. Он берет Наташину руку и учтиво... подносит к своим губам! О, Боже, только не это! Перед его глазами дамская ручка... Нет, это никакая не дамская ручка, а рука больной псориазом, которую еще надо и поцеловать! Представляете, что у него творилось в душе! Наташе было так неловко, что она даже не успела выдернуть ее или шепнуть ему, что это — краска и она дома «втихую» тоже рисует гениальные портреты!

Потом Глазунов им все в Академии показывал, рассказывал, представлял одаренных студентов, просил помощи в виде поощрительных стипендий для малообеспеченных талантов. Аифовцы пообещали. Прощаясь, уже обошлось без рукопожатий и поцелуев. Слава Тебе, Господи!